

Т . Ю . С И Д О Р И Н А

.....

ЖИЗНЬ БЕЗ ТРУДА ИЛИ ТРУД ВО СПАСЕНИЕ?

Сидорина Т. Ю.

Жизнь без труда или труд во спасение? / Т. Ю. Сидорина.

В XXI веке кардинально меняются роль и место труда как основного социального института. Казалось бы, труд – одно из основных условий существования и развития человеческого общества. И ничто не способно поколебать это устоявшееся представление. Однако особенности современной эпохи свидетельствуют о серьезных изменениях характера и содержания процесса труда. И эти изменения, о которых пойдет речь в нашей книге, совпадают с желанием современного человека освободиться от столь тяготивших его тенет труда.

Что ждет человека, выросшего в цивилизации труда, убежденного, что труд – это одна из основных жизненных потребностей. Какие перспективы рисует нам информационная эпоха, что будет с трудом как с одним из видов человеческой деятельности?

Эти и другие вопросы в центре внимания книги «Жизнь без труда или труд во спасение?» Сидориной Татьяны Юрьевны – известного российского исследователя в области философии культуры, социальной теории, социальной философии, доктора философских наук, ординарного профессора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Введение

Книги, которые мы пишем или только замышляем написать, начинают жить своей жизнью, даже не будучи завершенными. Книга, которую вы держите в руках, первоначально называлась «Не хочу работать». Название говорило само за себя: я хотела написать о том, что современный человек, который живет трудом и благодаря труду и который считает труд одной из неотъемлемых потребностей, вовсе не обязан жить, выстраивая свою жизнь вокруг труда. Я хотела рассказать, что современное отношение к труду сформировалось в определенную историческую эпоху. В иные эпохи люди не всегда почитали и превозносили труд, а проводили значительную часть времени в празднествах, спортивных состязаниях, а в некоторых обществах просто танцевали.

Почему я хотела написать эту книгу? Прежде всего я хотела объяснить себе и другим, что человек не должен тратить жизнь на ежедневный многочасовой труд, труд–принуждение, труд–обязанность, объяснить, откуда появилась всеобщая трудовая повинность, а вовсе не потребность, которая определяет жизнь современной цивилизации. В СССР я успела получить образование, узнала, что труд — это первая обязанность советского человека, что среди прав человека одно из первых мест занимает именно

право на труд, но в тоже время есть и почетная обязанность трудиться.

Сама же я никогда не испытывала потребности в труде, и почетная обязанность трудиться меня тяготила. Заинтересовавшись этим вопросом, я поняла, что труд — это всего лишь один из видов человеческой деятельности. Помимо труда есть управление, творчество, игра, коммуникация, и человек может самостоятельно решать, какую часть жизни он посвящает собственно труду, и вообще выбрать, каким видом деятельности он будет заниматься и будет ли вообще заниматься какой-либо деятельностью.

СССР был империей труда, и человек воспринимал себя частью этой великой трудовой мегамашины. Однако и в противостоящем мире капитала на протяжении XX столетия царила подобная трудоцентристская парадигма, обусловленная задачами индустриальной эпохи.

Вряд ли среднестатистический человек по ту сторону железного занавеса, как и советский человек, в середине XX в. представлял себе жизнь, свободной от ежедневного утомительного труда, обязанности обеспечивать потребности своей семьи, «в поте лица добывая хлеб свой».

Почему же на рубеже XX–XXI вв. отношение к труду изменяется, появляются крамольные мысли о нежелании работать, попытки оправдать это нежелание, обратиться к другим видам деятельности, даже менее оплачиваемым, не всегда способным обеспечить насущные потребности, но более интересным? Почему столь актуальным становится изречение «не хлебом единым жив человек»?

Причем меняется не только отношение к труду, но и сама сфера труда. Меняется его профессиональная структура: на смену индустриальным профессиям приходят профессии информационной эпохи, что с одной стороны, обусловлено веяниями времени, достижениями научно-технического развития, а с другой — определяет расстановку сил на рынке труда и в сфере занятости и меняет привычные жизненные стереотипы, складывавшиеся в течение столетий

Казалось бы, труд — одно из основных условий существования и развития человеческого общества. И ничто не способно поколебать это устоявшееся представление. Однако особенности постиндустриальной эпохи свидетельствуют о серьезных изменениях характера и содержания процесса труда. И эти изменения, о которых пойдет речь в нашей книге, совпадают с желанием современного человека освободиться от столь тяготивших его тенет труда. Немецкий философ Фридрих Юнгер еще в середине XX в. писал, что современному человеку свойственна мучительная тоска по свободному времени. И большинство людей верят, что техника берет на себя часть работы, облегчая жизнь человека, предоставляя время для разнообразного досуга¹.

Но облегчая процесс труда, заменяя человека на производстве и даже в сфере обслуживания, техника обостряет ситуацию в сфере занятости. Исследователи все чаще говорят о кризисе труда, понимая под этим рост безработицы, становящуюся более явной неопределенность роли труда, его статуса и значимости.

¹ Юнгер Ф. Совершенство техники. Машина и собственность. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 19.

И если значительная часть человечества тяготится тяжелым трудом в его классическом понимании и мечтает о творческой работе, свободном времени, досуге (и эти возможности становятся осязаемой реальностью благодаря достижениям науки и техники), то не меньшей части населения Земли трудовая деятельность по-прежнему необходима: сокращается рынок труда, где были востребованы рабочие профессии, возможное освобождение человека от тягот труда оборачивается перспективой утраты источников существования.

Человек оказывается перед дилеммой: обрести столь желанную жизнь без труда, но и без материального обеспечения или ухватиться за труд как за соломинку и постараться выжить. Безусловно, такая дилемма существовала всегда и, видимо, это один из законов социального развития. Но короткий период социального благосостояния второй половины XX столетия позволил распространиться надежде на освобождение от труда как от тяжелой обязанности. Первые десятилетия XXI века развеяли эти иллюзии и возвращают труду его утраченный статус.

Что выбирает современный человек — отказывается от труда или обращается к нему как спасению?

Труд в индустриальную эпоху

В современном мире работа предстает как явление планетарного масштаба, как процесс, осуществляемый всем человечеством. В этой связи напрашивается желание представить работу как некое фундаментальное основание, соотнести ее с образом

и даже смыслом жизни, что, кстати, не раз уже делалось в истории XX в.

«XX век принес моду восхвалять мир труда и провозглашать славу труду, — пишет немецкий философ Ф. Юнгер. — Человек труда стал декларируемым, мифологизируемым героем мира социализма, царства рабочих и крестьян»². В мире индустриального труда, подразумевавшего наличие нужды и тяжелой работы, воспеваются «биржи труда, военизированные трудовые лагеря и трудовые достижения»³.

Такой подход к труду выражает распространенную трактовку этого социального феномена. Но всегда ли он именно так воспринимался? Насколько крепка эта сцепка — человек–труд?

Существуют исследования, прямо или косвенно доказывающие несостоятельность этого (ставшего фундаментальным) основания нашего мировосприятия. Многие исследователи (Л. Мамфорд, М. Салинз, Й. Хейзинга, Б. Малиновский, А.Я. Гуревич и др.) подчеркивают, что трудовая деятельность не всегда была неоспоримым атрибутом человеческого общежития.

На протяжении столетий понятие «труд» и сам процесс труда в европейской культурной традиции претерпели существенные трансформации как по содержанию, так и по восприятию. Труд пережил периоды презрительного отношения, поклонения и восхищения, разочарования, отчуждения и, возможно, конца.

Сменившая традиционную, индустриальная эпоха принесла ставшее устойчивым понимание труда

² Юнгер Ф. Машина и собственность // Юнгер Ф. Совершенство техники. Машина и собственность. СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 469. Там же. С. 470.

³ Там же. С. 470.

как труда индустриального. Характер и направленность этого труда были соответственно обусловлены потребностями развивавшейся промышленности, достижениями научно-технической революции, последовавшими социальными трансформациями.

Труд в индустриальную эпоху обрел такую значимость во всех сферах жизни человека и общества, что трактовка труда, сложившаяся в это время, начала постепенно рассматриваться в качестве базовой, становясь классической, объединившей фундаментальные характеристики труда как одного из основных социальных феноменов.

Что представляет собой классическая трактовка феномена труда? Является ли она инвариантной? Соответствует ли современный труд его классическим образцам?

«Одной из мифологем развитого индустриального и постиндустриального обществ, — заявляет И. Джохадзе, — является глубоко укоренившееся в сознании людей представление о труде как специфически целерациональной деятельности, объединяющей всех "здоровых" и "полноценных" членов социума, "создающей продукт" и с необходимостью обуславливающей существование-человека-в-мире. Труд политически санкционируется, экономически поощряется, юридически и этически легитимируется. Вне его жизнь человека не мыслится как "нормальная" и социально приемлемая. При этом под трудом понимают, главным образом, регламентированную профессиональную деятельность, связанную с производством и потреблением. Вменяемой человеку в обязанность трудовой деятельности противопоставляется все непосредственно к ней не относя-

щееся, считающееся второстепенным, случайным, производным, в первую очередь — досуг. *Целерациональный труд оправдывает жизнь человека и наделяет ее смыслом* [Курсив мой. — Т.С.]»⁴.

Подобная трактовка труда распространена повсеместно, и современный человек воспринимает ее органично.

Почти столетие назад О. Шпенглер писал, что труд обретает свою нынешнюю трактовку в XVIII в.: «"Труд" делается великим словом в этических размышлениях... во всех языках он утрачивает презрительный оттенок. Машина трудится и вынуждает к сотрудничеству людей»⁵.

Время технической цивилизации, 1930-е годы — это эпоха труда, время великих строек и трудовых побед⁶.

Союз советских социалистических республик — СССР — воплощение идеи индустриального государства, цивилизации труда. Решение проблем трудоустройства — обеспечение декларированного в Конституции СССР права на труд — взяло на себя государство⁷.

⁴ Дюсохадзе И. Homo faber и будущее труда // Логос. 2004. № 6.

⁵ Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.

⁶ См.: Ашкеров А. Начала труда и конец производства // Отеч. зап. 2003. № 3.

⁷ См.: Конституция СССР. Гл. X. Основные права и обязанности граждан. Ст. 118. Граждане СССР имеют право на труд, т.е. право на получение гарантированной работы с оплатой их труда в соответствии с его количеством и качеством. Право на труд обеспечивается социалистической организацией народного хозяйства, неуклонным ростом производительных сил советского общества, устранением возможности хозяйственных кризисов и ликвидацией безработицы. /Конституция (основной закон) СССР. Конституции (основные законы) союзных советских

Это явилось решающим шагом для утверждения и воплощения в жизнь ключевой социальной доктрины молодого советского государства — концепции всеобщности труда, согласно которой все граждане, независимо от индивидуальных особенностей, должны работать на благо Родины, осуществлять намеченные грандиозные планы.

В СССР программы обеспечения занятости соответствовали принципам плановой экономики. Летом 1930 г. рынок труда был упразднен, а Наркомат труда и его органы на местах были реорганизованы.

В период индустриализации руководителям страны она представлялась огромным заводом, работающим по единому плану, единой программе, заранее утвержденной номенклатуре, в соответствии с установленными приоритетами. Продукцию давали на душу населения — тыс., млрд кубометров. Началась эпоха организации трудового энтузиазма сверху. Его подстегивали пропагандистскими и репрессивными мерами, стимулировали мотивами соревновательности⁸.

Социалистическое строительство в конце 1920–1930-х гг. приобрело невероятные масштабы. Это время называют эпохой великих строек, ставших примером проведения широкомасштабной политики государства в экономике.

Жизнь–в–производстве стала в СССР формулой существования человека. СССР создавался как все-

социалистических республик. Издание ЦИК СССР. Москва–Кремль, 1937. С. 28/.

⁸ См.: *Золотова И.К., Гарсия–Исер М.Х., Голодец О.Ю., Смирнов С.Н. и др.* Российский рынок труда: становление и развитие. М.: Федеральная служба занятости России, 1995.

мирно–историческое производительное сообщество, членами которого выступали люди труда. Отправной точкой в обосновании данной миссии, по мнению отечественного исследователя А. Ашкерова, служила моргановско–энгельсовская гипотеза о происхождении человека, а ее финальной точкой — образ коммунистического общества, где ликвидация разделения труда станет условием единения работы с творчеством⁹.

При этом труд превращался «в некое ритуальное продолжение революционного процесса. Если речь заходила о труде, то она неизменно шла о свершениях, починах, рекордах, пятилетках, социалистическом соревновании, скорейших темпах и небывалых сроках, ударниках и передовиках... <...> В то же время вряд ли можно представить себе и нечто более способное выхолостить революционное действие (путем избавления от возможности совершать изменения), нежели избрание этому действию такого аналога, как монотонное трудовое усилие»¹⁰.

Обратной стороной рутины неизменно выступает репрессивность. Репрессивности во многом способствует милитаризация трудовой деятельности, которая одновременно концентрирует в себе и возможность превращения ее в область, где ничто не может поставить предела героическому энтузиазму, и насаждения в этой области армейского порядка, который, как известно, также не признает никаких границ. Два этих вида безграничности — энтузиазм и принуждение — выступают в данном случае

⁹ См.: *Ашкеров А.* Начала труда и конец производства // *Отчет зап.* 2003. № 3.

¹⁰ Там же.

явлениями одного плана: «Словом, труд, ставший, по выражению Сталина, делом чести, доблести и славы, вовсе не превосходит, а, напротив, дополняет труд, сделавшийся уделом тех, кто оказался в рабском положении солдата какой-либо "трудовой армии"»¹¹.

Так в условиях тоталитарного государства происходила метаморфоза, превращение труда как деятельности на благо Родины и народа, труда освобожденного, приносящего радость, — в тяжкое безжалостное принуждение.

Своеобразный гимн труду эпохи социализма, знаменитый «Марш энтузиастов» (муз. И. Дунаевского, стихи А. Д'Актиля), впервые прозвучавший в кинофильме «Светлый путь» (1940), был написан в то же время, когда над СССР нависла зловещая тень массовых репрессий — арестов, расстрелов и заключения в исправительно-трудовые лагеря (предположительно марш сочинен в 1936 г.).

В буднях великих строек,
В веселом грохоте, в огнях и звонах,
Здравствуй, страна героев,
Страна мечтателей, страна ученых!
Ты по степи, ты по лесу,
Ты к тропикам, ты к полюсу
Легла родимая, необозримая,
Несокрушимая моя.

Нам ли стоять на месте!
В своих дерзаниях всегда мы правы.
Труд наш есть дело чести,
Есть дело доблести и подвиг славы.

¹¹ См.: *Ашкерова А.* Начала труда и конец производства // *Отеч. зап.* 2003. № 3.

К станку ли ты склоняешься,
В скалу ли ты врубаешься –
Мечта прекрасная, еще неясная,
Уже зовет тебя вперед.

Нам нет преград ни в море, ни на суше,
Нам не страшны ни льды, ни облака.
Пламя души своей, знамя страны своей
Мы пронесем через миры и века!

Принуждение к труду

Почему человек соглашается на тяжелый труд? Принуждение и еще раз принуждение! Принуждение может исходить как от внешнего источника, так и иметь внутренние причины, когда человек осознанно принимает решение. В этом случае выражение «делать из-под палки» обретает метафорический смысл, хотя на протяжении столетий человек имел дело с принуждением к труду в прямом смысле этого слова.

Согласно Э. Мунье, «труд всегда оказывается навязанным (вынужденные призвания, социальные принуждения или просто жизненная необходимость сама по себе); труд вызывает усталость, которая возрастает по мере увеличения продолжительности затрачиваемого усилия; труду свойствен определенный автоматизм, а следовательно, и монотонность, которая быстро лишает работника интереса к делу рук своих и даже к собственным движениям. Элемент принуждения, сколько бы незначительным он ни был, всегда присутствует даже в самом легком труде. Принуждение может как усиливаться (если различным отягощающим труд факторам также добавлена и бесчеловечность условий, в которые

поставлен работник), так и ослабляться, если труд выполняется свободно (а тем более, если он выполняется по призванию или по любви), и если усилие человека сведено к минимуму»¹².

Поскольку принужденность в труде неотделима от самого труда вообще, даже труда, протекающего в обычных условиях, он не может всегда и всюду вызывать радость или приносить наслаждение.

Из учебников мы знаем, что «свобода — это осознанная необходимость». Труд — это тоже необходимость, но далеко не каждый способен и стремится эту необходимость осознавать. Соответственно возникает потребность в институтах и механизмах принуждения к труду.

Формы и методы принуждения к труду

Формы принудительного труда

Исследователи отмечают, что принудительный труд повсеместно встречается в истории. Среди основных форм принудительного труда выделяют рабство, крепостничество и косвенное принуждение.

Появление «классического рабства» можно связать с развитием рынка свободной торговли. Прибавочный продукт, создаваемый рабом, в рамках рынка подлежит обмену на деньги, которые, в свою очередь, будут накапливаться и увеличивать могущество хозяина. При отсутствии рынка всякий излишек подлежал бы потреблению, что весьма ограничивало бы стимулы

¹² Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999. С. 146.

к эксплуатации... В случае рабства имеет место личная зависимость, при которой человек является собственностью своего хозяина — индивидуального или коллективного — и в рамках существующих правил тот может распоряжаться этим человеком по своему усмотрению.

... Крепостничество имеет место в случае поземельной зависимости или, шире, прикрепленности человека к рабочему месту... Отношения помещика и крепостного имеют характер служебных назначений, при которых крестьянин оказывается в подчинении у данного помещика до тех пор, пока остаются в силе соответствующие назначения.

... Косвенное принуждение — еще один вид принуждения к труду, названный классиками марксизма «экономическим принуждением» или «фабричным рабством», а в современной литературе — «зарплатным рабством», предполагает, что рабочий будет трудиться на самых невыгодных условиях по причине отсутствия альтернативного источника пропитания. Такая ситуация складывается, когда существует избыток рабочей силы относительно других факторов производства¹³.

Следует развести понятия рабства и принудительного труда, как бы привлекательны ни были подоб-

¹³ *Скоробогатов А.С.* Жизнь или свобода: рациональные основы принудительного труда в исторической перспективе // *Journal of Institutional Studies* (Журнал институциональных исследований). 2009. Том 1. № 1. С. 59–61. Следует учесть, что общественные работы не всегда представляют собой форму принудительного труда: так, в условиях Великой депрессии в США обратились к практике общественных работ для решения проблемы безработицы.

ные аналогии. Так, Конвенция ООН о рабстве 1926 г. определяет рабство как статус или положение человека, в отношении которого действуют все права, связанные с правом собственности /Ст. 1(1)/.

Понятие «принудительный труд» является более широким и охватывает наряду с рабством другие формы принудительного и подневольного труда, при которых работник не находится в чей-либо собственности и которые не обязательно являются рабством или практикой, близкой к рабству.

Определение принудительного труда дается в Конвенции Международной организации труда (МОТ) 1930 г. (№ 29): «Для целей настоящей Конвенции термин "принудительный или обязательный труд" означает всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания, для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг» /Ст. 2, п. 1/¹⁴.

¹⁴ Отметим, что в Конвенции МОТ 1930 г. из данного понятия был исключен ряд форм принудительного труда, которые в то время рассматривались в некоторых странах как нормальные обязанности, а именно: «(а) всякую работу или службу, требуемую в силу законов об обязательной военной службе и применяемую для работ чисто военного характера; (б) всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица вследствие приговора, вынесенного решением судебного органа, при условии, что эта работа или служба будет производиться под надзором и контролем государственных властей и что указанное лицо не будет уступлено или передано в распоряжение частных лиц, компаний или обществ; (г) всякую работу или службу, требуемую в условиях чрезвычайных обстоятельств, т.е. в случаях войны или бедствия или угрозы бедствия, как то: пожары, наводнения, голод, землетрясения, сильные эпидемии, эпизоотии, нашествия вредных животных, насекомых или паразитов растений и вообще обстоятельств, ставящих под угрозу или могущих поставить под угрозу жизнь или нормальные жизненные условия всего или части населения; (д) мелкие работы общин-

В Декларации МОТ 1998 г. среди видов деятельности, которые часто приводят или могут привести к возникновению каких-либо форм принудительного труда, были названы, в частности, труд в условиях кабальной зависимости; торговля людьми и работниками-мигрантами и эксплуатация таких работников; коммерческая сексуальная эксплуатация, которая, как правило, осуществляется на принудительной основе; работы в качестве домашней прислуги с элементами принуждения к труду.

Механизмы организации труда: попытка классификации

Рынок труда, работные дома в Великобритании

Великое детище капиталистической экономики — рынок труда — родился непросто. Многие способствовало ему, многие создавало препятствия. Подробно становление рынка труда в Великобритании исследовал К. Поланьи в работе «Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени» (1944), он излагает историю правового акта, который на 40 лет задержал развитие рынка труда, так называемого закона Спинхемленда, принятого в 1795 г. Этот закон, обоснованный внешне как необходимость решать

ного характера, т.е. работы, выполняемые для прямой пользы коллектива членами данного коллектива и которые поэтому могут считаться обычными гражданскими обязанностями членов коллектива при условии, что само население или его непосредственные представители имеют право высказать свое мнение относительно целесообразности этих работ» (Ст. 2, п. 2). Интернет-ресурс: <http://www.ilo.org/legacy/russian/dialogue/ifpdial/1lg/ch6/index.htm#pg>

проблему возросшей нищеты, вводил практику пособий как «право на жизнь», позволявших существовать не работая.

Поланьи рассматривает историю правового акта (так называемого закона Спинхемленда, принятого в 1795 г.), который на 40 лет задержал развитие рынка труда. Этот закон, внешне обоснованный необходимостью борьбы с ростом нищеты, вводил право существовать не работая как систему, как практику, как «право на жизнь». С одной стороны, этот закон предотвратил революцию снизу, с другой — последствия Спинхемленда оказались столь плачевными, что и после его отмены потребовалось длительное время для их преодоления.

В числе роковых последствий введения закона Спинхемленда называют катастрофическое падение производительности труда: «Уже через несколько лет производительность труда опустилась до уровня, характерного для пауперов, предоставив работодателям еще одно основание не поднимать зарплату выше шкалы. Ибо если интенсивность труда, его качество и эффективность падали ниже определенного уровня, то он уже ничем не отличался от простого "валяния дурака", от видимости работы, которую сохраняли ради приличия»¹⁵.

Кроме того, фактически был уничтожен рынок труда: «Реальная заработная плата должна была постепенно опуститься до нулевого уровня, и таким образом все затраты на содержание работника легли бы на приход... Будь у рабочих право объеди-

¹⁵ Поланьи К. Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. С. 94.

няться для защиты своих интересов, система денежных пособий могла бы, конечно, оказать противоположное влияние на средний уровень заработной платы, ибо действиям профсоюзов в значительной степени способствовала бы система помощи безработным, предусматривавшаяся столь широким применением законодательства о бедных»¹⁶. Но «право на жизнь» в сочетании с несправедливыми законами 1799–1800 гг. против рабочих союзов (профсоюзы были разрешены лишь в 1870 г.) привело к падению заработной платы и массовому пауперизму.

Наконец, «финансовое осуществление "права на жизнь" приносило в конечном счете несчастья тем самым лицам, для которых оно, казалось бы, должно было стать спасением»¹⁷. Поскольку в результате введения системы пособий уровень заработной платы опустился ниже прожиточного минимума, фермеры не желали нанимать работников, у которых оставался хотя бы крошечный клочок земли, поскольку человек, владевший собственностью, не имел права на пособие от прихода, а обычная заработная плата была столь низкой, что человек не мог обеспечить существование семьи без дополнительной помощи в том или ином виде. Поэтому в некоторых районах шанс найти работу был лишь у тех, кто содержался за счет налогоплательщиков; те же, кто пытались обойтись без пособий и зарабатывать на жизнь собственным трудом, едва ли могли где-либо устроиться. Те, кто хотели заработать больше чем обеспечивало пособие, просто не могли этого сделать. Соответственно

¹⁶ Там же. С. 96.

¹⁷ Там же.

даже у тех, кто были готовы и хотели трудиться, это желание и эта готовность постепенно пропадали. Поланьи говорит о том, что, оказавшись в замкнутом кругу этой системы, человек попадал в ловушку. Закон искусственно превращал полноценных работников в пауперов, размывал границы между рабочим классом и классом пауперов, сплавляя их в одну серую массу нищих.

Призванный сдержать рост нищеты закон Спинхемленда привел к тяжелейшим социальным последствиям. Лишь в 1834 г. парламент, избранный на основании новой избирательной системы, отменил этот закон. «Согласно новому закону, лица, живущие самостоятельно, впредь лишались права на пособие. Закон проводился в жизнь дифференцированно и на общенациональном уровне; в этом отношении он также означал решительный разрыв с прежней практикой. С дотациями к заработной плате, было, разумеется, покончено»¹⁸.

Одним из первых шагов нарождавшейся социальной политики стал новый Закон о бедных (1834 г.), который обязывал каждого трудоспособного человека работать. Законодательно были закреплены и решения о принуждении человека к труду, в том числе практика работных домов, которые при своей скверной репутации в условиях становления рынка представлялись необходимым злом.

Приведем некоторые выдержки из доклада составителей Закона о бедных 1834 г. В разделе «Принцип оказания помощи нуждающимся. О мере достатка» указывается, что «первым и основным условием,

¹⁸ Поланьи К. Указ. соч. С. 117.

принципом, который применяется повсеместно, даже теми, чьи действия на практике расходятся с ним, состоит в том, что его положение (т.е. положение "бедняка", получателя помощи по закону о бедных) в целом не может в действительности или явно быть таким же приемлемым, как положение независимого работника, принадлежащего к самому низшему классу. Доказано, что тогда как положение любого класса бедняков поднимается над положением независимых работников, положение независимого класса принижается; их промысел деградирует, занятость становится непостоянной, оплата их труда снижается. У подобных лиц появляется стимул покинуть ряды менее приемлемого класса рабочих, чтобы стать членом более приемлемого класса бедняков. Речь идет о том, чтобы сделать так, чтобы поставить класс бедняков в то положение, в котором он должен находиться, т.е. ниже независимого работника. Каждая копейка, потраченная на то, чтобы сделать положение бедняков более достойным, чем положение независимых работников, — это праздная и вредная щедрость... Работный дом отвечает всем этим требованиям и является единственным средством, с помощью которого цель статута (законодательного акта), выпущенного Елизаветой в 1601 г., и в соответствии с которым каждый трудоспособный мужчина должен работать, может быть достигнута»¹⁹.

Практика работных домов — один из трагических эпизодов социальной истории Великобритании.

¹⁹ *Miller St. The Development of Social Policy // Social Policy / Ed. by J. Baldock, N. Manning, St. Miller, S. Viskerstaff. N.Y.: Oxford University Press, 1999. P. 19.*

Поланьи называет их убежищем, намеренно превращенным в обитель ужаса и омерзения: «На работный дом было наложено клеймо позора, пребывание в нем сделали психологической и нравственной пыткой; при этом человек должен был строго выполнять требования гигиены и благопристойности, более того — последние искусно использовались как предлог для новых изощренных мучений. Осуществлять закон предстояло теперь уже не мировым судьям, не приходским попечителям по призрению бедных, но особым чиновникам, действовавшим в территориально более широких рамках и под жестким контролем центра. Самые похороны паупера были превращены в процедуру, посредством которой его товарищи по несчастью отрекались от всякой солидарности с ним, даже перед лицом смерти»²⁰. Бедняку, стоявшему на грани голодной смерти, был предложен выбор между полной отменой какой бы то ни было помощи и помещением в работный дом. Но, так или иначе, это был способ заставить людей, развращенных подачками Спинхемленда, искать работу, выходить на рынок труда.

*Общественные работы, трудовые мастерские
во Франции*

Социальная история Франции и история социальной политики в этой стране во многом определена Великой французской революцией (1789) и Декларацией о правах человека и гражданина. «Общество обязано помогать тем, кто находится в бедственном положении» — в этом мнении схо-

²⁰ Поланьи К. Указ. соч. С. 117.

дились авторы Декларации. Общественное вспомоществование якобы соответствует «священному долгу». Однако, провозглашая право на помощь, государственные мужи 1789 г. не отделяли его от другого, еще более важного права — зарабатывать на жизнь собственным трудом. Право на получение помощи, с их точки зрения, лишь сопутствовало более существенному праву быть включенным в общество, приносить ему пользу, как было принято говорить в те времена. И с этим соглашались авторы Декларации²¹.

Труд рассматривался как основа солидарности и общественного взаимодействия. Каждый человек имеет право зарабатывать себе на жизнь, если он трудоспособен, или получать помощь, если он не в состоянии работать. Как реализовывались во Франции эти идеи? В работе «Новый социальный вопрос» (1995) научный директор Высшей школы социальных исследований (Франция) П. Розанваллон описывает основные вехи истории трудовых отношений и становления социальной политики Франции.

В 1789 г. были созданы бюро «по вспомоществованию и труду». «Будучи предназначенными для организации работ для неимущих, — отмечает Розанваллон, — эти бюро по вспомоществованию и труду должны были играть роль своего рода агентств по трудоустройству, осуществляя учет как имеющейся рабочей силы, так и потребности в ней. Из-за неурожая в Париж потянулись массы безработных, и

²¹ Розанваллон П. Новый социальный вопрос. М.: Моск. шк. полит. исслед., 1997. С. 116.

осуществление подобных проектов стало неотложным делом. Менее чем через два месяца после взятия Бастилии государственные власти принялись за организацию работ, предназначенных для обеспечения занятости безработных граждан — ремонт канализации, уборка мусора по берегам Сены, различные работы по благоустройству окраин и т.д. В тот период аналогичные службы, которые называли "мастерскими по оказанию помощи", были организованы также и в провинции»²². В постановлении парламента Парижа, вышедшем в феврале 1815 г., впервые была официально признана необходимость обеспечивать работой безработных граждан. Подобная необходимость рассматривалась не просто как моральный долг общества, но и как реализация дисциплинирующей функции государства и социальной политики. Так, помимо обеспечения работой нуждавшихся в трудоустройстве, существовало согласие по поводу привлечения к труду опасных групп населения с тем, чтобы контролировать их и подвигать к исправлению. Были предприняты меры по прикреплению бродяг и подозрительных людей к конкретным населенным пунктам.

Между бездеятельностью в экономическом смысле и преступлением в трудовых документах тех лет еще не делалось четких различий. Постановление 1815 г. включало в одну и ту же категорию мошенников, бродяг, неисправимых преступников, слабоумных и распутников. Работа для бедных и при-

²² О подобных мастерских см.: *Tuetey A. L'Assistance publique a Paris pendant la Revolution. P., 1895–1897. Vol. 4; Lallemand L. L' Histoire de la charite. T. IV, V. Les Temps modernes (XVI–XIX sicle). P., 1910.*

нудительный труд рассматривались как одно и то же. Считалось нормальным и даже необходимым заковывать в цепи бедняков, привлекаемых к очистке сточных канав, уборке улиц и ремонту городских стен. Подобные меры мало отличались от применявшихся в XIV в. способов насильственного закрепления «праздных людей» на общественных работах. Главный госпиталь Парижа (основан в 1656 г.) — яркий пример воплощения подобной политики: чтобы заставить работать нищих, их держали в заключении²³.

С 1770 г. в различных районах Франции создавались фонды благотворительных работ. Идея создания благотворительных трудовых мастерских возникла в годы Великой французской революции. С момента образования комитет по борьбе с нищетой оказывал помощь, предоставляя работу. Единственно верным представлялось создание рабочих мест для дееспособных работников, которых экономическая ситуация приговорила к безделью. Поэтому деятели комитета считали, что для хорошего управления страной важно постоянно заботиться о том, чтобы рост занятости был увязан с увеличением численности населения.

Создание летом 1789 г. мастерских вспомоществования повлекло за собой серьезные организационные проблемы. Сначала их сотрудники не могли справиться с огромным наплывом обратившихся за помощью людей: только в строительных работах на склонах Монмартрского холма численность работников за несколько недель возросла с 2 до 17 тыс. Вскоре

²³ См.: *Розанваллон П.* Указ. соч. С. 116.

мастерские перестали справляться и с участвовавшими случаями нарушениями дисциплины. Никакого отбора в приеме на работы не существовало: достаточно было быть не моложе 16 лет и проживать в районе их проведения. Работники были плохо обучены, многие трудились непроизводительно, а некоторые даже не удосуживались появляться на рабочем месте, приходя только в дни получки²⁴.

Деятельность мастерских подвергалась критике со всех сторон. В целях изменения сложившейся ситуации без особого успеха издавались многочисленные указы и правила. Ситуация была настолько неблагоприятной, что Учредительное собрание декретировало 31 августа 1790 г. реорганизацию всех мастерских на новой основе. Так, здоровые работники должны были трудиться сдельно; люди же с ограниченной трудоспособностью получали оплату поденно. Заработки обязательно оставались ниже среднего уровня. Однако устранить сложности в организации работы мастерских не удалось, поэтому весной 1791 г. их пришлось закрыть.

По мнению Розанваллона, неудачный опыт мастерских во многом был обусловлен поспешностью, с которой они создавались. Причина провала заключалась также и в принципах, на которые опиралась вся система. Организация мастерских как инструмента ликвидации бедности и механизма организации трудовой деятельности требовала четких установок по следующим вопросам: обязаны ли неимущие работать; каким образом вознаграждать их труд (заработная плата или пособие); каково юридическое

²⁴ Там же. С. 117.

положение мастерских и т.д. Определенности не было ни по одному из этих пунктов.

Ключевой вопрос об обязанности работать был отнюдь не новым: по крайней мере, с XVI в. он серьезно рассматривался при обсуждении политики искоренения нищенства. Филантропы пытались установить различие между «настоящим бедняком», который заслуживал помощи, и «фальшивым нищим», который хотел жить на иждивении общества. Однако нищенство можно было бы считать правонарушением, если бы каждый человек действительно мог найти работу. Именно поэтому как с моральной, так и с экономической точки зрения были столь важны благотворительные мастерские. Не менее значимо было и согласие на предложение о найме. Возможен ли такой правовой фундамент, который ставил бы каждого человека перед выбором между «принудительным» трудом как наказанием за преступление нищенства и «свободным» трудом в благотворительной мастерской? Не приводило ли новое право на вспомоществование опять к принуждению? Власти не располагали возможностью осуществлять это принуждение (хотя в XVII в. закон и предусматривал осуждение нищенствующих на галеры, на практике этого не делалось). Неразрешенность вопроса об обязанности работать в итоге привела к тому, что благотворительные трудовые мастерские были закрыты под предлогом сложившихся обстоятельств.

Биржи труда, трудовые армии, трудовые книжки в России

Историю трудовых отношений в России XX в. можно сравнить с движением по замкнутому кругу — от рынка труда к рынку труда.

К началу 1920-х гг. в стране царил хозяйственная разруха, появились толпы беженцев, что во многом обусловило невиданную в истории России безработицу. В целях ее ликвидации в стране в течение короткого времени были открыты биржи труда, которые, помимо учета безработных, свободных рабочих мест и распределения по ним людей, оказывали материальную помощь нуждавшимся. Биржи труда не зависели от государства — они находились в ведении профсоюзов, были самоуправляемыми и принадлежали тем, кто оказался на рынке труда. В управлении биржи большинство составляли рабочие, но и предприниматели (работодатели) тоже участвовали в управлении. Соблюдался принцип сохранения паритетности прав и обязанностей работодателей и работников. Были открыты временные и общественно полезные работы²⁵.

В январе 1918 г. советское правительство приняло закон о биржах труда, который предусматривал создание Всероссийского центра бирж труда, учреждение Совета бирж, проведение их съездов. В мае 1918 г. состоялся II Всероссийский съезд комиссаров труда и страховых касс, определивший общие правила регулирования рынка труда. Были созданы предпосылки для огосударствления органов по трудоустройству.

С началом Гражданской войны, проведением политики военного коммунизма, национализацией, требовавшими тотального привлечения к труду населения страны, эта глубоко продуманная система была упразднена. Экономике решили поддерживать мето-

²⁵ См.: *Золотова И.К., Гарсия-Исер М.Х., Голодец О.Ю., Смирнов С.Н.* Указ. соч.

дами внеэкономического воздействия — созданием трудовых армий, принудительной мобилизацией, милитаризацией труда (создание системы административно-командных и репрессивных учреждений принудительного труда — комтруды), принудительным распределением работников по рабочим местам (наряды на мобилизацию), организацией концлагерей, которые представляли собой варварскую эксплуатацию людей государством — огромные резервуары живого труда без всякой техники.

Новая экономическая политика вернула к жизни, казалось бы, навсегда утраченную систему занятости (в ноябре 1922 г. был принят Кодекс законов о труде). Снова появились рынок труда, биржи, была восстановлена система помощи безработным, их переквалификации, экспертиза профессиональной трудоспособности. Последнее понадобилось особенно, потому что в эпоху военного коммунизма наступила всеобщая депрофессионализация. Многие кадровые рабочие бежали с предприятий в деревню, чтобы не погибнуть от голода, а на их место пришли люди малоквалифицированные, загнанные на предприятия военными методами, или беженцы. Заработная плата была увеличена и составляла не меньше прожиточного минимума. Появились деньги, на которые можно было купить товары, а не получать мизерные пайки по карточкам и талонам. Всеобщую принудительную занятость заменила нормальная рыночная система. Работу по специальности и высокую оплату за выполненный труд получал тот, кто хорошо работал.

Россия нэповская дала миру опыт великолепно налаженной системы посредничества для получения настоящей, хорошо оплачиваемой работы по специ-

альности и одновременно социальной помощи тем, кто не мог найти себе такую работу по объективным причинам — не доставало квалификации, имелись физические ограничения для трудоустройства. Возобновилась выплата пособий по безработице. Право на получение пособия в первую очередь имели работники, уволенные по сокращению штатов или при ликвидации предприятия, члены профсоюза, демобилизованные. Безработные полностью или частично освобождались от уплаты налогов, платы за квартиру и коммунальные услуги, а также имели льготный проезд на транспорте. Профсоюзы также создавали особые фонды помощи рабочим и служащим, оставшимся без работы. Возобновилась практика организации общественных работ. В некоторых городах успешно работали артели безработных. Для трудоустройства женщин организовывались женские артели, предоставлялась работа в столовых и прачечных. В наиболее крупных городах действовали бюро по использованию труда подростков.

Летом 1930 г. рынок труда был упразднен, а Наркомат труда и его органы на местах были реорганизованы. Это явилось решающим шагом для утверждения и воплощения в жизнь ключевой социальной доктрины молодого советского государства — концепции всеобщности труда, согласно которой все поголовно, независимо от индивидуальных особенностей, должны работать как в одном муравейнике, осуществлять намеченные грандиозные планы, действовать как части хорошо отлаженного механизма. Человеческая личность ничего не стоила и незаменимых не было.

В период индустриализации страна представлялась ее руководителям огромным заводом, рабо-

тавшим по единому плану, единой программе, по заранее утвержденной номенклатуре, в соответствии с установленными приоритетами. Продукцию давали на душу населения — тысячи тонн, миллиарды кубометров. Этот вал задавил смысл производства, свободу человека, его реальные ценности. Трудовой энтузиазм спускали сверху. Его подстегивали пропагандистскими и репрессивными мерами, стимулировали мотивами соревновательности.

За годы первой пятилетки в стране была введена карточная система, учреждены отделы рабочего снабжения и закрытые распределители на предприятиях с принудительным ассортиментом «отоваривания» зарплаты. Получить реально хоть какое-то жилье, пропитание, бытовое обслуживание при фактически обесценивавшейся зарплате становилось возможным только на предприятии. Несанкционированное увольнение, как правило, сопровождалось для рабочего серьезными материальными лишениями. Это создавало условия для прикрепления к производству.

Именно в эти годы были введены трудовые книжки, где фиксировались все перемещения человека. В конце 1930-х гг. рабочее бессрочно прикрепили к предприятию, как еще раньше колхозника пожизненно прикрепили к колхозной плантации. Указ, подписанный Сталиным в 1940 г., запретил самовольный переход с одного предприятия на другое и ввел уголовное наказание за нарушение дисциплины труда. За 20-минутное опоздание следовало полгода принудительных работ, за прогул — год тюрьмы. Подобное же наказание — за самовольное оставление рабочего места.

После войны драконовские методы продолжали действовать. Многие заводы открывали ворота раз в неделю, чтобы выпустить рабочих на выходной, колхозники по-прежнему были в положении рабов. Лишь в 1955 г. была наконец разрешена самостоятельная перемена места работы.

Рынок труда вновь появился в России с началом проведения экономических реформ как новое социальное и экономическое явление, феномен, требующий новых институтов, законов, механизмов, знаний, программ и т.д.

Труд в России как воспитание и наказание

XX век привнес много нового и неожиданного во все сферы жизни общества. Казалось бы, осуществившийся в России призыв к освобождению труда открыл новые перспективы развития человеческой личности, новой жизни, свободной от эксплуатации. Однако история трудовых отношений XX столетия свидетельствует о появлении новых форм принуждения, причем принуждение к труду в условиях тоталитаризма маскируется личиной освобождения, воспитания, спасения, приобщения к новой благой жизни.

Трудовое воспитание А.С. Макаренко.

Воспитательная работа в колонии и коммуне

Одним из примеров трудового воспитания стала деятельность Антона Семеновича Макаренко (1888–1939) — прозаика, публициста и педагога.

А.С. Макаренко известен тем, что организовал и возглавил колонии для беспризорных и несовершеннолетних правонарушителей. В 1920 г. Макаренко был назначен заведующим Полтавской колонии для

правонарушителей (впоследствии им. М. Горького), в которой пытался осуществить методику горьковского отношения к человеку. Согласно предложенному Макаренко педагогическому методу успехи в ходе работы в колониях малолетних преступников и беспризорных были достигнуты благодаря использованию воспитательного потенциала коллектива, сочетания школьного обучения с производительным трудом, соединению доверия и требовательности²⁶.

По теории Макаренко правильное коммунистическое воспитание не может быть нетрудовым, «наше государство — это государство трудящихся... И воспитатели должны научить детей творчески трудиться. Этого можно достичь, только воспитав у них представление о труде как об обязанности советского человека. Тот, кто не имеет привычки к труду, не знает, что такое трудовое усилие, кто боится "трудового пота", тот не может видеть в труде источник творчества»²⁷.

Макаренко стремился воспитывать в колонистах умение заниматься любым видом труда, независимо от того, нравится он им или нет, приятен или неприятен. Из неинтересной обязанности, каким является труд для новичков, он постепенно становился источником творчества, предметом гордости и радости. В учреждениях, которыми руководил педагог-исследователь, была выработана система трудового воспитания и установлен обычай самую трудную работу поручать лучшему отряду.

²⁶ См.: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/MAKARENKO_ANTON_SEMENOVICH.html?page=0,0

²⁷ Там же.

Говоря о постановке трудового воспитания в школе и семье, Макаренко считал, что следует в процессе выполнения детьми трудовых заданий упражнять их в приобретении организационных навыков, развивать у них умение ориентироваться в работе, планировать ее, воспитывать бережное отношение к затрачиваемому времени, продукту труда.

«Только участие в коллективном труде, — считал Макаренко, — позволяет человеку вырабатывать правильное нравственное отношение к другим людям — родственную любовь и дружбу по отношению ко всякому трудящемуся, возмущение и осуждение по отношению к лентяю, к человеку, уклоняющемуся от труда»²⁸.

Важно отметить, что вопреки сторонникам «свободного воспитания», которые возражали против каких бы то ни было наказаний детей, заявляя, что наказание воспитывает раба, Макаренко руководствовался идеей, что безнаказанность воспитывает хулигана, и считал, что разумно выбранные, умело и редко применяемые наказания, кроме, конечно, телесных, вполне допустимы²⁹.

Возвышение и упадок труда

В XX столетии труд как вид человеческой деятельности достиг апогея своей значимости, но в этом же столетии назрел и кризис труда, скла-

²⁸ Макаренко А.С. О воспитании. М.: Политиздат, 1988. С. 130.

²⁹ Следует все-таки учесть, что воспитательная система А.С. Макаренко прежде всего предлагалась для беспризорных и малолетних правонарушителей. (См.: Интернет-ресурс: <http://www.gala-d.ru/parts/1110-part29.html>).

дывались предпосылки коренных трансформаций трудовой сферы.

Что обусловило возвышение труда и определило его кризис на рубеже XIX–XX столетий? Этими вопросами задается выдающийся британский социолог и социальный философ Зигмунт Бауман — один из теоретиков конца труда в его классическом понимании.

«Новый индустриальный порядок, — пишет Бауман, — как и концептуальные построения, предполагавшие возможность возникновения в будущем индустриального общества, были рождены в Англии; именно Англия, в отличие от своих европейских соседей, разоряла свое крестьянство, а вместе с ним разрушала и "естественную" связь между землей, человеческими усилиями и богатством. Людей, обрабатывающих землю, сначала необходимо упразднить, чтобы затем их можно было рассматривать как носителей готовой к использованию "рабочей силы", а саму эту силу — по праву считать потенциальным источником богатства...

Поскольку было установлено, что труд является источником богатства, задача разума — найти, высвободить и использовать этот источник с невиданной прежде эффективностью. Целью же, которой и люди мысли, и люди действия в равной мере отдавали свои силы, как уже отмечалось, было построение нового индустриального порядка. Модель нового рационального порядка предполагала прочный союз труда и капитала»³⁰.

³⁰ Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002. С. 23–24.

Согласно Бауману «идеальным вариантом было связать капитал и труд в союз, который, подобно заключаемому на небесах браку, никто из людей не был бы в силах разрушить»³¹. Социолог рассматривает особенности индустриальной эпохи (он называет ее эпохой «тяжелой модернити»), которая, как он полагает, была временем помолвки между капиталом и трудом, подкрепленной их взаимной зависимостью. Рабочие зависели от своего труда, который давал им средства к существованию, тогда как капитал зависел от найма работников, без которых он не мог воспроизводиться и возрастать.

Возможность противостояния со временем была исключена изобретением социальной политики (сначала в Германии путем введения социального законодательства Бисмарка, к которому потом присоединились другие европейские страны), а затем реализации политики государства всеобщего благосостояния, которые в совокупности не только предупреждали выступления и недовольство рабочих.

Сохранение связки капитала и труда стало важнейшей функцией и основной заботой политиков и государства: безработные были в полном смысле слова резервной армией труда. Государство благосостояния служило некой подпоркой, без которой ни капитал, ни труд не могли выжить, не говоря уже о том, чтобы передвигаться и действовать³².

По мысли Баумана, «менталитет, ориентированный на достижение "долгосрочных" целей, был основан на ожиданиях, вытекающих из опыта,

³¹ См.: *Бауман З.* Указ. соч. С. 23–24.

³² Там же. С. 27.

в полной мере подтверждающего, что судьбы людей, покупающих и, соответственно, продающих труд, будут тесно и неразрывно переплетены в дальнейшем практически всегда, и поэтому выработка удовлетворительной модели сосуществования отвечает общим интересам»³³.

Однако социальная история XX столетия изменила расстановку сил на поле труда и капитала. Ставшие уже привычными долгосрочная занятость, стабильный труд, заслуженное пенсионное обеспечение утрачивали стабильность.

Во второй половине XX столетия перспективы постиндустриальной эпохи все более очевидны. Этому способствовало и набиравшее обороты развитие техники. Появлялись новые технологии, не требовавшие привлечения индустриального труда, на первый план выходили новые профессии, все более востребованными становились виртуальные информационные практики. В определенный момент времени вектор взаимодействия «капитал — труд» стал менять свое направление.

Для Баумана в современных условиях «занятость становится краткосрочной, лишается четких перспектив (не говоря уже о гарантированных), превращается в эпизодическую», когда «правила игры в карьерное продвижение или увольнения отменяются, либо имеют тенденцию изменяться задолго до окончания игры»: «Работник больше не предан рабочему месту, предприятию. На смену долгосрочной ментальности приходит краткосрочная. Корпоративная культура, столь долго провозглашавшаяся

³³ Там же. С. 29.

как путь к процветанию компании, утрачивает свою роль и значимость»³⁴.

Что теперь значит труд в обществе потребления? Для чего человек работает? Чтобы существовать, реализовывать потребительские наклонности, развлекаться?

Мир увлечен скоростью, мобильностью, ничто больше не препятствует человеку в его стремлении к переменам, в условиях глобализации стираются национальные различия, традиции все больше уходят в прошлое.

В современном мире почти не остается констант: современный человек не ждет долгосрочного результата, все интересно только сегодня, сейчас, а завтра могут быть другой город, другая работа, другой брак, другая машина. Тогда зачем вкладывать душу, отдавать всего себя делу, которым занимаешься только сейчас?

Никто уже не создает скрипки Страдивари. На смену индивидуальному рукотворному труду сначала пришло машинное производство, затем конвейер, а в перспективе — обезличенные автоматизированные производственные комплексы.

И если нынешняя версия взаимоотношений труда и капитала еще не предполагает окончательного разрыва, то она определенно предсказывает их разъединение³⁵. Труд, и прежде всего индустриальный труд в его классическом понимании, теряет свои позиции равноправного партнера. И, как следствие, на повестке дня вопрос: будет ли труд по-прежнему определять образ жизни человека новой современности?

³⁴ Бауман З. Указ. соч. С. 31.

³⁵ Там же. С. 32.

Феномен конца труда в его классическом понимании

Вопрос о конце труда в его классическом понимании, затрагивавший разные стороны и перспективы общественного развития, вызвал дискуссию в академических кругах. Завершалась не только эпоха индустриального труда, но и менялся привычный для человека образ жизни. Трудящийся обретал новые степени свободы. Уходя от обычной привязки к трудовому расписанию, работник лишался и опеки работодателя. Тем самым менялась и роль представителя капитала, обеспечивавшего трудящемуся не только занятость, но и социальную защищенность. При этом конец труда в его классическом понимании означал не только переход к краткосрочной занятости и высвобождение времени, которые можно было бы использовать для самореализации, но и сокращение возможностей трудоустройства, что вряд ли следует относить к позитивным последствиям происходивших социально-экономических перемен.

Следует отметить и тот парадоксальный факт, что в перспективе освобождения от тягот трудовых обязанностей прошлого современный человек по-прежнему ощущает тяготы трудового процесса. Скинув оковы индустриальности, современный труд во многом остается не менее тяжелым ввиду своего однообразия, монотонности, психического напряжения, наличия стрессовых ситуаций.

Но люди все также занимаются деятельностью, они пока еще деятельны, хотя бездеятельность как времяпрепровождение, даже образ жизни уже не порицается. И деятельность в условиях современности весьма

противоречива. С одной стороны, в XX–XXI вв. она перестает быть исключительно физической, с другой, возникли такие формы занятости, как гибкая занятость, неполная занятость, занятость по контракту. Эти виды занятости предполагают, что человек долгое время не работает, у него освобождается дополнительное время, свободное от основного труда. В то же время значительная часть трудящихся, освободившись от тягот физического труда, все также тяжело трудятся. Их жизнь посвящена непомерно тяжелой, поденной работе, сопоставимой по усталости, сопровождающей ее, с трудом физическим.

«Я не буду говорить о разнице между нынешними и прежними условиями труда, — пишет французский антитехницист Жак Эллюль, — о том, что сегодня, с одной стороны, работа менее утомительна, а рабочий день — короче, но, с другой стороны, труд стал бесцельным, бесполезным, обезличенным, регламентированным, работники ощущают его абсурдность и испытывают к нему отвращение, их труд уже не имеет ничего общего с тем, что когда-то традиционно называлось работой»³⁶.

И вместе с тем рост высоких технологий, сокращение индустриального труда порождают множество проблем: сокращаются рабочие места, растет социальная незащищенность и т.п. Все чаще мы узнаем не только о конце труда в его классическом понимании, а о проблемах труда как одного из основных институтов общества, возможности прекращения трудовой деятельности или ее кардинальной трансформации.

³⁶ *Ellul J. The Technological Society. N.Y.: Random House, 1964. P. 320. Цит. по: Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М.: Akademia–Наука, 1998. С. 213.*

Труд теряет былую значимость. Все больше людей смотрят на труд как на тяжкую повседневность и были бы рады навсегда от нее избавиться, особенно в условиях гнетущего обострения глобальных проблем, которые со времени обнаружения их Римским клубом так и остались не только нерешенными, но продолжают предвещать человечеству гибель от экологической катастрофы, истощения природных ресурсов, неизлечимых болезней, перенаселенности планеты и пр.

Капитал против труда и государства

Поднявшись на волне индустриальной эпохи, труд, наряду с государством, полноправно занял место одного из основных социальных институтов. Переход к постиндустриальной эпохе, реалии глобализации в корне меняют расстановку сил в обществе и сфере труда.

В современных условиях труд переживает кризис, что проявляется не только в истощении возможностей его классической модели. Свидетельство кризиса труда как одного из основных социальных институтов — неопределенность его роли, статуса, значимости.

Как сказывается изменение роли труда на жизни человека и общества? Изменяются трудовые практики, появляются новые виды деятельности, новые профессии. Принуждение к труду уходит в прошлое: человек может не работать, и не будет за это наказан.

Вместе с тем, труд по-прежнему остается одним из основных источников существования человека.

Поэтому сокращение сегментов рынка труда, где были востребованы рабочие профессии, усложняет жизнь все большего числа людей.

Выдающийся социальный теоретик Ульрих Бек бьет тревогу, связывая с кризисом труда самые негативные последствия для общественного развития. Он видит причины кризиса труда в мировой экономической политике неолиберального режима, ее наступательном движении против основных социальных институтов, против национальной экономики и национальных государств: «Речь идет о том, чтобы в новом раунде борьбы отодвинуть старого противника по имени "труд" на запасной путь истории; но также о том, чтобы одновременно заявить о расторжении договора с государством, т.е. чтобы избавиться от пут труда и государства в том виде, как они сложились в XIX и XX веках»³⁷.

Основные тренды мирового развития кардинально меняют расстановку сил в обществе (в том числе и в трудовых отношениях, в решении социальных проблем трудящихся). С интеграцией коммунистического блока в мировой рынок «в резкой форме заявляют о себе основные аспекты капиталистической динамики, которые "маскировались" в западном капитализме всеобщего благоденствия»³⁸.

С возникновением транснациональной экономики происходит всемирный передел богатства, как называет эту ситуацию У. Бек. Транснациональные организации превосходят самих себя рекордными доходами — и массовым сокращением

³⁷ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 10–11.

³⁸ Там же. С. 168.

рабочих мест. «В то время как транснациональные корпорации в состоянии уклоняться от налогообложения в рамках национального государства, малым и средним предприятиям, создающим большую часть рабочих мест, приходится истекать кровью под прессом перестроившейся налоговой бюрократии. Словно в насмешку, история распорядилась таким образом, что именно те, кто оказывается в проигрыше от глобализации, в дальнейшем должны будут оплачивать все, социальное государство и функционирующую демократию, в то время как оказавшиеся в выигрыше получают сказочные прибыли и уклоняются от ответственности за грядущие судьбы демократии»³⁹.

Противоречиями современного рынка пытаются объяснить так называемую вековую стагнацию, замедление экономического роста США, активно обсуждаемое в последнее время. Так, по версии американского экономиста Р. Гордона, «в ближайшие 25–40 лет темпы экономического роста в США будут оставаться чрезвычайно низкими — существенно ниже исторической "нормы" 2%»⁴⁰.

Трудовая компонента присутствует в демографической ситуации, из-за которой в ближайшие десяти-

³⁹ Там же. С. 17–18.

⁴⁰ *Gordon R.J.* The Demise of U.S. Economic Growth: Restatement, Rebuttal, and Reflections. NBER Working Paper. 2014. No. 19895; *Idem.* The Turtle's Progress: Secular Stagnation Meets the Headwinds // C. Teulings, R. Baldwin (eds.). Secular stagnation: Facts, causes, and Cures. Centre for Economic Policy Research (CEPR), VoxEO.org eBook, 2014; *Idem.* Is U.S. economic growth over? Faltering innovation confronts the six headwinds. NBER Working Paper. 2012. No. 18315. Цит. по: *Капелюшников Р.* Идея «вековой стагнации»: три версии // Вопросы экономики. 2015. № 5. С. 113.

тилетия количество отработанных часов в расчете на душу населения будет продолжать снижаться⁴¹.

Динамику количества отработанных часов в расчете на душу населения можно представить как производное от действия четырех факторов: средней продолжительности рабочего времени занятых работников; доли занятых в экономически активном населении; уровня экономической активности трудоспособного населения; соотношения численности трудоспособного и всего населения. Изменения двух из четырех этих показателей, по оценке Гордона, имели решающее значение: во-первых, занятые стали трудиться намного меньше (вследствие широкого распространения неполной занятости — по инициативе как компаний, так и самих работников), во-вторых, произошел сильный отток населения из сферы экономической активности, который лишь отчасти (причем в незначительной степени) был связан с возросшим охватом молодежи учебой в колледжах. В 1996–2013 гг. за счет первого из этих факторов количество отработанных часов в расчете на душу населения ежегодно снижалось на 0,28%, за счет второго — на 0,32%⁴².

Гордон предполагает, что в долгосрочной перспективе «уровень занятости вернется к своим нормальным значениям, поскольку основной причиной его снижения было временное повышение безработицы в условиях экономического кризиса. Однако в том, что касается динамики показателей продолжительности труда занятых работников и экономической активности тру-

⁴¹ См.: Капелюшников П. Указ. соч. С. 113.

⁴² Gordon R.J. The Demise of U.S. Economic Growth...; Цит. по: Капелюшников П. Указ. соч. С. 114.

доспособного населения, он не видит ничего обнадеживающего и ожидает их дальнейшего ухудшения.

Причин здесь несколько... одним из главных драйверов наблюдавшегося в США падения продолжительности рабочего времени следует считать действующую систему медицинского страхования, предполагающую предоставление медицинских страховок по месту работы индивидов. В этих условиях компании заинтересованы в переводе максимального числа работников на неполную занятость, поскольку в таком случае они освобождаются от обязанности предоставлять им медицинскую страховку»⁴³.

Так, основные социальные институты становятся главной проблемой постиндустриальной неолиберальной экономики и в то же время болевой точкой глобализации. Чтобы выявить новые области прибыльного производства, глобальный капитализм обходится все меньшим количеством рабочей силы, обосновывает необходимость демонтажа государства всеобщего благосостояния. Человек как работник больше не нужен капиталу и капитализму.

Согласно Беку, функционирующая в глобальных масштабах экономика подрывает основы национальной экономики и национальных государств: «Речь идет о том, чтобы в новом раунде борьбы отодвинуть старого противника по имени "труд" на запасной путь истории; но также и о том, чтобы одновременно заявить о расторжении договора с государством, т.е. чтобы избавиться от пут труда и государства в том виде, как они сложились в XIX и XX веках»⁴⁴.

⁴³ Капелюшников Р. Указ. соч. С. 114.

⁴⁴ Бек У. Указ. соч. С. 10–11.

Все это открывает неясные и нерадостные перспективы для человечества. Безусловно, это достаточно отдаленная перспектива. Индустриальный труд по-прежнему востребован, причем не только индустриальный, но и широкий спектр тяжелых работ, связанных с приложением физических усилий.

Но перспективы сокращения такого труда с последующим переходом на использование техники очевидны, в тоже время все большее число рабочих практик переносится за пределы экономически развитых стран, что сокращает возможности трудоустройства в этих странах. «Тенденции ясны, — отмечают В.Г. Федотова и Н.Н. Федотова, — однако остаются нерешенными вопросы: кто будет выполнять тяжелые работы в развитых странах, перенесших свои производства в страны третьего мира, сосредоточившись на информации и менеджменте этих производств? Какой поток иммигрантов для этого необходим и как этот поток совместим с чужими культурными и политическими традициями?»⁴⁵.

И наконец, что будет с работающим человечеством в условиях, когда «рабочая сила и представляющие ее организации — рабочие партии и профсоюзы — повсюду утрачивают свою роль на переговорах с властью и бизнесом, а также в глазах общественности. Одновременно растет число тех, кто выброшен с рынка труда и лишен шансов на материальную и социальную безопасность. В результате не только нарастает неравенство, но и драматически меня-

⁴⁵ Федотова В.Г., Федотова Н.Н. Вторая великая трансформация: политические и экономические основания нашего времени // Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 445.

ется качество социальных неравенств, поскольку все большие круги населения отбраковываются, как "экономически неактивные"⁴⁶.

Последствиями глобализации обуславливаются перемены в сфере труда и производства, растет неравенство, меняется качество рабочей силы: «В обществе глобального капитализма все больше людей — тех, кто уже сейчас в засасывающей воронке ожесточенной конкуренции способностей считаются "слабыми", "балансирующими на грани", "находящимися под угрозой" или "неполноценными". К ним относятся люди без среднего образования или с неважным аттестатом зрелости, больные или инвалиды, чьи деятельностные возможности (в основном технические) — низко оцениваются по сегодняшней шкале способностей. Всем им грозит попасть на наклонную плоскость и соскользнуть в круг тех, кто отбракован в соответствии с правилами допуска»⁴⁷.

Бедность в этих условиях драматически возрастает и многократно фрагментируется. В конце XIX в. были введены понятия абсолютной и относительной бедности. В XXI в. отмечают, что различные градации бедности преломляются в двойной или транснациональной относительности бедности, при которой относительность критериев бедности обусловлена межкультурными факторами.

Изменения претерпевает не только бедность, но и качество социальных неравенств. На сцену выходит человеческий «брак» — «экономически неактивные»: «Глобальный капитализм обходится все мень-

⁴⁶ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

⁴⁷ Там же. С. 168.

шим количеством рабочей силы. Что это значит? Растет число тех, кто выброшен с рынка труда и лишен шансов на материальную и социальную помощь, рабочие партии и профсоюзы повсюду утрачивают свою роль на переговорах с властью и бизнесом, а также в глазах общественности»⁴⁸.

«Отбракованные» (как называет их Бек) — это люди, живущие в обществе риска, сами ставшие людьми-риска в условиях этого общества. В отличие от пролетариата XIX — начала XX в. в условиях современного общества они стремительно утрачивают влияние на ход событий, поскольку более не востребованы. У них остается один рычаг воздействия — насилие.

В современной научной литературе активно обсуждается новый субъект социальных отношений — человек риска и неопределенности, прекариат⁴⁹.

Какой труд у нас в почете

Прогнозы в области занятости более полувека назад были представлены авторами концепции постиндустриального общества. Д. Белл, А. Тоффлер, М. Кастельс, эксперты Римского клуба пред-

⁴⁸ Бек У. Указ. соч. С. 168.

⁴⁹ Прекариат (от англ. precarious) — рискованный, нестабильный. См.: *Kalleberg Arne L. Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition // American Sociological Review. 2009. Vol. 74. No. 1. P. 1–22; McKay S., Jefferys S., Paraksevpoulou A., Keles J. Study on Precarious Work and Social Rights. London: Working Lives Research Institute, London Metropolitan University, 2012; Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. L., N. Y.: Bloomsbury Academic, 2011. Занятость и социальная прекаризация в России: введение в анализ / В.Н. Бобков, О.В. Вередюк, Р.П. Колосова, Т.О. Разумова. М.: ТЕИС, 2014.*

сказывали, что в будущем приоритетными сферами труда станут информатизация, образование, услуги, гибкие технологии.

Человечество с восторгом и недоверием воспринимало подобные перспективы. Однако одномоментного замещения труда в его классическом понимании постиндустриальным трудом не произошло. Деятельность, которой занимаются люди в XX–XXI вв. (даже перестав быть исключительно физической) сопровождается значительными перегрузками и переутомлением (в том числе психологическим), сопоставимыми по усталости с физическим трудом.

В этой связи совершенно оправданно возникает необходимость сохранения человеческого капитала, причем не только представителей физического труда, но и акторов инновационных сфер деятельности, сделавших трудоцентризм образом жизни.

Промышленный капитализм уходит в прошлое; на смену вложениям в машины и организацию труда приходит новая система накопления, основу которой представляет знание. Концепция, рассматривающая особенности эпохи, в которой эксплуатация знания является качественно преобладающей формой накопления, получила название когнитивного капитализма⁵⁰.

«Когнитивный капитализм, — пишет французский экономист Б. Польре, — следует понимать как

⁵⁰ «Определение "когнитивный", приложенное к капитализму, не должно восприниматься в смысле когнитивных наук и когнитивизма. Оно просто подчеркивает центральный характер знания на новом этапе развития капитализма». См.: *Корсани А.* Тотальное проникновение. Капитализм, биотехнонаука и неолиберализм // Политический журнал. 2008. № 2. С. 75.

общество знания, управляемое и организованное по капиталистическим принципам. ... как такой вид капитализма, в котором знание является основным источником стоимости, откуда и вытекает его противопоставление капитализму промышленному»⁵¹.

Одной из ключевых перемен в обществе когнитивного капитализма называют преобладание нематериального труда.

Что понимается под нематериальным трудом и как соотносится такой труд с процессом накопления? Современный экономический взгляд оценивает нематериальный труд (интеллектуальные ресурсы, знания) в качестве характеристики одного из этапов экономического развития. И по своему предназначению эти, казалось бы, принципиально различные, нематериальные феномены все так же служат капиталу и направлены на его накопление. Однако существует и другой взгляд на роль нематериального труда в формирующемся обществе знания.

Так, французский социальный мыслитель А. Горц, признавая значимость нематериального труда, обращается к дихотомии нематериального труда как средства накопления и нематериального труда как средства культурной трансформации и преодоления кризисных процессов современного общества⁵².

Горц утверждает, что мы живем в переходный период, когда существуют одновременно несколько способов производства. Промышленный капитализм, ориентированный на использование больших объемов овеществленного постоянного капитала все

⁵¹ Польве Б. Когнитивный капитализм на марше // Там же. С. 66.

⁵² Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высш. шк. Экономики, 2010. С. 12.

быстрее сменяется капитализмом постмодерна, для которого сущностным является использование так называемого нематериального капитала («человеческий капитал», «капитал знаний» или «интеллектуальный капитал»)⁵³.

По мнению Горца, решающим фактором для повышения эффективности новых видов труда становятся не научно–технические знания исполнителей, а их способности общаться и кооперироваться с другими, а также способности, относящиеся к общей культуре⁵⁴.

Деятельность самосоздания (самосозидания) является неотъемлемой составляющей нематериальной трудовой деятельности. Она мобилизует те же способности и личные склонности, что и свободная досуговая деятельность. Человек во всем разнообразии своих чувств, склонностей, эмоций вовлекается в трудовой процесс, многократно преумножая отдачу разных форм индивидуального капитала. Работодатель заинтересован в трудовом энтузиазме подобного рода и стремится закрепить отношения трудового найма, предлагая незаменимым работникам участие в капитале и прибылях фирмы.

Аккумулируя способности (возможно, ранее не задействованные в труде), индивид перестает подчиняться внешнему принуждению и может превратиться «в собственного производителя, работодателя и продавца» со всеми их преимуществами и рисками, неизбежными в вопросе выживания и конкурентоспособности предприятия, которым он становится.

⁵³ Там же. С. 21.

⁵⁴ Там же. С. 26–27.

Такой поворот коренным образом меняет ситуацию в сфере найма. Трудоотдача сотрудника многократно возрастает, сокращается потребность в числе работников. Работодатель может ограничиться наймом небольшого числа постоянных сотрудников с полным рабочим временем⁵⁵.

По поводу увеличения армии утративших рабочее место теоретики и практики неолиберализма утверждают, что «если кто-то и окажется безработным, то только по причине недостаточной продаваемости своих знаний — недостаточной нанимаемости. Такие люди сами должны позаботиться об улучшении этого положения. Для этого служат тайм-ауты, паузы и перерывы в трудовой деятельности, а также все увеличивающееся свободное время. Workfare 24 в блэрвском варианте, распространившаяся постепенно и на другие страны, отменяет пособие по безработице, превращая его в пособие на поиск работы. При этом подразумевается, что безработный обязан приобретать знания, более востребованные на рынке, чем те, которыми он уже обладает. Самосоздание становится таким же "job", как любая другая работа»⁵⁶.

Однако успехи этой политики в борьбе с безработицей, прерывностью трудовой занятости весьма скромны. В этой связи Горц говорит о необходимости введения пособия на существование, дискуссии о котором ведутся с 1995 г.⁵⁷. Пособие должно не только помочь справиться с неустойчивостью трудо-

⁵⁵ Горц А. Указ. соч. С. 31–32.

⁵⁶ Там же. С. 37.

⁵⁷ Имеется в виду гарантированное всем гражданам безусловное прожиточное пособие или гарантированный социальный минимум, или биодоход.

вой занятости, но и дать людям формы самостоятельности, социальное и культурное значение которых не измеряется в экономических категориях⁵⁸.

Следует ли бояться абсолютного преобладания экономики знаний и полной деградации индустриального труда? «Является ли критически важным рубежом в соревновании между демократиями и недемократиями возможность "прорыва" в постиндустриальное общество? — задается вопросом американский исследователь Параг Ханна. — Известно, что именно западные нации значительно дальше продвинулись к экономике знаний, в которой успех определяется квалифицированным человеческим капиталом в большей степени, чем трудом»⁵⁹.

Размышляя о кризисе труда, У. Бек связывает его и с нарастанием так называемого катастрофического сознания: «Большинство людей убеждены, что если из общества наемного труда уйдет наемный труд, то это "кризис" или просто "катастрофа". Что бы ни представлялось аборигенам общества труда, это — если смотреть с птичьего полета исторической перспективы — также фантастика. Многие поколения и эпохи мечтали о том, как бы окончательно сбросить ярмо труда или ослабить его тем, что все большее богатство производилось бы со все меньшими затратами труда. Вот мы теперь и достигли этого, но никому не ведомо, как быть с этой ситуацией.

Массовая безработица, которая сотрясает Европу, не является "кризисом", поскольку возврат к пол-

⁵⁸ Горц А. (2010) Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом Гос. ун-та Высш. шк. экономики. С. 38.

⁵⁹ Ханна П. Демократия или эффективность: вызов XXI века // Свободная мысль. 2010. № 8. С. 106.

ной занятости представляет собой фикцию. Это и не "катастрофа", поскольку замена труда частично или полностью автоматизированным производством — если правильно его использовать — могла бы открыть эпохальные шансы для свободы. Должен быть сформулирован вопрос: как возможна демократия по ту сторону функции общества полной занятости — и дан ответ на него»⁶⁰.

Ответ на этот вопрос мы находим в статье П. Ханна: «Было бы, однако, явным упрощением утверждать, что лишь демократии способны производить и использовать человеческий капитал нового типа. Завтрашний мир не будет "чисто" постиндустриальным и управляемым одними только знаниями. Доля промышленности в мировой экономике останется весьма значительной, как и доля населения, занятого в традиционном промышленном секторе. Все более заметной становится [новая] система разделения труда, в которой промышленные гиганты — такие, как Китай или Вьетнам, но также и демократическая Индия, занимают все большую долю в мировом индустриальном производстве. Есть, разумеется, и важные исключения — например, Германия, остающаяся одним из крупнейших в мире экспортеров промышленной продукции, одновременно занимая лидирующие позиции и в "экономике знаний". Государствам не обязательно сегодня быть отстающими или малоразвитыми, чтобы сосредоточиваться на экспортно-ориентированном развитии экономики (как это в прошлом делали и продолжают делать боль-

⁶⁰ Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М.: Прогресс-Традиция, 2001.

шинство государств Азии). Тем не менее будущий экономический ландшафт скорее будет определяться взаимозависимостью между экономиками, основанными на знаниях и на индустриальном секторе, чем ожидавшимся в свое время доминированием первых над вторыми»⁶¹.

Вместе с тем трансформация сферы труда и занятости в условиях постиндустриальной неолиберальной экономики, трудоустройство значительных масс людей, обеспечения их социальных потребностей вступают в противоречие с хроническим переутомлением (*overwork*), трудоголизмом, которые становятся массовым явлением современного общества.

Как сохранить человеческий капитал? Могут ли другие формы деятельности заменить трудовую активность, компенсировать то, что утрачивается в результате кризиса труда в его классической форме?

Одним из последствий отношения к труду в индустриальную эпоху стало восприятие труда как важнейшей обязанности человека, одной из его потребностей и, как следствие, формирование трудоцентричного образа жизни. Современный человек не знает, как потратить свободное время, провести досуг, а досуг и праздное времяпрепровождение можно использовать именно для самосовершенствования, обучения, расширения эрудиции, приобретения новых знаний, изучения языков, причем поворот может быть самый кардинальный.

Американский ученый Роберт Райх в нашумевшей работе «Труд наций. Готовясь к капитализму XXI века» (1991) говорит о необходимости транс-

⁶¹ Ханна П. Указ. соч. С. 107.

формации трудовых навыков современного человека. Значительное место в книге уделено развитию информационной экономики и сферы услуг в условиях перехода к постиндустриальному информационному обществу. В этом аспекте весьма показателен предпринятый автором анализ процесса деструкции традиционных отношений собственности и форм контроля в условиях, когда важная часть общественного богатства, представленная усвоенными человеком информационными и образовательными услугами (in-person services), становится неотделимой от самой активной личности. По мнению Райха, наиболее актуальным в современных постиндустриальных обществах является формирование нового социального и имущественного расслоения в связи с повышающейся ролью знаний как основного производственного ресурса⁶².

«Вне зависимости от того, к какой официальной категории относится ваша работа (сфера обрабатывающей промышленности, услуг, управления и т.д.), — пишет Райх, — вне зависимости от того, в какой отрасли промышленности вы работаете (автомобильная, сталелитейная, электроника, реклама и т.д.), ваши реальные конкурентные возможности в условиях мировой экономики все больше зависят от того, какую *функцию* вы исполняете. <...>

В новых условиях преуспевают прежде всего те, кто занят анализом и работает с символами, те, кто выявляет и решает новые проблемы и осуществляет посредническую деятельность»⁶³.

⁶² Райх Р. Труднаций. Готовясь к капитализму XXI века // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М.: Academia, 1999.

⁶³ Там же. С. 515–516.

Райх подробно описывает ситуацию в разных отраслях экономики, обосновывает причины успеха или проигрыша различных профессий на современном рынке труда. Он выделяет три группы профессий, которые демонстрируют тенденции в продвижении на рынке, образно называя их лодками.

Так, в первой и второй лодках находятся работники традиционных сфер производства и занятые обеспечением персональных услуг: «Быстро тонет та лодка, в которой находятся работники традиционных сфер производства. Идет ко дну и вторая лодка (дополнено мной. — *T.C.*), хотя не так быстро и неотвратно»⁶⁴.

В отличие от лодок, в которых находятся работники традиционных производственных отраслей и сферы персональных услуг, лодка с работниками, занимающимися анализом и символами (*symbolic analysts*), не только держится на плаву, но и продвигается все увереннее⁶⁵.

Спрос на знания и навыки этих специалистов возрастает по мере того, как постоянно совершенствуются средства коммуникации, обеспечивающие доступность и оперативное распространение этих знаний и навыков.

Чуть ли не все население мира покупает знания и навыки специалистов, которые работают с устными и визуальными символами — музыкантов, звукооператоров, кинопродюсеров, гримеров, режиссеров, кинематографистов, актеров и актрис, аккомпаниаторов, сценаристов, авторов песен и художников-постановщиков.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ См.: Там же. С. 522.

Основной причиной такого расширения мирового рынка и роста спроса на подобные услуги стало принципиальное усовершенствование коммуникационных технологий. Чертежи, разработки, инструкции, визуальные и аудио-символы передаются все быстрее, с большей точностью и меньшими затратами.

Рост спроса влечет за собой рост доходов. Вне зависимости от того, в какой форме этот доход поступает — в виде лицензионных выплат, гонораров, заработной платы или участия в прибылях — экономический результат в основном один и тот же. Помимо прочего, такая работа приносит не только деньги, но и удовольствие. Многие из того, что делают эти специалисты, нельзя считать работой в традиционном смысле этого слова. Работники традиционного производства и сферы персональных услуг обречены на монотонный труд, изматывающий человека физически и психологически, и ограничивающий его свободу. «Работа» тех, кто занимается анализом и символами, напротив, связана с разгадкой головоломок, экспериментами, играми; она требует широкого общения, и при этом работник часто сам решает, что именно ему следует делать. Мало кто из занятых в традиционном производстве или сфере персональных услуг стал бы работать, если бы не нуждался в деньгах. А многие из тех, кто занимается анализом и символами, готовы работать даже не ради денег⁶⁶.

К началу 1990-х гг. рынок специалистов, занимающихся символами и анализом, раскинулся по всему миру. И хотя в своей статье исследователь рассматривает ситуацию, касающуюся американских

⁶⁶ Райх Р. Указ. соч. С. 524.

корпораций, тенденции, отмеченные им, отражают особенности постиндустриального общества в глобальном масштабе.

Пафос размышлений Райха касается, во-первых, выбора профессии либо профессиональной переориентации, во-вторых, противостояния вызовам глобальной экономики. Безусловно, сложно представить себе массовую переориентацию представителей традиционных профессий на деятельности в сфере символов и анализа». Однако вполне возможно предпринять некоторые шаги для приобретения новых навыков, специализаций, расширения деятельностных практик.

Следует отметить, что при переходе к экономике знаний, сокращения времени, проводимого человеком на работе, опасности утраты рабочего места и других характеристик современной ситуации в сфере занятости возрастает значимость умения использовать образовавшееся свободное время.

Более того, современный человек, как отмечает российский исследователь М. Маяцкий, зачастую обречен на вынужденную праздность: «Бездеятельность, свобода от принудительного, прежде всего физического труда, досуг — обязательное условие созерцательного, теоретического образа жизни, знания и творчества, но одновременно и ловушка, в которой поджидает сладкий меланхолический искуc. Из тысячелетней привилегии элит бездеятельность за один последний век стала достоянием, завоеванием и кошмаром масс. Обуздывать непокорную материю оказалось куда проще, чем заниматься эфемерным и конечным собой»⁶⁷.

⁶⁷ *Маяцкий М.* Курорт Европа: эссе. М.: Ад Маргинем Пресс, 2009. С. 26–27.

Трудоцентризм как образ жизни

Возникает дилемма: с одной стороны, массы людей оказываются на обочине жизни, потеряв рабочее место и возможность обеспечивать себя и своих близких; с другой — освободившись от необходимости тяжелой физической каждодневной работы, человек не знает, чем же занять освободившееся время.

Но есть и еще один аспект отношения к труду, на который мы бы хотели обратить внимание. В современных условиях изменяется вектор целенаправленности труда. Освобождаясь от тягот физического труда, усугублявшихся его принудительностью, отсутствием выбора и степеней свободы, современный человек обнаруживает в своей деятельности значительную привлекательность.

Многое свидетельствует о том, что люди ценят работу за удовлетворение, ощущение полноты жизни, которое она им приносит. Постиндустриальная перспектива предлагает спектр новых профессий.

Однако, как оказалось, на смену тяготам индустриального труда, приходят перегрузки другого рода. Труд, переставая быть тяжелым, остается достаточно напряженным, ведет к переутомлению в условиях сверхурочной работы. Несмотря на предположения, что развитие технологий приведет к увеличению свободного времени, расширению досуговых практик, общество становится все более трудоцентричным.

В 2003 г. британская журналистка Мадлен Бантинг, исследовав причины трудоцентризма, среди характерных признаков современной ситуации в сфере труда выделила следующие:

снижение роли семейных, социальных и политических институций в обществе компенсируется растущей ролью занятости, которая отныне становится центральной жизненной категорией;

характер работы меняется, она требует приложения все больших усилий и времени, что в конечном итоге приводит к тому, что «сердцем» человеческой жизни становится офис;

корпорации изобретают особые техники воздействия на человека, заставляя его посвящать всего себя работе. Организации, ориентируясь на культурный контекст, предлагают человеку в работе обрести все то, что он ищет⁶⁸.

Если границы работы совпали с границами жизни, означает ли это, что данный образ жизни в большей мере соответствует природе человека? Бантинг говорит решительное «нет»: самое большое противоречие способа существования человека в XXI в. состоит в том, что человек направляет свои время и силы на то, что вовсе не делает его счастливым.

В рамках проведенного Бантинг опроса при ответе на вопрос, зачем работает человек, был получен ответ — «ради денег»⁶⁹. Тот, кому нужны деньги, готов работать дольше, поскольку за большее количество часов он получит больше денег. Если проанализировать экономическую зависимость полезности (в данном случае размер заработной платы) от времени (количества отработанных часов), то

⁶⁸ См.: *Bunting M. Willing Slaves*. L.: Harper Collins Publishers, 2004. С. 13, 17.

⁶⁹ В обследовании принимали участие жители Великобритании, в основном представители среднего класса, принадлежащие к так называемой *overwork culture*.

можно понять, что с каждой дополнительной единицей времени полезность возрастает (но, разумеется, до определенного момента, когда деньги по ценности уже выравняются с ценностью свободного времени). Таким образом, можно заметить, что дополнительные часы работы приносят возрастающую прибыль, этим фактом и можно объяснить, что примерно 1,6 млн работников в Британии помимо 48-часовой рабочей недели работают еще дополнительное время⁷⁰.

Еще одним фактором заинтересованности в работе является стремление к карьерному росту. Чтобы продвинуться по карьерной лестнице каждое следующее поколение прикладывает больше усилий, так как благодаря тому что родители пытаются обеспечить детям лучшую, нежели у них, подготовку, квалификация работников возрастает, и, чтобы подняться в должности, нужно иметь солидный багаж знаний. Причем теперь заработная плата оценивается по сравнению с заработком коллег и соседей.

Объяснением того факта, почему семьи со средним достатком работают сверхурочно, является их желание приобрести вещи и услуги более высокого статуса (хорошая видеоаппаратура, украшения, фитнес и т.п.). Статистические данные показывают, что количество кредитов, которые берет средний класс, сильно возросло. Потребности общества задаются не реальными нуждами, а рекламой в средствах массовой информации, модой, а это увеличивает количество якобы необходимых товаров, заставляя членов общества увеличивать расходы.

⁷⁰ Idid. С. 148.

Вследствие постоянно возрастающего стимулирования потребительского интереса потреблением начинают подменяться общечеловеческие ценности, такие как свобода, самореализация и многие другие. Общество делится на потребителей и работников, причем в разное время те или иные индивиды относятся к тому или иному классу. Человек отныне зарабатывает деньги не для того, чтобы выжить, а для того, чтобы потреблять. Низкооплачиваемая работа все больше презирается в обществе, поскольку не может обеспечить средства для потребления и к ней стараются не прибегать.

Согласно Бантинг в последнее время религиозные аргументы (например, протестантские ценности, о которых писал М. Вебер в работе «Протестантская этика и дух капитализма»), которые стимулировали работника трудиться, не действуют⁷¹.

Однако взамен утраченного, появляются другие стимулы.

В 1980–х гг. возникает тенденция оправдывать труд как средство для утверждения своего социального статуса, обретения счастья и благополучия. Причем работа рассматривалась не только как средство индивидуального благополучия, но и как общественно полезное занятие, приносящее выгоду всему обществу.

Вместе с тем ценность работы, т.е. затраченного времени и затраченных усилий, измеряется не только в деньгах. В современном мире модно быть занятым. Статистика показывает, что значительное число британцев и американцев среднего класса на работу тратят

⁷¹ См.: Вебер М. Наука как призвание и профессия. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.

больше сил и времени, нежели представители малообеспеченных слоев общества. Объяснение очень просто: если вы состоявшийся человек, то вам должна нравиться ваша работа, причем настолько, что вы просто не хотите бросать свое занятие и «с удовольствием» работаете дополнительные часы после основного рабочего времени. Работая сверх нормы, человек показывает, что он вполне доволен своей жизнью и своим занятием. Как следствие, далеко не все работающие сверхурочно получают за это дополнительную оплату.

Поглощенный трудовыми обязательствами, человек не ищет спасения в проведении свободного времени, не умеет организовать свой досуг, и зачастую попадает в зависимость от труда — трудоголизм.

Трудоголизм: достоинство или недостаток

В XX в. человечество столкнулось с новым заболеванием — трудоголизмом. Надо полагать, что это заболевание встречалось и в прошлом, однако в XX в. оно стало массовым. При всем уважении к человеческому труду и людям труда трудоголизм представляет скорее негативную сторону трудовых отношений. Исследователи (медики, психологи, социологи) задаются вопросом: каковы пределы трудовых возможностей человека? Среди негативных последствий избыточной занятости — трудовые заболевания. Кто виноват, что человек оказывается в пагубной зависимости от труда? Сам человек, бизнес или государство в лице социальной политики, допускающие просчеты в организации досуга?

«Очень трудно дать адекватную характеристику человека или народа с сильной трудовой этикой в строго утилитарных терминах традиционной либеральной экономики. — считает американский философ Френсис Фукуяма. — Возьмем современную личность "типа А" — ревностного в работе юриста, или работника администрации корпорации, или японского "человека зарплаты", работающего на конкурентоспособную японскую транснациональную корпорацию. Такие люди запросто могут работать семьдесят — восемьдесят часов в неделю, с редкими и короткими отпусками, продвигаясь по карьерной лестнице. Они могут получать зарплату весьма высокую по сравнению с теми, кто трудится не с такой отдачей, но усердие, с которым они работают, не связано строго с получаемой платой. На самом деле в строго утилитарных терминах их поведение иррационально: работают они так много, что никогда не способны воспользоваться своими деньгами; они не могут насладиться ленью, поскольку таковой у них не имеется, и они в процессе работы разрушают свое здоровье и перспективы комфортабельного житья на пенсии, поскольку вряд ли до нее доживут. Можно возразить, что такие люди работают ради своей семьи или ради будущих поколений, и это, несомненно, дает какой-то мотив, но большинство "трудоголиков" почти не видят своих детей и так одержимы карьерой, что семейная жизнь слишком часто от этого страдает. Причина, по которой они работают так усердно, только частично связана с материальным вознаграждением: совершенно ясно, что они получают удовольствие от самой

работы или от статуса и признания, которые эта работа им дает»⁷².

Трудоголизмом признается как форма зависимости, в результате которой человек не чувствует себя комфортно вне работы, не может переключаться на отдых после работы. Отличие от алкогольной и наркотической зависимости состоит в том, что трудоголизм не инспирирован химическими веществами, попадающими в кровь извне.

Трудоголизм в первую очередь психологическая зависимость. Развиваться он может по двум основным причинам: а) при неспособности человека устроить свою личную жизнь, найти занятие по душе. Такие люди буквально вынуждены спасаться бегством от жизненной пустоты в работе, где в случае удачного выполнения задания работник получает поощрение; б) из-за диктата общества, который возводит внеурочную работу в ранг чего-то положительного и естественного.

Отметим, что количество часов, которые человек поводит на работе в XX в., значительно превышает количество часов, которое тратил на работу средневековый крестьянин. Трудоголизм — это болезнь, которая разрушает человека как физически (болезни мозга, сердечно-сосудистой системы, позвоночника), так и психологически (депрессии, неврозы). Подчас трудоголизм может привести к смерти, как случилось с премьер-министром Японии Кэйдзо Обути (скончался в 2000 г.), который за 20 месяцев своего пребывания на посту имел три выходных, а трудился более 12 часов в день. В Японии такие

⁷² Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ, 2010.

случаи не редкость. Существует термин «кароси», который обозначает смерть на рабочем месте, вызванную усталостью и переутомлением.

Трудоголизм становится такой значимой проблемой для общества, что меры по его предотвращению начинают приниматься во многих странах. К примеру, в Корее министерство здравоохранения отключает в офисах электричество в 18 часов, чтобы сотрудники не имели возможности работать сверхурочно⁷³.

Исследователи называют черты, характерные для современного трудоголика:

после рабочего дня он фактически не может переключиться на другую деятельность;

отдых для него теряет смысл, не дает радости и разрядки;

стойкая уверенность в том, что настоящее удовлетворение можно испытать только на работе, все остальное — суррогат;

в случае незагруженности работой чувство раздражения, ничем не мотивированное недовольство собой и окружающими;

в быту он молчалив и мрачен, неуступчив, агрессивен. Но все это исчезает, стоит ему оказаться на работе — перед вами совершенно другой человек;

тревога, страх, растерянность в преддеверии того, что какое-то дело скоро закончится. Чтобы спастись от этого, сразу же начинает планировать следующие рабочие катаклизмы;

все, происходящее вне работы — безделье, лень, баловство;

⁷³ См.: *Коноров Ф.* Ответ о том, что есть трудоголизм. 2009.

раздражение от журналов, телевизионных программ, развлекательных шоу;

постепенное ухудшение отношений в семье с близкими из-за перегрузок на работе;

отсутствие сексуальных желаний: трудоголик объясняет это тем, что «сегодня устал, но вот завтра...»;

постановка явно неразрешимых целей и задач;

восприятие всех проблем и неудач на работе как личных⁷⁴.

В результате, преодолев тяготы эксплуатации индустриальной эпохи, человек вовлекает себя в самоэксплуатацию, превращая жизнь в оформление трудового процесса. Зависимость от труда парализует человека; при этом он свято верит, что его труд необходим обществу, корпорации, государству. Большинство людей не осознают, что страдают от экспансии трудоцентризма. Они не желают менять сложившиеся стереотипы, хотят жить привычно: современный человек держится за труд, как раб за своего господина.

Амбивалентное отношение к труду в литературе

В 1891 г. было опубликовано эссе английского писателя, драматурга, эстета Оскара Уайльда (1854–1900) «Душа человека при социализме», в котором он подверг резкой критике физический и другие виды труда: «Человек создан для лучшей работы, чем

⁷⁴ *Коноров Ф.* Указ. соч.; *Евсеева Е.* Трудоголики рискуют жизнью (2010).

убирать грязь»⁷⁵. Через десять лет герой пьесы «На дне» (1901) Сатин, рассуждая о предназначении человека, произносит известные миру слова: «Человек — свободен... он за все платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум — человек за все платит сам, и потому он — свободен!.. Человек — вот правда! Что такое человек? <...> Это — огромно! В этом — все начала и концы... Всё — в человеке, всё для человека! Существует только человек, все же остальное — дело его рук и его мозга! Чело-век! Это — великолепно! Это звучит... гордо! <...>

Я всегда презирал людей, которые слишком заботятся о том, чтобы быть сытыми. <...> Не в этом дело! Человек — выше! Человек — выше сытости!..»⁷⁶.

«В русской культурной традиции, — пишет современный исследователь трудовых отношений Н. Григорьева, — труд становится предметом полемики в 1893 г., когда в журнале "Северный вестник" появляется статья Льва Толстого "Не-делание". В этой статье писатель, задетый за живое дискуссией, развернувшейся между Эмилем Золя и Александром Дюма, высказывает резко отрицательное отношение к труду. В свою очередь текст Толстого провоцирует ученика Николая Федорова, В.А. Кожевникова, выступить в защиту производственной деятельности в брошюре "Бесцельный труд, 'не-делание' или дело? Разбор взглядов Эмиля Золя, Александра Дюма и графа Л.Н. Толстого на труд". Если Толстой наставляет читателя на путь добродетели, основанный на

⁷⁵ Уайльд О. Душа человека при социализме // Уайльд О. Собр. соч.: В 3 т. М.: Терра, 2000. С. 223.

⁷⁶ Горький М. На дне // Горький М. Избранное. М.: Эксмо, 2004. С. 536.

недеянии, то Кожевников предлагает им поверить во всеобщий добровольный труд, направленный к единой и всеобъемлющей цели»⁷⁷.

Задолго до появления работ О. Уайльда, Л. Толстова, А. Дюма и других писателей Ф.М. Достоевский размышляет о противоречиях труда в «Записках из Мертвого дома» (1860–1861), созданных под впечатлением лет, которые он провел в Омском остроге (1850–1854). Писатель обращается к особенностям труда осужденных, описывает как тяготы, так и положительные моменты их жизни.

Через 100 лет после публикации «Записок из Мертвого дома» А.И. Солженицын в рассказе «Один день Ивана Денисовича» (1962) продолжил тему, затронутую Достоевским, предложив неоднозначную трактовку трудовой деятельности в условиях, далеких от каких бы то ни было проявлений гуманности.

Оскар Уайльд: свобода творческого самовыражения

Оскар Уайльд в эссе «Душа человека при социализме» исследует условия развития творческой индивидуальности человека: «Сейчас много чепухи говорится и пишется по поводу достоинства ручного труда. Ничего достойного в ручном труде нет, более того, в большинстве случаев он унизителен для человека. Вообще, для человека является моральным оскорблением выполнять то, в чем он не находит удовольствия, и многие формы труда являются тако-

⁷⁷ Григорьева Н. *Anima laborans: писатель и труд в России 1920–1930-х гг.* СПб.: Алетейя, 2005. С. 11.

выми. Подметать грязные улицы в течение 8 часов на пронизывающем ветру — отвратительное занятие. Подметать их с достоинством кажется невероятным. Подметать с радостью — ужасным. Человек создан для более достойной работы, чем убирать грязь»⁷⁸.

В современном ему обществе Уайльд не находит необходимых условий для полноценного развития личности. Этому мешают многие факторы, и прежде всего частная собственность, ведущая к социальному расслоению. Конечно, наличие частной собственности дает людям «возможность выбирать ту сферу деятельности, которая им по душе и доставляет истинное удовольствие. Это поэты, философы, люди науки — словом, настоящие люди, люди, которые реализовали свою сущность и в которых все человечество находит частичную реализацию. С другой стороны, большинство людей, не имеющих частной собственности и находящихся всегда на краю голода, вынуждены выполнять скотскую работу, работу, которая им не подходит и которую они выполняют под диктатом бессмысленной тирании нужды»⁷⁹.

Выход из сложившейся ситуации Уайльд видит в построении социализма: «Социализм, коммунизм, или как бы мы его ни называли, превращая частную собственность в общественное богатство и заменяя соревнование сотрудничеством, превратит общество в здоровую организацию и обеспечит материальный достаток каждому члену общества. По сути, он обеспечит Жизни настоящую основу и окружение»⁸⁰.

⁷⁸ Уайльд О. Указ. соч. С. 223.

⁷⁹ Там же. С. 220.

⁸⁰ Там же. С. 219.

В литературе встречаются высказывания о том, что Уайльд заигрывал с социализмом. Полагаю, что он романтизировал социалистическую перспективу, оформляя с ее помощью важный для себя тезис о необходимости индивидуализма как творческой свободы личности. Когда Уайльд пишет о социализме, то его прежде всего интересуют возможность и условия для творческого развития, для занятий искусством, которое не будет испытывать давления власти. Поэтому социализм в изображении Уайльда это скорее некий идеальный мир, в котором не будет частной собственности, порабощения, тяжелого поденного безрадостного труда, унижающего достоинство человека, не будет тотального контроля со стороны власти. Социализм и власть — вещи для Уайльда несовместные. В своих фантазиях писатель представляет социализм отдельным от государства и власти.

Уайльд рассматривает ситуацию, в которой управление страной перестанет входить в обязанности государства. Каковыми в этом случае будут функции государства? «Государство будет представлять собой свободную ассоциацию, занятую улучшением организации труда, производением и распределением материальных благ. Государство производит то, что полезно. Личность — то, что прекрасно...

Каждый человек должен быть оставлен в покое для выбора работы по душе. Никакая форма насилия не должна применяться к нему. Если же его заставляют работать, то, во-первых, работа не будет ему по душе, и, во-вторых, она будет плохо выполнена и, следовательно, не годится для других. От нее никому

не будет проку. А под работой я подразумеваю любой вид деятельности»⁸¹.

Противопоставляя труду свободную творческую деятельность, Уайльд обращается к индивидуализму, под которым он понимает творческую свободу личности. При этом его волнует не столько свобода личности, сколько потенциальный индивидуализм всего человечества: «Признание частной собственности нанесло вред индивидуализму и обезличило его, спутав человека с тем, чем он владеет. Оно увело индивидуализм в сторону. Оно сделало доход, а не совершенство своей целью. И человек решил, что важно ИМЕТЬ, в то время, как важно БЫТЬ. Истинное совершенство человека заключено не в том, что он имеет, а в нем самом. Частная собственность разрушила настоящий и установила фальшивый индивидуализм. Она лишила часть общества индивидуализма, заставив ее голодать. Она лишила другую часть общества индивидуализма, направив ее по ложному пути и обременив ее капиталом»⁸².

Предполагая, что при социализме каждый будет выбирать работу (дело) по душе, имея все возможности для творческого развития, Уайльд считает, что все виды тяжелых работ будут выполнять машины: «Весь малоинтеллектуальный, монотонный, тяжелый труд, труд в отвратительных условиях должен выполняться машинами. Машины должны работать в угольных шахтах и выполнять санитарные функции, кочегарить на пароходах и чистить улицы, раз-

⁸¹ Уайльд О. Указ. соч. С. 223.

⁸² Там же. С. 224.

возить письма в дождливые дни, делать утомительную и неприятную работу.

В настоящее время машины конкурируют с людьми. В новых условиях машины будут служить людям. Нет сомнений, что в этом лежит будущее машин; и точно так же, как растут деревья, а сельский житель спит, человечество будет развлекать себя или наслаждаться утонченным досугом, который является высшим предназначением человека, а не труд, или создавать прекрасные вещи, или читать прекрасные книги, или просто с изумлением и восторгом изучать мир, — машины же будут выполнять всю необходимую и неприятную работу... Будущее мира зависит от механического рабства — рабства машин... Это утопия?

... общество с помощью машин будет обеспечиваться всем необходимым, а прекрасными вещами займется личность. Это не только необходимо, это единственно возможный путь»⁸³.

Индивидуализм и свобода творчества не совместимы с рабством и принуждением: «Люди часто спрашивают, при каком правительстве наиболее вольготно живется художнику? Есть один только ответ — ни при каком. Проявление власти над ним или его искусством смешно... Индивидуализм не приходит к человеку с болезненной философией долга, который заключается в выполнении того, чего хотят другие, либо в самопожертвовании — пережитке прошлых диких жертвоприношений... чувство долга не должно поработать человека. Оно приходит естественно и неизбежно... Индивидуализм... указывает человеку, что нельзя терпеть никакого насилия.

⁸³ Уайльд О. Указ. соч. С. 232–233.

Он не заставляет людей быть хорошими. Он знает, что люди хороши лишь, когда их оставляют в покое»⁸⁴.

С приходом индивидуализма, люди будут вести себя совершенно естественно и неэгоистично, поймут простой смысл слов и будут использовать его в своей свободной и прекрасной жизни. Люди забудут об эгоизме. Будущему индивидуалисту эгоизм не принесет радости. Люди научатся сострадать и сопереживать естественным образом⁸⁵.

«И когда Социализм решит проблему бедности, а Наука проблему болезней, сентиментальности будет меньше, а сопереживание станет глубже, естественнее и здоровее. Человек будет радоваться, наблюдая за радостью других людей. Именно посредством радости будущий Индивидуализм разовьет себя»⁸⁶.

Человек всегда стремился жить полной, совершенной жизнью. Социализм и наука помогут ему, согласно Уайльду, решить проблему бедности, справиться с болезнями. И когда человек сможет так жить, «не принуждая других и не испытывая страданий, его поступки будут доставлять ему удовольствие, а сам он будет трезвее, здоровее, цивилизованнее, он будет более сам собой... Новый Индивидуализм, на который работает Социализм, приведет к совершен-

⁸⁴ Там же. С. 246, 249.

⁸⁵ «Эгоизм — это не когда человек живет, как хочет, а когда он требует, чтобы другие жили как он. Эгоизм всегда нацелен на абсолютную похожесть. Плурализм признает бесконечное разнообразие форм, восхищается каждой из них, принимает их, наслаждается ими. Не будет эгоизмом и думать о себе. Человек, который не думает о себе, вообще, кажется, не способен думать. Требовать же от соседа, чтобы он думал таким же образом, имел то же мнение — вот пример жестокого эгоизма». (Уайльд О. Указ. соч. С. 252).

⁸⁶ Там же. С. 249–252.

ной гармонии. <...> Новый Индивидуализм преодолет эти препятствия, и это будет Новая Греция»⁸⁷.

*Джек Лондон: вырождение
под гнетом руда*

Герой романа Дж. Лондона «Мартин Иден» (1909) — молодой моряк, выходец из низов — тоже пришел к мысли, что «создан для лучшей работы, чем убирать грязь».

Действие романа происходит в начале XX в. в Окленде (Калифорния, США). Мартин Иден случайно знакомится с Руфью Морз — девушкой из состоятельной буржуазной семьи. Влюбившись в нее и желая стать достойным ее и общества, к которому она принадлежит, Мартин берется за самообразование. Руфь в свою очередь решает покровительствовать его начинаниям и пробуждает в нем интерес к литературе: «И тут в неслыханном блеске его озарила великолепная мысль. Он станет писателем. Люди увидят, услышат, ощутят мир и его зрением, слухом, его сердцем. Он станет писать все, что угодно — о событиях вымышленных и подлинных, — стихи и прозу, и, как Шекспир, пьесы. Вот дело жизни, вот она, возможность приблизиться к Руфи. Писатели — титаны мира, и, уж конечно, они будут получше мистеров батлеров, пускай даже у тех и тридцать тысяч годового дохода и, стоит им захотеть, они сразу станут членами Верховного суда.

Мартин составляет программу самосовершенствования, работает над языком и произношением,

⁸⁷ Уайльд О. Указ. соч. С. 254.

читает много книг. Опираясь на жизненный опыт, он начинает писать стихи и прозу и рассылает их в печатные издания. Несмотря на сложности и сомнения, Мартин непреклонно движется к поставленной цели⁸⁸. Он отказывается от привычной работы моряка — ему нужно учиться. По совету случайного знакомого он нанимается в прачечную.

Тяжелая, изнуряющая поденная работа, непреодолимая, сковывающая тело и мозг усталость становятся неожиданным препятствием на пути к желанной цели: «Мартин в тот вечер тоже не читал. Всю неделю он не видел газет и, как ни странно, ничуть по ним не соскучился. Не до новостей ему было. Слишком он устал, измучился, ничего его не интересовало...

Работа требовала предельной сосредоточенности. Весь он, и голова и руки, в непрестанном напряжении — он просто разумная машина, и все, что делало его человеком, теперь служит этому машинному разуму: «Мартин только и думал, что о выматывающей душу, изнуряющей тело работе. Ни о чем другом думать уже не было сил. Он больше не помнил, что любит Руфь. Она как будто и не существовала — загнанной душе некогда было о ней вспомнить. Лишь когда он, еле волоча ноги, добирался поздно вечером до постели или утром за завтраком, она мимолетно возникала в памяти»⁸⁹.

Выходом из сложившейся ситуации становится алкоголь: «В конце седьмой недели почти бессознательно, не в силах противиться, он поплелся в посе-

⁸⁸ См.: *Лондон Дж.* Мартин Иден. М.: АСТ, 2013. С. 167.

⁸⁹ Там же. С. 237.

лок, и утопил жизнь в вине, и обрел жизнь до утра понедельника»⁹⁰.

В результате Мартин оставил работу в прачечной и решил вернуться к морской службе. Он видел, что прачечная превращала его в животное: «При такой работе поневоле запьешь...

— Когда-нибудь я об этом напишу — "Вырождение под гнетом труда", или "Психология пьянства в рабочем классе", или еще как-нибудь в этом роде (Заклучил Мартин Иден. — Т.С.)»⁹¹.

*Л.Н. Толстой, А. Дюма, В.А. Кожевников:
неделание и Дело*

Свою позицию о труде Л.Н. Толстой выразил в статье «Неделание». Все началось с того, что редактор знаменитой в то время парижской газеты «Gaulois» Э. Смит переслал Л.Н. Толстому опубликованные в газете «Revue des Revues» письмо Александра Дюма и речь Эмиля Золя, послужившую поводом для выступления Дюма. Эта полемика чрезвычайно заинтересовала Толстого, и в связи с этим он написал статью «Неделание», в которой привел указанные тексты, сопровождая их соответствующими комментариями, выражавшими его собственную позицию⁹².

В речи, обращенной к молодому поколению, Э. Золя рассуждает о кризисе европейской культуры и жизни, характерными чертами которого являются «усталость и возмущение... после столь лихорадоч-

⁹⁰ *Лондон Дж.* Указ. соч. С. 249–250.

⁹¹ Там же. С. 257.

⁹² *Толстой Л.Н.* Неделание // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Гос. изд.-во художественной литературы, 1954. Т. 29. С. 173–201.

ного и колоссального труда, цель которого состояла в том, чтобы все знать и все сказать»⁹³.

По мнению Золя, надежды, связываемые с возможностями науки, не оправдались, справедливость не восторжествовала, счастье не приходило, поэтому многие отдались растущему нетерпению, отчаиваясь и отрицая даже то, чтобы можно было посредством знания достичь блаженной воли: «Мы присутствуем при неизбежной усталости, свойственной длинным путешествиям: люди садятся на краю дороги и, глядя на бесконечную равнину развертывающегося следующего века, отчаиваются дойти когда-нибудь до цели; доходят даже до того, что сомневаются даже в пройденном пути, сожалеют о том, что не легли в поле, чтобы спать в нем целую вечность. К чему идти, если цель будет постоянно удаляться? К чему знать, если нельзя знать всего? Уж лучше оставаться в чистой простоте, в счастливом неведении ребенка. Таким образом, людям кажется, что наука, будто бы обещавшая счастье, на наших глазах обанкротилась»⁹⁴.

Золя призывает не поддаваться на лозунги новоявленных пророков, предложив со своей стороны веру в труд:

«Работайте же, молодые люди! Я знаю, насколько этот совет кажется банальным... Но я прошу вас подумать о нем и позволю себе, я, бывший все время только работником, сказать вам о том благе, которое я извлек из того долгого труда, который наполнил всю мою жизнь. Мое вступление в жизнь было трудное: я знал и ни-

⁹³ Там же. С. 177.

⁹⁴ Там же.

щету, и отчаяние, я жил потом в борьбе, живу в ней и теперь, разбираемый, отрицаемый, осыпаемый оскорблениями. И что ж? У меня была только одна вера, одна сила — труд. Поддержала меня только та огромная работа, которую я задал себе, передо мной всегда стояла вдалеке та цель, к которой я двигался, — и этого было достаточно, чтобы поднимать меня, придавать мне мужество, когда плохая жизнь подавляла меня. Труд, про который я говорю вам, — это труд правильный, ежедневный, урок, обязанность, которую себе задал, хоть на шаг каждый день подвигаться в своем деле сколько раз поутру я садился за свой стол с потерянной головой, с горечью во рту, мучимый какою-нибудь великой болью, физической или нравственной! И каждый раз, несмотря на возмущения моего страдания, мой урок для меня был облегчением и подкреплением ...

Труд! Господа, только подумайте о том, что это единственный закон мира, тот регулятор, который влечет органическую материю к ее известной цели! Жизнь не имеет другого смысла, другой причины быть, мы все появляемся только для того, чтобы совершить нашу долю труда и исчезнуть»⁹⁵.

Комментируя слова Э. Золя, Л. Толстой соглашается с ним, что молодежи необходимы новые ориентиры, но то, что предлагает Золя, представляется Толстому еще более неясным и неопределенным, чем речи тех учителей, которых порицает Золя.

«Трудиться во имя науки! — возражает Толстой. — Но в том-то и дело, что слово "наука" имеет

⁹⁵ Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 179–181.

очень широкое и мало определенное значение, так что то, что одни люди считают наукой, т.е. делом очень важным, считается другими и самым большим количеством людей, всем рабочим народом, ненужными глупостями. И нельзя сказать, чтобы это происходило только от необразования рабочего народа, не могущего понять всего глубокомыслия науки: сами ученые постоянно отрицают друг друга. Одни ученые считают наукой из наук философию, богословие, юриспруденцию, политическую экономию; другие ученые — естественники — считают все это самым пустым, ненаучным делом, и, наоборот, то, что позитивисты считают самыми важными науками, считается спиритуалистами, философами и богословами если не вредными, то бесполезными занятиями»⁹⁶.

Толстой ссылается на учение китайского философа Лаодзы, сущность учения которого состоит в том, что высшее благо как отдельных людей, так и целых народов может быть приобретено через познание «Дао»⁹⁷, которое, в свою очередь, может быть приобретено только через неделание. Все бедствия людей, по учению Лаодзы, происходят не столько потому, что они не сделали того, что нужно, сколько от того, что они делают то, чего не нужно делать. Люди избавились бы от всех личных и общественных бедствий, если бы они соблюдали неделание.

«Я думаю, что он (Лаодзы. — *Т.С.*) совершенно прав, — полагает Толстой. — Пусть каждый усердно работает. Но что? Биржевой игрок, банкир возвращается с биржи, где он усердно работал; полковник

⁹⁶ Там же. С. 182.

⁹⁷ Дао в переводе с китайского путь, добродетель, истина.

с обучения людей убийству, фабрикант — из своего заведения, где тысячи людей губят свои жизни над работой зеркал, табаку, водки. Все эти люди работают, но неужели можно поощрять их работу?...

Кто не знает тех безнадежных для истины и часто жестоких людей, которые так заняты, что им всегда некогда, главное — некогда справиться с тем, нужно ли кому-нибудь и не вредно ли то дело, над которым они так усердно работают. Вы говорите им: "Ваша работа бесполезна или вредна потому-то и потому-то, погодите, рассудимте дело"; они не слушают вас и даже с иронией возражают: "Хорошо вам рассуждать, когда нечего делать, а я работаю над исследованием того, сколько раз такое-то слово употреблено таким-то древним писателем, или над определением форм атомов, или над телепатией" и т.п.»⁹⁸.

Толстой обращает внимание на утвердившееся мнение о неразрывной связи труда и добродетели: «Ведь только муравей в басне как существо, лишенное разума и стремлений к добру, мог думать, что труд есть добродетель, и мог гордиться им.

Г-н Золя говорит, что труд делает человека добрым; я же замечал всегда обратное: сознанный труд, муравьиная гордость своим трудом, делает не только муравья, но и человека жестоким. Величайшие злодеи человечества Нерон, Петр I всегда — были особенно заняты и озабочены, ни на минуту не оставаясь сами с собой без занятий или увеселений.

Но если даже трудолюбие не есть явный порок, то ни в каком случае оно не может быть добродетелью. Труд так же мало может быть добродетелью,

⁹⁸ Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 183.

как питание... Возведение труда в достоинство есть такое же уродство, каким бы было возведение питания человека в достоинство и добродетель. Значение, приписываемое труду в нашем обществе, могло возникнуть только как реакция против праздности, возведенной в признак благородства и до сих пор еще считающейся признаком достоинства в богатых и малообразованных классах...

Труд не только не есть добродетель, но в нашем ложно организованном обществе есть большею частью нравственно анестезирующее средство вроде курения или вина, для скрывания от себя неправильности и порочности своей жизни»⁹⁹.

Не могу не привести цитату из текста Толстого, необычайно совпадающую с высказываниями многих наших современников. «"Когда мне рассуждать с вами о философии, нравственности и религии, — мне надо издавать ежедневную газету с полмиллионом подписчиков, мне надо организовать войско, мне надо строить Эйфелеву башню, устраивать выставку в Чикаго, прорывать Панамский перешеек, дописать двадцать восьмой том своих сочинений, свою картину, оперу", — приводит Толстой суждения, характерные для его времени. — Не будь у людей нашего времени отговорки постоянного, поглощающего их всех труда, они не могли бы жить, как живут теперь. Только благодаря тому, что они пустым и большею частью вредным трудом скрывают от себя те противоречия, с которых они живут, только благодаря этому и могут люди жить так, как они живут»¹⁰⁰.

⁹⁹ Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 185–186.

¹⁰⁰ Там же. С. 187–188.

Затем Л. Толстой обращается к письму А. Дюма, написанному под впечатлением от речи Э. Золя.

«Милостивый государь! — пишет Дюма. — Каждое новое поколение приходит с мыслями и страстями, старыми как мир, хотя оно думает, что никто не имел их раньше его, потому что оно в первый раз находится под их влиянием, и оно убеждено, что оно вот-вот преобразует все существующее»¹⁰¹.

Дюма говорит о том, что всегда были и есть вечные вопросы о возникновении мира, существовании Бога, на которые каждое новое поколение пытается найти собственные ответы. В этих поисках «человечество обращалось к религиям, которые ничего не доказали ему, потому что были различны; обращалось к философиям, которые не более того разъяснили ему, потому что они были противоречивы; оно постарается теперь управиться одно со своим простым инстинктом и своим здравым смыслом, и так как оно живет на земле, не зная зачем и как, оно постарается быть настолько счастливым, насколько это возможно, теми средствами, которые предоставляет ему наша планета»¹⁰².

Золя советовал молодому поколению трудиться, рассматривая труд в качестве лекарства и даже панацеи против всех сложностей жизни. Дюма не отрицает ценности предложенного лекарства, которого, впрочем, недостаточно, чтобы разрешить возникающие мировые проблемы: «Никогда не может быть единственной заботой [человека] приобретение пищи, наживание состояния или приобретение славы. Все

¹⁰¹ Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 188.

¹⁰² Там же. С. 191.

те, которые ограничивают себя этими целями, чувствуют и тогда, когда они достигли их, что им еще недостает чего—то: дело в том, что, что бы ни производил человек... что бы ему ни говорили, он состоит не только из тела, которое надо кормить, и ума, который надо образовать и развивать, у него, несомненно, есть еще и душа, которая еще заявляет свои требования. Эта—то душа находится в не переставшем труде, в постоянном развитии и стремлении к свету и истине. До тех пор, пока она не получит весь свет и не завоеует всю истину, она будет мучить человека»¹⁰³.

Подобно Золя, Дюма констатирует перемены в мировосприятии людей. Но выход из кризиса он не связывает с верой в труд и науку, возможности которых он полагает ограниченными, и делает ставку на те процессы, которые происходят с душой и в душе человека: «Я думаю, что наш мир вступает в эпоху осуществления слов: "Любите друг друга", без рассуждения о том, кто сказал эти слова: бог или человек... Люди, которые ничего не делают с умеренностью, будут охвачены безумием, бешенством любить друг друга. Это сначала, очевидно, не совершится само собой. Будут недоразумения, может быть и кровавые: так уж мы воспитаны и приучены ненавидеть друг друга часто теми самыми людьми, которые призваны научать нас любви. Но так как очевидно, что этот великий закон братства должен когда—нибудь совершиться, я убежден, что наступают времена, в которые мы неудержимо пожелаем, чтобы это совершилось»¹⁰⁴.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же. С. 193.

Толстой приходит к выводу, что оба писателя решают один и тот же вопрос: что делать человечеству в условиях современного кризиса, взаимной вражды народов, которая неизбежно должна кончиться если не ужаснейшими и бесконечными побоищами, то всеобщим совершающимся уже разорением и вырождением всех людей, участвующих в этом круге вооружений?

При этом все люди признают обязательным для себя или религиозный христианский закон любви, или на том же христианстве основанный светский закон уважения к чужой жизни, личности и правам человека. Однако, несмотря на это, они продолжают жить противно этим законам. Отчего же это происходит?

Прежде всего, какие бы ни происходили внешние перемены в жизни людей, как ни проповедовали бы люди необходимость изменения чувств и поступков, жизнь людей не изменится до тех пор, пока не произойдет перемены в мысли. Но стоит произойти перемене в мысли, и рано или поздно, смотря по важности перемены, она произойдет в чувствах и в действиях и в жизни людей...

С первых слов своей проповеди Христос не говорил людям: поступайте так или этак, имейте такие или иные чувства; но он говорил людям: одумайтесь, измените свое понимание жизни... он говорил всем людям то же, что говорил его предшественник Иоанн Креститель: покайтесь, т.е. одумайтесь, измените свое понимание жизни, одумайтесь, иначе все погибнете... Поймите то, что смысл нашей жизни может быть только в исполнении воли того, кто послал вас в нее и требует от вас не служения вашим личным

целям, а его цели, состоящей в установлении единения и любви между всеми тварями, в установлении царства небесного ... Но люди не слушали Христа и не изменили своего понимания жизни тогда и до сих пор удержали его. И вот это ложное понимание жизни, удерживаемое людьми, несмотря на усложнение форм жизни и развитие сознания людей нашего времени, и составляет ту причину, по которой люди, понимая всю благодетельность любви, всю опасность жизни, противной ей ... все-таки не могут следовать ей.

Для того чтобы могла произойти перемена чувств и поступков, должна произойти прежде всего перемена мысли. Для того же, чтобы могла произойти перемена мысли, людям христианского мира необходимо остановиться и обратить внимание на то, что им нужно понять ... что вся жизнь их, все поступки их есть постоянное вопиющее противоречие с их совестью, разумом и сердцем.

Спросите отдельно каждого человека нашего времени о том, чем он руководится и считает нужным руководиться в своей жизни, и почти каждый скажет вам, что он руководится если не любовью, то справедливостью ... По свойству их сознания большинство людей нашего времени уже давно должны бы жить между собой, как христиане. Посмотрите, как они живут в действительности: они живут, как звери¹⁰⁵.

Какое решение предлагает Толстой? Видит ли он возможности преодоления сложившейся ситуации?

¹⁰⁵ Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 196–198.

Единственный возможный, разумный смысл жизни есть тот, который уже 1800 лет тому назад был христианством открыт человечеству.

Пир уже давно готов, и уже давно все званы на него; но один купил землю, другой женится, третий пробует быков, четвертый строит железную дорогу ... Всем некогда, некогда очнуться, опомниться... и спросить себя: что я делаю? зачем? Ведь не может же быть того, чтобы та сила, которая произвела меня на свет с моими свойствами разума и любви, произвела меня с ними только затем, чтобы обмануть, только затем, чтобы я... убедился, что чем больше я стараюсь делать, тем хуже и мне, и семье, и народу, и тем дальше отступаю я и от требований любви и разума, вложенных в меня и ни на минуту не перестающих заявлять свои требования, и от истинного блага. <...> И потому не лучше ли мне... следовать только тем указаниям разума и любви, которые он вложил в меня для исполнения его воли?

Таково христианское понимание жизни, просящееся в душу каждого человека нашего времени. Для того, чтобы осуществилось царство божие, нужно, чтобы все люди начали любить друг друга без различия личностей, семей, народностей. Для того, чтобы люди могли так любить друг друга, нужно, чтобы изменилось их жизнепонимание. Для того, чтобы изменилось их жизнепонимание, нужно, чтобы они опомнились; а чтобы они могли опомниться, им нужно прежде всего остановиться жить на время в той горячечной деятельности во имя дел, требуемых языческим пониманием жизни, которой они пре-

даются; нужно хоть на время освободиться от той суеты жизни, которая более всего другого мешает людям понять смысл их существования они тотчас увидят бессмысленность своей деятельности, и христианское понимание само собой... сложится в их сознании.

А стоит людям усвоить это жизнепонимание, и любовь их друг к другу, ко всем людям, ко всему живому, находящаяся теперь в них в скрытом состоянии, так же неизбежно проявится в их деятельности и станет двигателем всех их поступков. <...> А стоит проявиться этой любви христианской в людях, и сами собой, без малейшего усилия, распадутся старые и сложатся те новые формы благой жизни, отсутствие которых представляется людям главным препятствием к осуществлению того, чего уже давно требуют их разум и сердце»¹⁰⁶.

Сочинение Л.Н. Толстого было встречено неоднозначно. Так, в полемику вступили представители философии «общего дела». В.А. Кожевников опубликовал брошюру «Бесцельный труд, "не-делание" или дело? Разбор взглядов Эмиля Золя, Александра Дюма и графа Л.Н. Толстова на труд» (1893), в которой предпринял попытку «указать на ошибочные... взгляды на труд и на назначение науки, и противопоставить им другой взгляд... более правильный»¹⁰⁷.

«Не-делание, — считает Кожевников, — даже в лучшем смысле, который ему можно придать, есть

¹⁰⁶ Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 199–201.

¹⁰⁷ Кожевников В.А. Бесцельный труд, «не-делание» или дело? Разбор взглядов Эмиля Золя, Александра Дюма и графа Л.Н. Толстова на труд. М.: Типография Е.К. Гербек, 1893. С. 3.

качество *только отрицательное*, состояние *только пассивное* — воздержание от дурного, не более! Но его недостаточно даже для борьбы со злом и совсем уже мало для победы над ним, так как воздержаться от дурного это не значит создать хорошее. Пассивному состоянию надо, следовательно, противопоставить и, конечно, предпочесть активное, отрицательному — положительное, "несопротивлению злу" — одоление зла добром...»¹⁰⁸.

Наибольшую критику автора брошюры вызывает «прикрытие им (Толстым. — Т.С.) своего учения о не-делании авторитетом христианства... ссылкой на то, что сам Христос был будто бы был проповедником не-делания»¹⁰⁹. Кожевников продолжает: «гр. Т. воспоминает о "пире, давно готовом и на который все давно званы" и дивится, что, тогда как "единственный возможный, разумный смысл жизни раскрыт уже 18 веков тому назад христианством", "пир еще не наполнился возлежащими". Но он забыл, что для входа на брачный пир надо иметь и "одежду брачную", т.е. признак права на участие в пире; он забыл, что, по крайней мере с христианской, не буддийской точки зрения это право получают только прошедшие "узкий путь" труда, приложившие все нужное "усилие" для достижения желанной цели...

Да, пир давно готов и давно все на него званы. Но если перед жаждущим войти человечеством двери царства Божия, царства правды на земле все еще заперты, то причина этому — не нежелание одуматься, не одурманивание наукою и трудом и не

¹⁰⁸ Кожевников В.А. Указ. соч. С. 48.

¹⁰⁹ Там же. С. 48–49.

отсутствие не-действия, а недостаточно глубокая и, главное, недостаточно дружная дума, неединодушное сознание, недостаточное знание, а затем частью именно не-действие, частью же недостаточный или дурно направленный труд.

Надо знать, надо верить, надо трудиться, надо надеяться и прежде всего, больше всего, надо любить»¹¹⁰.

Итак, согласно Кожевникову:

надо знать, понимая под этим, что знать и любить следует источник знания, науку;

надо верить в правду, запрос на которую дается как неоспоримый факт в инстинктах, чувствах, желании, мысли о воле человека, как неоспоримая святыня на алтаре человеческого духа. Надо верить в то, что при помощи всеобщего знания и труда всеобщего несовершенное существующее перейдет в должествующее быть совершенное;

надо трудиться для достижения этого великого результата труда и знания, трудиться не для одурманивая себя и других, не из личных расчетов, не по личным симпатиям, не для своих частных целей, а для просвещения и оздоровления физического и нравственного себя и всех и для достижения всеобщего счастья; надо трудиться *не для себя только, забывая о других, и не для других только, забывая о себе, а со всеми, для всех;*

надо надеяться на то, что великая цель будет достигнута;

надо прежде всего и больше всего любить — все положительное, благотворящее, жизнь укрепляющее

¹¹⁰ Там же. С. 51–52.

и все ведущее к положительному; любить знание, потому что учение свет, в неученье — тьма; любить жизнь; любить людей; любить труд, дело, потому что только объединенными усилиями добровольно и сознательно трудящегося человечества можно одолеть мешающие его счастью стихийные, неразумные и несправедливые силы природы и все бесчисленные беды, имеющие их своим первоначальным источником; надо любить свободу в ее истинном широком значении; наконец, надо любить веру, веру в добро, в правду, потому что в ней спасение и без нее жизнь невозможна¹¹¹.

Таким образом, если первоначальный порыв автора, как он отмечает в предисловии ко второму изданию брошюры, сводился к желанию «всего лишь указать на ошибочные... взгляды на труд и на назначение науки», то центральным вопросом брошюры стало определение и обоснование задач «общего дела»: «Всечеловеческое дело может состоять только в водворении царства блага, добра, царства Божия в мире совокупным, сознательным и добровольным трудом человечества, на место слепой, невольной эволюции и неопределенного прогресса»¹¹².

Брошюра Кожевникова была опубликована в 1893 г. и в свою очередь вызвала отклик Н.Ф. Федорова, который, не приняв позиции ни одного из участников этой заочной дискуссии, представил свое понимание дела¹¹³.

¹¹¹ *Кожевников В.А.* Указ. соч. С. 53–54.

¹¹² Там же. С. 3.

¹¹³ *Федоров Н.Ф.* По поводу брошюры В.А. Кожевникова «Бесцельный труд, "Неделание" или дело?» // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: В 4 т. М.: Evidentis, 2005. Т. 4.

В статье «По поводу брошюры В.А. Кожевникова «Бесцельный труд, "Не-делание" или дело?» автор концепции «общего дела» писал: «В наше время "делом" называют "битву", а настанет время и ныне уже есть, когда возвращение жизни, т.е. воскрешение, назовут делом. Дело в смысле битвы имеет множественное число, а Дело в смысле воскрешения имеет только единственное число, ибо воскрешение есть единое всеобщее дело. В первый раз Дело в смысле воскрешения является очень робко в заглавии небольшого сочинения, в котором дело противопоставляется толстовскому Не-деланию и бесцельному труду Золя. Какое это дело, которое противопоставляется Не-деланию в самом обширном смысле, какой это труд, который объединяет в себе все труды всех трудящихся, давая им цель, этого никто из читавших не отгадал...

Полное дело есть объединение миров, регуляция их путем воскрешенных поколений. Вы хотите устранить смерть и не хотите воскрешения, а желаете оставить рождение, но пока есть рождение, дело не будет полно, будет даровое, будет смерть, а не жизнь»¹¹⁴.

***Ф.М. Достоевский, А.И. Солженицын,
А. Нотомб: каторжный труд***

Материалом для «Записок из Мертвого дома» Ф.М. Достоевскому послужили впечатления и наблюдения, явившиеся результатом четырехлетнего заключения в Омском каторжном остроге¹¹⁵. Повесть

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ *Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома // Достоевский Ф.М. Повести и рассказы: В 2 т. М.: Гос. изд-во «Художественная литература», 1956. С. 134–424.*

была положительно встречена передовым русским обществом. Так, известный литературный критик Д.И. Писарев писал в статье «Погибшие и погибающие» (1866), что в «Записках из Мертвого дома» даны наиболее достоверные и любопытные сведения о русском остроге, и подчеркивал, что такие произведения пишутся кровью¹¹⁶.

Достоевский показал неприукрашенную картину жизни и труда каторжан:

Казенная каторжная крепостная работа была не занятием, а обязанностью: арестант отработывал свой урок или отбывал законные часы работы и шел в острог. На работу смотрели с ненавистью. Без своего особого, собственного занятия, которому бы он предан был всем умом, всем расчетом своим, человек в остроге не мог бы жить. Да и каким способом весь этот народ, развитой, сильно поживший и желавший жить, насильно сведенный сюда в одну кучу, насильно оторванный от общества и от нормальной жизни, мог бы ужиться здесь нормально и правильно, своей волей и охотой? От одной праздности здесь развились бы в нем такие преступные свойства, о которых он прежде не имел и понятия. Без труда и без законной, нормальной собственности человек не может жить, развращается, обращается в зверя. И потому каждый в остроге, вследствие естественной потребности и какого-то чувства самосохранения, имел свое мастерство и занятие. Длинный летний день почти весь наполнялся казенной работой; в короткую ночь едва

¹¹⁶ Достоевский Ф.М. Указ. соч. С. 682.

было время выспаться. Но зимой арестант, по положению, как только смеркалось, уже должен быть заперт в остроге. Что же делать в длинные, скучные часы зимнего вечера? И потому почти каждая казарма, несмотря на запрет, обращалась в огромную мастерскую. Собственно труд, занятие не запрещались; но строго запрещалось иметь при себе, в остроге, инструменты, а без этого невозможна была работа. Но работали тихонько, и, кажется, начальство в иных случаях смотрело на это не очень пристально. Многие из арестантов приходили в острог ничего не зная, но учились у других и потом выходили на волю хорошими мастеровыми. Тут были и сапожники, и башмачники, и портные, и столяры, и слесари, и резчики, и золотильщики. Был один еврей, Исай Бумштейн, ювелир, он же и ростовщик. Все они трудились и добывали копейку. Заказы работ добывались из города. Деньги есть чеканенная свобода, а потому для человека, лишенного совершенно свободы, они дороже вдесятеро. Если они только брякают у него в кармане, он уже вполнину утешен, хотя бы и не мог их тратить. Но деньги всегда и везде можно тратить, тем более что запрещенный плод вдвое слаще. А в каторге можно было даже иметь и вино. Трубки были строжайше запрещены, но все их курили. Деньги и табак спасали от цинготной и других болезней. Работа же спасала от преступлений: без работы арестанты поели бы друг друга, как пауки в склянке»¹¹⁷.

¹¹⁷ *Достоевский Ф.М.* Указ. соч. С. 149–150.

Приведем еще один фрагмент из описания жизни и труда каторжан:

«Самая работа... показалась мне вовсе не так тяжелою, *каторжною*, и только довольно долго спустя я догадался, что тягость и *каторжность* этой работы не столько в трудности и непрерывности ее, сколько в том, что она — *принужденная*, обязательная, из-под палки. Мужик на воле работает, пожалуй, и несравненно больше, иногда даже и по ночам, особенно летом; он работает на себя, работает с разумною целью, и ему несравненно легче, чем каторжному на вынужденной и совершенно для него бесполезной работе. Мне пришлось раз на мысль, что если б захотели вполне раздавить, уничтожить человека, наказать его самым ужасным наказанием, так что самый страшный убийца содрогнулся бы от этого наказания и пугался его заранее, то стоило бы только придать работе характер совершенной, полнейшей бесполезности и бессмыслицы. Если теперешняя каторжная работа и безынтересна и скучна для каторжного, то сама по себе, как работа, она разумна: арестант делает кирпич, копает землю, штукатурит, строит; в работе этой есть смысл и цель. Каторжный работник иногда даже увлекается ею, хочет сработать ловчее, спорее, лучше. Но если б заставить его, например, переливать воду из одного ушата в другой, а из другого в первый, толочь песок, перетаскивать кучу земли с одного места на другое и обратно, — я думаю, арестант удавился бы через несколько дней или наделал бы тысячу преступлений, чтоб хоть умереть, да выйти из такого унижения, стыда и муки. Разумеется,

такое наказание обратилось бы в пытку, в мщение и было бы бессмысленно, потому что не достигало бы никакой разумной цели. Но так как часть такой пытки, бессмыслицы, унижения и стыда есть непременно и во всякой вынужденной работе, то и каторжная работа несравненно мучительнее всякой вольной, именно тем, что вынужденная.

Впрочем, я поступил в острог зимою, в декабре месяце, и еще не имел понятия о летней работе, впятеро тяжелейшей. Зимою же в нашей крепости казенных работ вообще было мало. Арестанты ходили на Иртыш ломать старые казенные барки, работали по мастерским, разгребали у казенных зданий снег, нанесенный буранами, обжигали и толкли алебастр и проч. и проч. Зимний день был короток, работа кончалась скоро, и весь наш люд возвращался в острог рано, где ему почти бы нечего было делать, если б не случилось кой-какой своей работы. Но собственной работой занималась, может быть, только треть арестантов, остальные же били баклуши, слонялись без нужды по всем казармам острога, ругались, заводили меж собой интриги, истории, напивались, если навертывались хоть какие-нибудь деньги; по ночам проигрывали в карты последнюю рубашку, и все это от тоски, от праздности, от нечего делать»¹¹⁸.

Можно видеть, насколько противоречиво Достоевский воспринимал труд каторжан. С одной стороны, он отмечает тягость принудительного каторжного труда, с другой — говорит о труде как о единственно возможном спасении от тоски и мучений каторжной жизни.

¹¹⁸ *Достоевский Ф.М.* Указ. соч. С. 153–154.

Интересные замечания относительно повести Достоевского и его описания труда каторжан высказывает французский философ Аллен в суждении «Труд»: «Достоевский дает возможность увидеть каторжников такими, какие они есть; сброшена маска показного блеска, если можно так выразиться, и хотя еще остается маска неизбежности, нам раскрывается истинная суть человеческого существа. Каторжники работают, и зачастую их работа бессмысленна; например, они разбирают на дрова старый корабль, и это в стране, где лес ничего не стоит. Им это хорошо известно; к тому же они занаряжены на целый день, не надеясь на поблажку, и оттого ленивы, грустны и неуклюжи. Но, получив конкретное задание на день, пусть даже самое тяжелое, они преображаются: становятся ловкими, изобретательными и веселыми. Тем более, когда речь идет о действительно полезной работе, например об уборке снега. Однако лучше прочесть без комментариев эти удивительные страницы, где все описано так правдиво. Мы увидим, что полезная работа сама по себе удовольствие; сама по себе, а не благодаря получаемой в результате выгоде. Например, заключенные весело и живо выполняют определенную работу, после которой им разрешено отдохнуть; мысль о том, что они, возможно, получат полчаса под конец дня, заставляет их дружно трудиться, чтобы закончить быстрее; поставленная задача начинает им нравиться сама по себе; и удовольствие творить, придумывать, как сделать лучше и потом осуществить это, намного превосходит удовольствие от заработанного получаса, всего лишь еще одного получаса каторги. Я полагаю, что

время они проведут более или менее сносно только благодаря еще совсем свежим воспоминаниям об увлекшей их работе. Самое большое наслаждение, по всей вероятности, дает человеку сложная самостоятельная работа вместе с другими людьми, что подтверждают различные игры»¹¹⁹.

Через 100 лет после создания «Записок из Мертвого дома» к описанию каторжного труда обращается А.И. Солженицын. Рассказ «Один день Ивана Денисовича» (первоначальное название «Щ-854») был задуман в Экибастузском особом лагере (северный Казахстан) зимой 1950–1951 гг. (в 1962 г. опубликован как повесть в журнале «Новый мир»).

Герой повести Иван Денисович Шухов — советский заключенный, русский крестьянин и солдат. «Просто был такой лагерный день, — описывает предысторию рассказа А.И. Солженицын, — тяжелая работа, я таскал носилки с напарником и подумал, как нужно бы описать весь лагерный мир — одним днем. Конечно, можно описать вот свои десять лет лагеря, там всю историю лагерей, — а достаточно в одном дне все собрать, как по осколочкам, достаточно описать только один день одного среднего, ничем не примечательного человека с утра и до вечера. И будет все»¹²⁰.

Солженицын сумел так рассказать об одном дне Ивана Денисовича, дне, наполненном холодом, голодом, болью, унижениями и бесконечным трудом, что, по мнению историков и литературоведов,

¹¹⁹ Ален. Суждения. М.: Республика, 2000. С. 97.

¹²⁰ Солженицын А.И. Собрание сочинений: В 30 т. М.: Время, 2006. Т. 1. С. 574.

это произведение повлияло на весь дальнейший ход истории СССР¹²¹.

В сравнительно небольшой повести слово «работа» встречается 47 раз, а всего однокоренных слов 116. Отмечу, что в описании жизни и труда осужденных в сочинениях Достоевского и Солженицина можно найти много общего. И прежде всего понимание того, что при всей тяжести подневольного труда, труда–наказания, ему присущ спасительный характер. Так же, как в середине XIX в., в XX в. человек находит в труде избавление от тягот принудительной изоляции, от тягот «вынужденного общего сожительства», спасение от греха и преступлений.

«Засыпал Шухов, вполне удовлетворенный, — завершает повесть Солженицын. — На дню у него выдалось сегодня много удач: в карцер не посадили, на Соцгородок бригаду не выгнали, в обед он закосил кашу, бригадир хорошо закрыл процентовку, стену Шухов клал весело, с ножовкой на шмоне не попался, подработал вечером у Цезаря и табачку купил. И не заболел, перемогся. Прошел день, ничем не омраченный, почти счастливый.

Таких дней в его сроке от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три. Из–за високосных годов — три дня лишних набавлялось...»¹²².

Тема каторжного труда продолжает интересовать и современных писателей. Так, бельгийская писательница А. Нотомб в романе «Серная кислота» (2005)

¹²¹ См.: «Один день Ивана Денисовича»: 50 лет со дня публикации. http://www.bbc.co.uk/russian/multimedia/2012/11/121102_archive_solzhenitsyn_reads.shtml

¹²² *Солженицын А.И.* Один день Ивана Денисовича. Рассказы 60–х годов. СПб.: Азбука–классика, 2001. С. 140.

описывает труд в суперсовременном концлагере, созданном для небывалого телешоу по образу и подобию нацистских¹²³. Лагерь, однако, вполне реальный, с казнями и истязаниями в прямом эфире. Трудовое задание узников состоит в расчистке тоннеля, специально вырытого для этого телепроекта. Нотомб известна как мастер абсурда. В романе «Серная кислота» она так выстраивает сюжетную линию, что труд заключенных утрачивает даже те проблески спасительного, которые можно было обнаружить в произведениях XIX–XX в.

Макс Фриш: прозрение homo Фабера

Герой романа швейцарского писателя Макса Фриша «homo Фабер» (1957) представляет собой достаточно распространенный тип современного мужчины. Вальтер Фабер — человек рационального склада ума, деловой и практичный; прагматик, верящий только в логику, технику и теорию вероятностей. Он поглощен своей работой, не читает романов, не посещает музеев. Ему чужды рассуждения о прекрасном; ему интереснее технические устройства и формулировки непререкаемых законов природы. В юности его возлюбленная и невеста Ганна называла его «homo Фабер» именно в силу этих особенностей его характера¹²⁴. Казалось бы, ничто не может изменить его убеждения. Его абсолютно устраивает жизнь, которая у него есть (за исключением редких

¹²³ Нотомб А. Серная кислота. Дневник ласточки. М.: Иностранка, 2005.

¹²⁴ См.: Фриш М. homo Фабер. Назову тебя Гантенбайн. Солдатская книжка. М.: Канон Пресс, 1998. С. 46.

сожалений о том, что некому перед сном пожелать ему «Спокойной ночи»). Но он выбрал такую жизнь, так ее спланировал. В итоге, несмотря на рационализм мировосприятия, расчет и уверенность в логике жизни, Фабер оказывается в ситуации, в которой ему бессильны помочь законы теории вероятностей.

По роду деятельности Фабер много путешествует. Читатель знакомится с ним, когда самолет, на котором он летит в Каракас, совершает незапланированную посадку, которая, как и последовавшие за ней события, кардинально изменили его жизнь. Сначала все случившееся Фабер трактует как цепь случайностей. Однако под влиянием событий незаметно для самого Фабера в нем что-то меняется: он поддается сентиментальности, посещает Лувр, идет в оперу. «В романе "homo Фабер", — пишет исследователь творчества М. Фриша М. Амузин, — Фриш бросает вызов технократическому — в самом широком смысле слова — мироощущению. Он подвергает героя, образцового инженера Вальтера Фабера, череде совпадений и испытаний, никак не укладывающихся в теорию вероятностей. Фабер находит старого друга повесившимся на заброшенной плантации в Центральной Америке; девушка, встреченная им на океанском лайнере и ставшая его любовницей, оказывается его дочерью; мало того, вскоре она погибает в результате несчастных стечений обстоятельств. Сам Фабер тоже обречен — он болен раком... Новый, драматический опыт меняет человеческую статью героя. В финале он постигает мир, с которым расстается, в его чувственном богатстве, в насыщенности его красок, звуков, запахов, через метафоры и образы, через радость и

боль, а не в "оцифрованных", среднестатистических параметрах»¹²⁵.

Определяя традицию *homo faber*, немецкий философ М. Шелер, характеризуя социальную роль человека вида *homo faber* как роль человека–животного, пользующегося знаками и орудиями, видит в нем «чудовище», которое «опустошило мир»¹²⁶.

На первый взгляд, трудно представить героя романа Макса Фриша в этой роли, хотя, встретившись после двадцатилетней разлуки, Ганна произносит: «Вальтер, ты чудовище!»¹²⁷. Прожив 50 лет, подчиняясь законам строгой рациональности, Фабер, сам того не подозревая, совершает инцест — одно из величайших моральных преступлений. Развитие сюжета наводит на мысль о predeterminedности данного хода событий, который (преднамеренно или нет) автор выводит в романе. Р. Вагнер задолго до М. Фриша обратился к подобной сюжетной линии, описывая историю рождения Зигфрида — героя оперы «Кольцо нибелунга». Уже тогда, не приемля мир капитала и буржуа, Вагнер предрекал его конец, который положит герой, пришедший в этот мир в результате нарушения вечных моральных заповедей, родившийся от любви брата и сестры. С гибелью Загфрида гибнет и старый порочный мир, открывая путь новому миру и новой жизни.

Возвращаясь к Вальтеру Фаберу, заметим, что мир, пораженный эпидемией технизма и трудоцентризма, есть порождение популяции *homo faber(ов)*.

¹²⁵ Амосин М. Макс Фриш. Аналитик мечты // Новый Мир. 2011. № 5.

¹²⁶ Шелер М. Человек и история // THESIS. 1993. Вып. 3. С. 146.

¹²⁷ Фриш М. Указ. соч. С. 151.

И смерть одного ли из них, всех ли не приведет к возникновению нового мира. Они совершают инцест, и неведение не может служить им оправданием, поскольку неведение есть следствие их уверенности в том, что мир — это тетрадный листок в клетку, на котором все действия могут быть просчитаны при помощи таблицы умножения.

В защиту праздных

В обиходе понятия «праздность» и «лень» часто употребляются как тождественные, так же как и понятие «безделье», и, как правило, имеют негативную коннотацию.

Можно предположить, что современная трактовка понятий «бездельник», «лентяй», «тунеядец» уходит корнями в период становления индустриального общества, будучи связана с идеями протестантизма как религии труда и обогащения.

Существительное «праздность» этимологически происходит не только от прилагательного «праздный», но и от существительного «праздник».

Составитель Толкового словаря великорусского языка В. Даль предлагает весьма детальный анализ этого слова:

Праздный, о месте, просторе, незанятый, порожний, свободный, пустой, опростанный, пустопорожний. *Праздный дом*, без жильцов. *Праздные поля*, невозделанные. *Праздная посуда*, порожняя. *Праздное место*, никем не занятое, где можно стать, лечь, сесть, ничье; или должность, служба, с которой человек убыл, вакантное. ||

О вещи, никому в это время не нужной. *Нет ли у вас праздной прялки, топора, косы? Праздное время*, когда нет дела, нечего работать, свободное. || О человеке гулящий, шатущий, без дела, ничем не занятый или ничем не занимающийся, шатун, баклушник, лентяй... *Праздность мать пороков. Праздновать*, быть праздным, или не делать, не работать. *В непогоду, косцы празднуют. Мы в сумерки празднуем*, сумерничаем, гуляем, отдыхаем, не делаем. || *Праздновать* что или чему, совершать празднество, отправлять праздник: покидать работу и отдыхать, по обычаю, в день памяти кого или чего; || провожать такой день торжественно, с житейскими обрядами; || совершать обряды церковные, во славу или в память событий церкви... *Праздничный день* или *праздник* м. вообще, день, посвященный отдыху, не деловой, не работный, противополог. *будень*; день, празднуемый, по уставу церкви, или же по случаю и в память события гражданского, государственного, или по местному обычаю, по случаю, относящемуся до местности, до лица... *Всякая душа празднику рада. Доброму человеку, что день то и праздник. Праздничать*, праздновать, в знач. гулять, отдыхать и ничего не делать; *Празднолюбивый человек, празднолюб*, – *бец*, – *любка*, – *бица*, лентяй, тунеяд, шатун, враг трудов, работы. (Но тут же. — Т.С.) *Празднолюбезный*, – *любовный* церк. чтущий церковные праздники¹²⁸.

¹²⁸ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. яз., 1990. Т. 3. С. 380–381.

Отметим очевидную неоднородность трактовок данного понятия: от праздника, почитания церковных праздников до ничего не деланья, «шатанья без работы». «Праздничать, праздновать, в значении гулять, отдыхать и ничего не делать». Что значит «ничего не делать»? В этом суть. Ничего не делать — не работать, но вполне возможно праздновать, играть, творить, заниматься спортом, охотиться, ходить в лес за грибами — ради времяпрепровождения, посещать художественные выставки, концерты и пр.¹²⁹

Слово «лень» в том же словаре В. Даля трактуется так:

Лень ж. неохота работать, отвращенье от труда, от дела, занятий; склонность к праздности, к тунеядству. || нареч. свойство или качество это в действии; не хочется, ленюсь. Лень (олицетворение), затвори дверь, замерзнешь! Мне лень, ленюсь, неохота. Лень, лежа на печи, замерзла. Лень одежду бережет, не работая, не обносишься. Коли б не лень, все б мы в бархате ходили! Лень к добру не приставит. Лень себя бережет. Лень прежде нас родилась. Лень без соли хлебает. От лени опузырился (растух). После хлеба, после соли, отдохнуть часок, так завернется сала кусок да лени мешок. Пришел сон из семи сел, пришла и лень из семи деревень. Лень лени и за ложку взяться, а не лень лени обе-

¹²⁹ Ср. праздники танцоров Тробриановых островов. (Малиновский Б. Аргонавты западной части Тихого океана // Малиновский Б. Избранное: Динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004). Современному человеку следовало бы задуматься над вопросом о том, во что превратилось празднование в современном обществе, — прежде всего в застолье.

дать. Лень, отвори дверь, сгорюшь! Хоть сгорю, да не отворю... Кому не лень, так слушай, как врут... Ленивец м. –вица ж. лентяй м. –тяйка ж. ленгас арх. ленчуг твер. ленивый человек, праздный, тунеяд, бегаящий от дела и труда; вялый, плохой работник. Лентяй да шалапай два родных брата... Лентяить, бездельничать, шляться, шататься, слоняться без дела¹³⁰.

Отметим, что в отличие от праздности лень определяется как «неохота работать, отвращение от труда, от дела, занятий». И если праздный не работает, но не отвращен от занятий (они у него есть), то лентяй отвращен не только от труда или работы, он отвращен от занятий вообще.

«Лень сковывает, парализует волю человека при одной мысли о напряжении в работе, — пишет исследователь феномена лени А.В. Зеленин. — У ленивого есть некоторый волевой момент, волевой импульс, некоторая (пусть только в намерении, в глубине сознания или души) степень готовности к работе, однако трудности (от слова труд (!) страшат, труд ведь всегда сопряжен с преодолением трудностей. Логико–психологическая цепочка такова: ментальное намерение работы > работа как ментальный (не реальный (!) акт > трудности как обязательный элемент работы > страх > отказ от мысли о работе > лень»¹³¹.

В свою очередь праздность «проистекает от желания неги, свободного времяпрепровождения, бегства от самой идеи работы, занятия, а значит — и труда. Логическая цепочка предстает в следующем виде:

¹³⁰ *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. яз., 1982. Т. 2. 1989. С. 247–248.

¹³¹ *Зеленин А.В.* Русская лень // Рус. яз. в шк. 2005. № 5. С. 79.

желание неги > нежелание физической работы > бегство от работы. У праздного человека идея труда (трудностей) вообще остается на периферии, в глубине сознания, не всплывая в рефлекслируемую зону сознания (курсив мой — Т.С.), поэтому ментальный горизонт ограничивается нежеланием самого факта работы...»¹³².

Таким образом, есть основания для разделения противостоящих труду понятий, как праздность и лень. Страшась тягот работы, лентяй бежит от любого дела. Праздный же человек свободен от исполнения «трудового долга», но это не принуждает его проводить время в безделье, он волен предаваться тем занятием, к которым у него есть интерес или склонность, хотя волен и не делать этого. Праздность не тождественна лени; праздный человек в исторической перспективе свободен от труда. Это никак не исключает того, что он может найти себе занятие по интересам, увлечься каким-то делом, ставить перед собой цели и достигать результатов.

Праздный человек свободен как от самого труда, так и от мыслей о нем. Это обеспечено для него правом рождения. Если же говорить о занятиях иного рода, то, скорее всего, ему даже в радость какое-то дело, например охота, рыбная ловля, искусства, науки, философствование, физические упражнения, изучение языков и т.д.

Отличие праздного человека от человека труда, помимо прочего в том, что у праздного человека есть свободное время (праздное, пустое, на что указывает В. Даль).

¹³² Зеленин А.В. Указ. соч. С. 79.

Здесь мы подходим к понятию «образ жизни». Современный толковый словарь предлагает следующую трактовку: «Образ жизни — это философско–социологическое понятие, охватывающее совокупность типичных видов жизнедеятельности индивида, социальной группы, общества в целом в единстве с условиями жизни. Позволяет рассматривать во взаимосвязи основные сферы жизни людей, труд, быт, культуру, политическую жизнь»¹³³.

Образ жизни зависит от того, какие виды жизнедеятельности являются определяющими. Таковыми, например, могут быть как труд, так и безделье.

Вопрос в том, как человек понимает и выстраивает свою жизнь, какие установки являются для него жизнеопределяющими (безделье, праздность, трудоголизм и т.п.).

Если согласиться, что деятельность (в той или иной форме) — обязательный элемент образа жизни, то в совершенно не очевидно, что этим элементом выступают именно труд и сопутствующие ему трудолюбие, трудоголизм, трудозатраты и пр. В данном ключе положение о том, что человек должен добывать хлеб в поте лица своего, утрачивает императивный характер.

И если образ жизни (как трудящегося человека, так и праздного) включает определенную деятельностьную компоненту (и это в какой–то мере сближает эти модели), то какой модели организации жизни соответствует лень?

¹³³ Современный толковый словарь. Изд. – во «Большая советская энциклопедия», он–лайн версия. <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl-term-40017.htm>

Согласно А.В. Зеленину особенность этой жизненной практики состоит в том, что труд (и не только труд, но и любое дело, деятельность) присутствует в системе координат ленивого, однако он бежит от этого труда–дела–деятельности, боится его, уклоняется и обретает счастье в полном безделье¹³⁴.

И если праздность — это особый образ жизни, творческий, радостный, свободный (в исторической ретроспекции свойственный определенным слоям общества — элите, аристократии, дворянству¹³⁵; здесь рядом и слово «праздник», которое в современном мире сохранило изначальное значение), то лень — это скорее несчастье, хотя бы уже потому, что ленивый ощущает постоянное давление перспективы и возможной неотвратимости труда¹³⁶.

Фридриха Ницше по праву считают возбудителем общественного спокойствия, полагают, что именно он возвестил о приходе кризиса культуры. И начало критического отношения к традиционным формам труда многие связывают с его идеями.

В защиту праздных Ницше выступил в работе «Человеческое, слишком человеческое» (1878).

«Деятельным людям, — пишет Ницше, — обычно недостает высшей деятельности — я разумею

¹³⁴ См.: Зеленин А.В. Указ. соч. С. 79.

¹³⁵ См.: Зубец О.П. Праздность и лень // Этическая мысль / Отв. ред. А.А. Гусейнов. М.: ИФ РАН, 2002. Вып. 3.

¹³⁶ «Завтра, завтра, не сегодня, так ленивцы говорят!». Цитата из детской песенки «Отсрочка» (1769) немецкого поэта Христиана Феликса Вейса (1726–1804) в переводе Б.М. Федорова (1794–1875), которая включалась почти во все дореволюционные гимназические хрестоматии. Цитируют ее иногда и по-немецки: Morgen! Morgen! Nur nicht heute! Sprechen (sagen) alle faulen Leute.

индивидуальную деятельность. <...> Деятельные катятся, подобно камню, в силу глупости механики. Все люди еще теперь, как и во все времена, распадаются на рабов и свободных; ибо кто не имеет двух третей своего дня для себя, тот — раб, будь он в остальном кем угодно: государственным деятелем, купцом, чиновником, ученым. <...>

Современное беспокойство. <...> Никогда деятельные, т.е. беспокойные, не имели большего влияния, чем теперь. Поэтому к числу необходимых корректур, которым нужно подвергнуть характер человечества, принадлежит усиление в очень большой мере созерцательного элемента...

В защиту праздных ... досуг и праздность есть благородное дело. — Если праздность действительно есть мать всех пороков, то, следовательно, она находится, по меньшей мере, в ближайшем соседстве со всеми добродетелями; праздный человек все же лучше, чем человек деятельный. — Я надеюсь, вы не думаете, что, говоря о досуге и праздности, я имею в виду вас, ленивцы?»¹³⁷.

Антиподами труда считаются безделье и лень. Быть может, если не труд, то его антиподы способны направить на истинный путь в обретении смысла жизни?

В «Божественной комедии» (1555) Данте Алигьери ленивым отведено далеко не лучшее место: одно из их пристанищ — пятый круг Ада, куда ссылают за лень и гневливость. Участь ленивых — увязнуть по горло в Стигийском болоте.

¹³⁷ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое, Книга для свободных умов // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 283–285.

- Еще ты должен знать, что под волнами
- 118 Есть также люди; вздохи их, взлетов,
Пузырят воду на пространстве зримом,
Как подтверждает око, посмотрев.
- 121 Увязнув, шепчут: «В воздухе родимом,
Который блещет, солнцу веселясь,
Мы были скучны, полны вялым дымом;
- 124 И вот скучаем, втиснутые в грязь».
Такую песнь у них курлычет горло,
Напрасно слово вымолвить трудясь¹³⁸.

В свою очередь в Преддверии Чистилища томятся нерадивые. Там, в уступах Предчистилища, которое предназначено для очищения грехов, Данте встречается с теми, кто не печется о своем спасении. Они объаты ленью, и среди прочих друг Данте — Белаква («Чистилище», 4 песнь).

Данте в сопровождении Вергилия карабкается по уступам предчистилища и встречает тень, сидящую, «как бы совсем без сил: Руками он обвил свои колени / И голову меж ними уронил»¹³⁹. В этой унылой фигуре Данте узнает флорентийца Белакву, мастера по изготовлению грифов к лютям и гитарам. В комментариях к «Чистилищу» говорится, что «Данте с ним дружил и любил послушать его игру»¹⁴⁰.

Сонный Белаква, самым страшным грехом которого в земной жизни была лень, не видит особого смысла в том, чтобы лезть в гору чистилища, и ожи-

¹³⁸ Данте А. Божественная комедия. М.: Наука, 1968. Ад. Песнь 7.

¹³⁹ Там же. С. 174.

¹⁴⁰ Там же. С. 563.

дает, что взобраться в гору ему помогут молитвами «сердца, где милость Божья дышит»¹⁴¹.

В издании британской энциклопедии «The Complete Danteworlds: A Reader's Guide to the Divine Comedy» (2009) находим следующее описание Белаквы. «Сидящий в тени огромного валуна, обхватив руками свои колени и склонив голову, он воплощает собой ленивые души, которые ждали последней минуты своей жизни, чтобы обратиться к Богу и покаяться. В Чистилище эти души должны ждать такое же время, на которое они откладывали свое обращение к Богу, т.е. время их земной жизни, если только молитвы живущих не сократят этот срок. Но, даже зная это правило, Белаква не спешит начать трудное восхождение на гору, которое могло бы привести его в рай»¹⁴².

Интересно, что Белаква, этот, казалось бы, чуть ли не потешный эпизодический персонаж «Божественной комедии», которого с большой натяжкой можно признать грешником, по прошествии столетий проходит в XX в. через творчество классика современной литературы Сэмюэля Беккета.

Его можно встретить в романах «Больше замахов, чем ударов» (1934), «Мечты о женщинах, красивых и так себе» (1993)¹⁴³.

¹⁴¹ См.: *Дядя М.* Указ. соч. // Беккет С. Мечты о женщинах, красивых и так себе. Фрагмент романа // «Иностранная литература». 2005. № 10.

¹⁴² The Complete Danteworlds: A Reader's Guide to the Divine Comedy / by Guy P. Raffa. University Of Chicago Press (May 15, 2009). Интернет-источник: (<http://www.amazon.com/Complete-Dante-worlds-Readers-Divine-Comedy/dp/0226702707>); <http://danteworlds.laits.utexas.edu/>.

¹⁴³ Роман написан в 1930–х гг., но издан в 1993 г.

«Герой романа ("Мечты о женщинах..." — Т.С.) , если его можно назвать "героем", пишет М. Дадян в послесловии к этому изданию, некто Белаква, персонаж, заимствованный Беккетом из четвертой песни "Чистилища" Данте. Причем писатель не скрывает, что прототипом его героя является персонаж "Божественной комедии", с которым Белаква Беккета так или иначе соотносит себя на протяжении всего романа»¹⁴⁴.

Таким образом, небольшой эпизод «Божественной комедии» становится фоном романа современного писателя. Мало того, основываясь на этом сюжете, Сэмюэль Беккет создает оригинальную концепцию человеческого существования.

В романе «Мечты о женщинах...» Белаква исчезает со страниц книги, которая, как и «все последующие произведения Беккета, поражает *блистательным отсутствием ...*»¹⁴⁵.

Как соотносить эти слова с участью Белаквы из «Божественной комедии»? Возможно, ленивый человек, а тем более бездельник ничего не оставляет после себя, он исчезает бесследно. Он ведет жизнь, лишенную смысла...

Суждение «кто не работает, тот не ест» уже давно стало крылатым. «Христианская энциклопедия» сообщает, что эта фраза используется как призыв к работе, который адресовался ленивому, нерадивому человеку (работнику) или как объяснение того, почему он ничего не получил¹⁴⁶. Популярность этой

¹⁴⁴ Дадян М. Указ. соч. // Беккет С. Мечты о женщинах, красивых и так себе. Фрагмент романа // «Иностранная литература». 2005. № 10.

¹⁴⁵ Там же.

¹⁴⁶ Интернет-источник: <http://www.poskart.ru/ne-rabotaet-ne-est.html>

сентенции связана с библейским происхождением: она встречается во Втором послании апостола Павла к Фессалоникийцам (Солунянам): «Ибо когда мы были у вас, то завещали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь. Но слышим, что некоторые у вас поступают бесчинно, ничего не делают, а суетятся...» (2 Фессал. 3, 10–11).

В русской культуре аналогичная идея выражена близкими по смыслу и структуре пословицами: «Не потрудиться, так и хлеба не добиться»; «Работать не заставят, так и есть не поставят»; «Хочешь есть калачи, так не сиди на печи».

Парадоксально, что фраза «кто не работает, тот не ест», превратилась в один из принципов общества воинствующего атеизма. «Плакаты "Кто не работает, тот не ест", — пишет Р. Маханьков, — висели едва ли не в каждом "красном уголке" и обычно подписывались именем В.И. Ленина. Эту фразу, действительно, можно найти в 36–м томе Полного собрания сочинений вождя мирового пролетариата (статья: "О голоде"). Она присутствует и в знаменитом "Моральном кодексе строителя коммунизма" (1961 г. — *Т.С.*), и в советских Конституциях. Например, в 12–й статье так называемой сталинской Конституции 1936 г. сказано: "Труд в СССР является обязанностью и делом чести каждого способного к труду гражданина по принципу "кто не работает, тот не ест". Из "брежневской" конституции 1977 г. эту фразу убрали, однако сам принцип остался. А "уклонение от общественно полезного труда" было "несовместимо с принципами социалистического общества" (статья 60). Смысл этого понятен: из полноценной жизни страны Советов исключались те,

кого государство (в лице своих чиновников) считало "паразитами" и "тунеядцами". <...>

Именно поэтому, например, Иосиф Бродский — поэт, переводчик и филолог, попал в ссылку, потому что не нашел себе места в той "табели о рангах", которая в советское время отделяла трудящихся от "тунеядцев". Согласно этой доктрине, под ударом оказывались очень многие: интеллигенты, духовенство, инакомыслящие, словом, все те, чей труд, по мнению государства, не был "общественно полезен". И у этой государственной доктрины мало общего с призывом апостола Павла»¹⁴⁷.

Существование без труда таит в себе опасность

По ту сторону царства необходимости

При всей привлекательности освобождения человечества от тягот труда перспективы подобной социальной трансформации не вполне очевидны. Большинство людей, оставшись без организующей их время работы, не могут найти себе занятие (занять себя). Перед освободившимися, освобожденными ли от работы встает вопрос «что делать?», на который далеко не все способны ответить, так же как не могут найти занятие, альтернативное труду. Противопоставить труду праздность, безделье, лень может далеко не каждый. Праздность, как показывает история, удел аристократов, рантье, людей, имеющих постоянный нетрудовой доход¹⁴⁸.

¹⁴⁷ Маханьков Р. Кто не работает, тот не есть // Фома. 2005. № 2 (25).

¹⁴⁸ См.: Зубец О. Указ. соч.

Как пишет У. Бек, «аристократическое бытие есть бытие до-экономическое»¹⁴⁹.

Однако человечество оказывается не только перед испытанием жизни без организующего начала, средств существования, но и в новых (еще не ведомых) условиях.

Наступающая эпоха всеобщей атоматизации вызывает тревогу. «Избавление от тягот труда, от иных трудностей (как утопическая идея, даже будучи осуществленной), — пишет Х. Арендт, — не изменит пожирающего характера биологического жизненного процесса»¹⁵⁰. Сможет ли мир и род человеческий «выдерживать беспощадную динамику полностью механизированного жизненного процесса»¹⁵¹.

Опасность предстоящей автоматизации заключается не только в угрозе природной жизни со стороны механизации и технизации: способности человека, его творческая индивидуальность «могут просто утонуть в подвергшемся подобной интенсификации жизненном процессе»¹⁵².

В обществе потребления человек превращается в потребителя, «само функционирование современной экономики... требует, чтобы все вещи внутри мира появлялись и исчезали в постоянно ускоряющемся темпе; она тотчас бы впала в застой, если бы люди начали по-прежнему употреблять вещи, уважать их и сохранять в привычно присущем им

¹⁴⁹ Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 255.

¹⁵⁰ Арендт Х. *Vita activa*, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000. С. 169.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же. С. 169–170.

составе. Жилища, мебель, машины, все вещи, применяемые нами и окружающие нас, должны как можно скорее потребляться, как бы пожираться, словно и они тоже как бы принадлежать к тем "дарам" леса и поля, которые бесполезно портятся, если не втянуты в бесконечный кругооборот человеческого обмена веществ с природой»¹⁵³.

Позиция Арендт критически размежевывается с теорией труда К. Маркса. «Великая надежда, воодушевлявшая Маркса и лучших деятелей рабочего движения во всех странах, что свободное время избавит, наконец, людей от нужды» представляется ей иллюзорной, «поскольку рабочая сила (согласно основам механистического мировоззрения), подобно всякой другой энергии, никогда не может исчезнуть, поэтому нерастраченная на тяготы жизни и не истощенная, она автоматически высвободится для "высшего"»¹⁵⁴.

По мысли Арендт, «animal laborans никогда не тратит свое избыточное время ни на что, кроме потребления, и чем больше ему будет оставлено времени, тем ненасытнее и опаснее станут его желания и его аппетит. Конечно, виды похоти изощряются, так что потребление уже не ограничивается жизненно необходимым, захватывая наоборот излишнее; но это не меняет характер нового общества, а хуже того, таит в себе ту тяжкую угрозу, что в итоге все предметы мира, так называемые предметы культуры наравне с объектами потребления, падут жертвой пожирания и уничтожения»¹⁵⁵.

¹⁵³ Арендт Х. Указ. соч. С. 161.

¹⁵⁴ Там же. С. 169.

¹⁵⁵ Там же.

Арендт обращается к тезису Маркса о «царстве свободы по ту сторону царства необходимости»¹⁵⁶. В ее трактовке, необходимость, которой так тяготеет Маркс, на самом деле подстегивала общественную жизнь. В отсутствие подобных регуляторов возникает опасность, «что, ослепленное избытком своей возрастающей плодovitости и втянутое в гладкое функционирование бесконечного процесса, оно (общество. — Т.С.) забывает о своей собственной тщетности — об эфемерности жизни, которая, по мысли Адама Смита, "не утверждает и не осуществляет себя ни в каком постоянном субстрате, способном еще существовать, когда трудовое усилие прекратилось"»¹⁵⁷.

Несмотря на кажущуюся утопичность прихода общества без труда, общество потребления в XX столетии стало реальностью. В каком-то смысле осуществилась мечта человечества о молочных реках и кисельных берегах. Но стало ли это благом? Кто он, герой общества потребления?

Если при описании индустриального общества использовались такие понятия, как «труд», «производитель», характеризующие человека как человека работающего, то в обществе второй половины XX в. на первый план выходит потребитель. Для этой социальной роли труд, производственная деятельность не являются определяющими чертами. «Способ,

¹⁵⁶ Арендт добавляет, что «вопиющее противоречие философии Маркса состоит в том, что на всех стадиях своей мысли Маркс исходит из определения человека как *animal laborans*, чтобы потом ввести это работающее живое существо в идеальный общественный порядок, где как раз его величайшая и человечнейшая способность окажется ни к чему». (Арендт Х. Указ. соч. С. 169).

¹⁵⁷ Цит. по: Арендт Х. Указ. соч. С. 174.

которым сегодняшнее общество "формирует" своих членов, — пишет З. Бауман, — диктуется в первую очередь обязанностью играть роль потребителей»¹⁵⁸.

Итак, с одной стороны возможности потребления возрастают, но с другой — в круговороте потребления, в отсутствие привычной необходимости трудиться возрастает опасность утраты творческих способностей человека, утраты индивидуальности. Согласно Арендт, такой ход вещей приведет к уничтожению мира, созданного человеком, человек постепенно превратится в животное, что же касается мира культуры, то этот мир исчезает вместе с человеком¹⁵⁹.

Феномен социального иждивенчества

На протяжении истории человечество мечтало о счастье на земле, справедливой, благополучной жизни. Философы размышляли об идеальном государстве, посвящали ему свои трактаты. «Утопия» Томаса Мора положила начало направлению социально-утопической мысли. В XX столетии государство всеобщего благосостояния стало попыткой реального воплощения мечты об общественном идеале.

Во второй половине XX в. государство всеобщего благосостояния пережило периоды высочайшего расцвета и кризиса. Действительно в экономически развитых странах Европы и США был достигнут высокий уровень жизни и социального обеспечения. Обратной стороной политики благосостояния стало социальное иждивенчество. В чем причина

¹⁵⁸ Бауман З. Глобализация. М., 2004. С. 115–116.

¹⁵⁹ См.: Там же. С. 162.

этого явления? По своей структуре оно далеко не просто и имеет как экономические, социальные, так и психологические основания.

В толковых словарях можно найти определения и трактовки понятия «иждивенчество»: стремление во всем рассчитывать не на свои силы, а на помощь других, вообще жить за чужой счет¹⁶⁰; состояние, пребывание на чьем-то иждивении (положение иждивенца, иждивенки); стремление жить, постоянно рассчитывая на чью-либо помощь, а не свои силы и средства¹⁶¹.

Можно заметить, что понятие «иждивенчество» при прочих значениях имеет явный негативный смысл — стремление жить за счет других (людей, общества).

Иждивенчество — далеко не новое социальное явление. Социальное иждивенчество как одно из последствий проведения политики патернализма имело место в разных странах в условиях разных политических режимов и форм правления.

В XX веке социальное иждивенчество рассматривается как одно из негативных последствий политики государства всеобщего благосостояния (Welfare State). Предназначенное обеспечить оптимальные условия проживания в экономически развитом государстве политика благосостояния в таких прогрессивных странах, как Великобритания и США, при всех ее положительных сторонах, подвергалась также и критике, главным образом за то, что она делает общество пассивным и зависимым. Этот вопрос достаточно глу-

¹⁶⁰ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗБ, 1995. С. 232.

¹⁶¹ Ефремова Т.Ф. Новый толково-словообразовательный словарь русского языка. М.: Рус. яз., 2000.

боко исследован в научной литературе¹⁶². Проблема социального иждивенчества серьезно обсуждается на политических и экономических форумах: «Политики и эксперты заклеили реципиентов социальной помощи как безответственных и слабовольных, нежелающих работать до тех пор, пока на это их не спровоцирует реформа Welfare State. В США реформа Welfare изменила программу, именуемую "Помощь семьям с детьми-иждивенцами", на "Временную помощь нуждающимся семьям", подчеркивая временные ограничения и необходимость трудоустройства для реципиентов социальной помощи. Политики заявляют, что такие изменения решают проблему зависимости, иными словами, идею, что общество благосостояния делает своих реципиентов (материальной помощи) зависимыми от государства и неспособными обеспечивать себя и свои семьи»¹⁶³.

Существует мнение, что, начиная регулярно получать материальную помощь от государства, например во время беременности или в связи с сокращением на работе, реципиенты привыкают к материальному обеспечению и деградируют. Способность зарабатывать и нести ответственность за себя и свою семью атрофируется, индивиды начинают во всем полагаться на государство. Предполагается, что краткосрочная и непреднамеренная (в силу обстоятельств) зависимость перерастает в намеренную и долгосрочную — в иждивенчество. «Общество благосостояния

¹⁶² См.: *Сидорина Т.Ю.* Государство всеобщего благосостояния: от утопии к кризису. М.: РГГУ, 2013.

¹⁶³ *Misra J., Moller S., Karides M.* Envisioning Dependency: Changing Media Depictions of Welfare in the Twentieth Century // *Social Problems*. 2003. Vol. 50. No. 4 (November 2003). С. 482.

медленно, но верно делает людей зависимыми» — вот самый распространенный стереотип.

Обеспокоенность проблемой Welfare State dependency разделяет большинство развитых стран современного мира. Безусловно, государство должно поддерживать своих граждан, тем самым создавая условия для стабильности и развития. Но, видимо, есть предел, после которого это благо и разумное намерение дает обратный эффект.

Welfare State порождает категорию людей, зависимых от государственной поддержки, иждивенцев. И этот класс все растет, траты на его содержание с каждым годом увеличиваются, в то время как налогоплательщиков становится все меньше. Расслабленное, пресытившееся общество деградирует, люди становятся все менее активными: они не видят смысла в том, чтобы обеспечивать себя самостоятельно, и воспринимают материальную помощь государства как должное, а свое зависимое состояние как норму.

В XX в. СССР также испытал все плюсы и минусы патернализма. Эгалитаризм как один из основных принципов патернализма сыграл важную роль в обеспечении общедоступности социальных благ для советских людей. На его основе была достигнута всеобщая грамотность, улучшены жилищные условия миллионов людей, снижена заболеваемость по большинству болезней, увеличена продолжительность жизни. Вместе с тем равное распределение снижало стимулы к труду у населения, отрицательным образом влияло на качество предоставляемых услуг. При этом декларируемые государством эгалитаристские принципы часто вступали в противоречие с многочисленными привилегиями номенклатурного класса.

Проблема свободного времени

На рубеже XXI столетия перспектива преодоления тягот индустриального труда становится все более реальной. Наконец—то, сможет осуществиться многовековая мечта трудящегося человечества об освобождении труда. Каким видятся возможные перспективы человеческой деятельности?

Если вообразить себе некую идеальную модель, то, прежде всего эта деятельность не должна быть принудительной, человек должен иметь возможность самостоятельно выбирать, что ему делать, когда и где. Именно в этом философия видит смысл происходящих трансформаций труда.

Согласно, Х. Арендт, деятельность должна оставлять след, а иначе она бессмысленна, она мука. Поэтому такой деятельностью не должен заниматься человек, ее нужно передоверить машинам¹⁶⁴. Об этом же пишет французский персоналист Э. Мунье: «распределения (между всеми доли тяжелого труда. —Т.С.) трудно достичь в условиях господства физического труда, когда тяжелый труд поглощает львиную долю человеческих усилий и требует специальной подготовки или физической тренировки; оно становится все более и более легко осуществимым по мере того, как механизация делает тяжелый труд менее продолжительным и разнообразным, а также более легким»¹⁶⁵.

Рассмотренная нами концепция «конца труда в его классическом понимании» основывается на том, что труд — как тяжелый нерадостный неинтересный

¹⁶⁴ См.: Арендт Х. Указ. соч. С. 112–113.

¹⁶⁵ См.: Мунье Э. Заметки о труде // Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999. С. 150.

процесс — уходит в прошлое¹⁶⁶. На смену рабочему должен прийти человек новой эпохи.

Ж.–Ж. Руссо, рассуждая об антитезе «дикарь — гражданин» полагал, что человек в естественном состоянии дикарь «выше всего ценит покой, "гражданина" же терзают душевные муки, бурные страсти; бедняки обременены чрезмерными трудами, а богачи предаются еще более опасной неге, что заставляет одних умирать от нужды, а других от избытка»¹⁶⁷.

Гражданин согласно Руссо обречен на вечные хлопоты поисками источников существования, ибо он «всегда деятельный, работающий в поте лица, беспрестанно терзает самого себя, стремясь найти занятия еще более многотрудные; он работает до самой смерти; он даже идет на смерть, чтобы иметь возможность жить. <...> Он заискивает перед знатными, которых ненавидит, и перед богачами, которых презирает»¹⁶⁸.

Но антитеза этим не исчерпывается. Дикарь ценит покой и свободу, поскольку они приносят ему абсолютное наслаждение, не зависящее от мнения других дикарей. Высшие же ценности гражданина представляют собой ценность сугубо относительную, условную. «Я доказал бы, наконец, — пишет Руссо, — что если горсть людей могущественных и богатых находится на вершине величия и счастья, тогда как толпа пресмыкается в безвестности и нищете, то это происходит оттого, что первые ценят блага, которыми они пользуются, лишь постольку, поскольку другие

¹⁶⁶ См.: Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.

¹⁶⁷ Алексеев–Попов В.С. О социальных и политических идеях Руссо // Руссо Ж.–Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 541.

¹⁶⁸ Руссо Ж.–Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969. С. 96–97.

этих благ лишены, и, оставаясь в том же положении, они перестали бы быть счастливыми, если бы народ перестал быть несчастным»¹⁶⁹.

Становясь рабом своих искусственных потребностей, человек теряет независимость и свободу в самых различных ее формах — свободу гражданскую, свободу личного суждения, мнения, ибо «как только приходится смотреть чужими глазами, там приходится хотеть чужою волею»¹⁷⁰.

Призыв Руссо о возвращении к природе, часто вульгарно трактуемый, призывает к возвращению к исходным ценностям человека в естественном состоянии — покою и свободе. Столетия назад человек пустился на поиски иных, искусственных, ценностей. Модель труда, которую можно рассматривать в качестве гипотетической, как раз и следует концепции Руссо о спокойной и свободной деятельности в рамках спокойной и свободной жизни в условиях научных и технических достижений, приобретенных в результате индустриального развития человечества. Следует эта модель и предложению Ницше об усилении созерцательного элемента в характере человека¹⁷¹.

Потребитель не соответствует этой модели. В условиях противостояния труда и капитала он ищет решения в ставших привычными практиках потребления. Потребление во всех его формах — это еще один способ уйти от решения насущных социальных проблем.

¹⁶⁹ Руссо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 94.

¹⁷⁰ Руссо Ж.-Ж. Эмиль. М., 1896. С. 75. Цит. по: Алексеев-Попов. Указ. соч. С. 343.

¹⁷¹ О чем, собственно, мы упоминали, говоря об «Учебнике платоновской философии» Алкиной. (См. — ТС.)

Однако призыв к покою и свободе как ключевым условиям подлинного существования человека не так легко воплотить в реальности. Одной из серьезных проблем в условиях освобождения труда становятся избыток свободного времени и неумение его потратить.

«Если в середине XIX в. рабочее время съедало почти две трети времени бодрствования среднего европейца, то сегодня оно занимает только одну седьмую его часть, — пишет М. Маяцкий. — Трудовой этос сменился этосом личной самореализации, предполагающим многообразие возможных моделей. Трудящийся стал ценить свою работу отнюдь не в последнюю очередь за то, сколько свободного времени она ему оставляет, за вольный график, за учебу параллельно с работой, за чтение в рабочее время, за длинный отпуск, за раннюю пенсию, то есть согласно ценностям цивилизации досуга.

В какой-то момент символический Рубикон был перейден: свободного времени стало больше, чем рабочего, и оно сначала статистически, а потом и сущностно стало основным типом социального времени»¹⁷².

И здесь человечество столкнулось с парадоксальной ситуацией: получив свободное время, современный человек не знает, как им воспользоваться. Оказывается, досуг и занятия по собственному выбору суть состояния, доступные далеко не каждому: «Выяснилось, что большая часть населения не знает, что делать с этими упавшими на него двумя-тремя

¹⁷² *Маяцкий М.* Курорт Европа: эссе. М.: Ад Маргинем Пресс, 2009. С. 49, 51–52.

тысячами часов в год и уж во всяком случае не намеревается растратить их на образование. Вслед за трудом свободное время стало полем социального расщепления, но уже по иным критериям: по способности или неспособности совладать со своей свободой»¹⁷³.

Свободное время — это еще один вызов современному человечеству. Кто-то с утратой рабочего места пребывает в депрессии, кто-то судорожно пытается найти новые источники существования, при этом освободившееся от индустриального труда время может стать спасением, в котором так нуждается современный человек. Освободившееся время можно было бы посвятить дополнительному образованию, приобретению навыков, необходимых в новых условиях постиндустриальной глобальной экономики.

С проблемой свободного времени тесно связана проблема досуга. При этом досуг не равнозначен ничегонеделанью. Состояние досуга предполагает, что человек «удушается» посвятить себя духовным интересам, которые делают его жизнь содержательной и плодотворной, придают ей смысл и достоинство.

Досуг является условием всякой свободной мысли, свободной деятельности. В обществе риска и неопределенности значимость умения проводить досуг, осмысленно тратить свободное время возрастает. Человек должен быть вариативным: больше умений — больше возможностей.

Возможность посвятить какую-то часть времени разнообразным занятиям, учебным практикам, увлечениям, хобби актуализирует зачастую критически воспринимаемый феномен дилетанта.

¹⁷³ *Маяцкий М.* Указ. соч. С. 49, 51–52.

Можно услышать о том, что дилетантизм — необходимая черта современного творчества, и в этом преимущество тех, кто переориентируется, кто хочет быть на волне социальных изменений¹⁷⁴. Чтобы адаптироваться к современным условиям жизни и работы, нужна склонность к переменам, способность бросаться в новый поток, новую профессию, не нужно бояться быть дилетантом. Современные IT, инноваторы, криэйторы — по своей природе дилетанты, каждый раз они всё начинают с чистого листа.

Такова одна из сторон неопределенности, которая отличает современное общество. Краткосрочные перспективы ставят перед человеком новые задачи. Симулякры Ж. Бодрийера перестают быть химерой. Неопределенное сегодня становится завтра решающим, из неопределенности рождается определенность, и человек должен ей соответствовать.

Творчество как призвание

Осмысление признаков человеческой активности в последние годы все чаще связывается с понятием «творчество». Правомерно ли противопоставлять творчество труду?

Творчество как антроподицея

В 1916 г. была опубликована работа Николая Александровича Бердяева «Смысл творчества. Опыт оправдания человека». Время ее написания отмечено

¹⁷⁴ Бернштейн А. Профессия — дилетант // Отеч. зап. 2012. № 4 (49).

кризисным мировосприятием, что обусловило идейный настрой рассуждений философа.

Бердяев считал «Смысл творчества» самым вдохновенным своим произведением: «В жизненном источнике этой книги и этой религиозной философии заложено совершенно исключительное, царственное чувствование человека ... наступает пора писать *оправдание человека — антроподицею* ... Книга моя и есть опыт антроподицеи через творчество. В мире разлагается и кончается религия рода, религия материальная. Все материально–родовое, ветхо–органическое имеет футуристически–технический, механический конец. Зарождается религия человека. Человеческий род перерождается в человечество. Это переход в иной план бытия из плана материального. В этом кризисе рода и материи и в окончательном рождении человека и жизни духа — сущность нашей эпохи»¹⁷⁵.

Бердяев считает, что «человек создан Творцом гениальным (не непременно гением), и гениальность должен раскрыть в себе творческой активностью, победить все лично–эгоистическое и лично–самолюбивое, всякий страх собственной гибели, всякую оглядку на других... Сомнение в творческой силе человека всегда есть самолюбивая рефлексия и болезненное ячество. Смирение и сомневающаяся скромность там, где нужна дерзновенная уверенность и решимость, всегда есть замаскированное метафизическое самолюбие, рефлектирующая оглядка и эгоистическая отъединенность, порождение страха и ужаса.

¹⁷⁵ Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. С. 261.

Наступают времена в жизни человечества, когда оно должно помочь само себе, сознав, что отсутствие трансцендентной помощи не есть беспомощность, ибо бесконечную имманентную помощь найдет человек в себе самом, если дерзнет раскрыть в себе творческим актом все силы Бога и мира, мира подлинного в свободе от "мира" призрачного»¹⁷⁶.

О роли вдохновения

Еще один ракурс творчества как деятельности развивает Макс Вебер (1864–1920), обращаясь к особенностям научного творчества в науке, полагая, что без увлечения и страсти деятельность ученого невозможна: «Без странного упоения, вызывающего улыбку у всякого постороннего человека, без страсти и убежденности в том, что "должны были пройти тысячелетия, прежде чем появился ты, и другие тысячелетия молчаливо ждут", удастся ли тебе твоя догадка, — без этого человек не имеет призвания к науке, и пусть он занимается чем-нибудь другим. Ибо для человека не имеет никакой цены то, что он не может делать со страстью»¹⁷⁷.

Для Вебера страсть как увлеченность — это необходимое условие занятия наукой и предварительное условие самого главного, что необходимо для научной деятельности, т.е. вдохновения. Но вдохновение необходимо не только для достижения результатов в науке. Вдохновение — это необходимое условие творческого процесса. И Вебер рассматривает вдох-

¹⁷⁶ Там же. С. 256.

¹⁷⁷ Вебер М. Наука как призвание и профессия. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 708.

новение и творчество как определяющие составляющие деятельности ученого. Почему это важно, почему Вебер обращается к этой теме? Вебер утверждает, что в условиях кризиса культуры трансформировалось восприятие многих определяющих установок, в том числе науки, которая всегда была уделом творцов, фанатов, гениев, провидцев. Научная деятельность предполагала раскрытие потаенного (как пишет Хайдеггер), проникновения в тайны природы и пр.: «Сегодня среди молодежи очень распространено представление, что наука стала чем-то вроде арифметической задачи, что она создается в лабораториях или с помощью статистических карточек одним только холодным рассудком, а не всей "душой", так же, как "на фабрике"»¹⁷⁸.

Рассуждающие подобным образом люди по большей части не знают ни того, что происходит на фабрике, ни того, что делается в лаборатории. И там и здесь человеку нужна идея, и притом идея верная. И только благодаря этому условию он сможет сделать что-то полноценное. Но ведь ничего не приходит в голову по желанию. Достичь сколько-нибудь значимых результатов можно только на основе упорного труда. Внезапная догадка не заменяет труда. Вместе с тем труд не может заменить или принудительно вызвать к жизни такую догадку так же, как этого не может сделать страсть. Только оба указанных момента — и именно вместе — ведут за собой догадку.

Но догадка появляется тогда, когда это угодно ей, а не когда это угодно нам. Лучшие идеи приходят на ум в самых, как кажется, обыденных ситуациях,

¹⁷⁸ Вебер М. Указ. соч. С. 709.

тривиальных в своей повседневности, в моменты, казалось бы, далекие от атмосферы лаборатории и научного поиска, тогда, когда их не ждешь, а не во время размышлений и поисков за письменным столом. Но, конечно же, догадки не пришли бы в голову, если бы этому не предшествовали размышления за письменным столом и страстное вопрошание.

По мнению Вебера, ученый должен примириться также с тем риском, которым сопровождается всякая научная деятельность: придет вдохновение или не придет? Можно быть превосходным работником и ни разу не сделать важного открытия. Наука — это творчество, и результат науки — открытие — не является итогом монотонного труда (хотя и нуждается в нем, но это лишь необходимое условие, которое не работает без вдохновения) и может быть получено именно благодаря творческому озарению.

Вебер говорит о необходимости творческого компонента не только для деятельности в области науки, но и вообще для любого вида деятельности: «Однако было бы заблуждением полагать, что только в науке дело обстоит подобным образом, и что, например, в конторе все происходит иначе, чем в лаборатории. Коммерсанту или крупному промышленнику без "коммерческой фантазии", т.е. без выдумки — гениальной выдумки, — лучше было бы оставаться приказчиком или техническим чиновником; он никогда не создаст организационных нововведений. Вдохновение отнюдь не играет в науке, как это представляет себе ученое чванство, большей роли, чем в практической жизни, где действует современный предприниматель. И с другой стороны, — чего тоже часто не признают — оно играет здесь не меньшую роль,

чем в искусстве. Это ведь сугубо детское представление, что математик приходит к какому-либо научно ценному результату, работая за письменным столом с помощью линейки или других механических средств: математическая фантазия, например Вейерштрасса, по смыслу и результату, конечно, совсем иная, чем фантазия художника, т.е. качественно от нее отличается, но психологический процесс здесь один и тот же. Обоих отличает упоение (в смысле платоновского "экстаза") и "вдохновение"»¹⁷⁹.

В современном мире наука перестает быть делом талантливых одиночек, да и в бизнесе далеко не все операции плод вдохновения, и далеко не каждый предприниматель — творец. Однако идея Вебера важна в понимании того, что наибольшей результативности любая деятельность достигает тогда, когда она окрашена вдохновением, когда в ней присутствуют увлечение и страсть. Тогда человек делает свое дело с интересом, работа не тяготит его, и это уже не мука, а призвание и любовь.

Творческая работа и ее стимулы

Врач, экономист, философ, политический деятель, ученый-естествоиспытатель Александр Александрович Богданов (1873–1928) довольно рано проявил склонность к конструированию всеохватывающей философской системы, дающей целостную картину мира. В ней все развивающиеся объекты природы и общества представляют собой целостные образования, или системы, состоящие из многих элементов.

¹⁷⁹ Вебер М. Указ. соч. С. 710.

Эту обобщенную схему действительности ученый характеризует как всеорганизационную точку зрения. Ее корни лежат в коллективном труде, а задача состоит в том, чтобы, организовав человеческую деятельность, побеждать стихийное начало мира и в дальнейшем сформировать весь мир в интересах человечества¹⁸⁰.

Богданов выделяет творческую работу как особый вид труда, отнеся ее к сверхквалифицированному сложному труду.

Специфика такого труда заключается в созидательной инициативе, строительстве, изобретательстве, исследованиях, вообще в решении переменных задач — технических, художественных, научных, политических; тип самой работы остается всюду один и тот же.

Психофизически творческая работа характеризуется тем, что в ней не только совместно участвует особенно множество элементов нервной системы, но и постоянно вовлекаются еще новые и новые элементы, образуя не встречавшиеся раньше изменчивые комбинации.

Для этого вида работы требуются «психофизические стимулы, которые выводили бы мозг из обычных равновесий его частичных механизмов»¹⁸¹.

¹⁸⁰ В 1920–х гг. А.А. Богданов сформулировал основные положения теории самоорганизации систем /«Очерки организационной науки» и «Тектология» (1922)!, которые при его жизни не были поняты и приняты. Сегодня же Богданова называют предшественником основоположника кибернетики и теории искусственного интеллекта Н. Винера и автора проекта общей теории систем Л. фон Берталанфи.

¹⁸¹ *Богданов А.А. Труд и потребности работника // Богданов А.А. Тектология (всеобщая организационная наука). М.: Экономика, 1989. С. 139.*

Богданов отмечает, что роль этих стимулов выполняют новые и новые воздействия извне, вариации впечатлений, нарушающие шаблонный ход жизни. Чем сильнее и сложнее внешнее возбуждение, тем больше чувствительно–двигательных механизмов оно затронет, создавая тем самым общение между ними; чем менее привычно это возбуждение, тем более необычные, оригинальные комбинации в мозгу в результате его могут получиться. Важно, что такие стимулы должны входить в норму потребностей работников творческого типа.

«Откуда же берутся эти стимулы?» — спрашивает А.А. Богданов. «Первично человеку дает их общение с природой, с ее непрерывно–переменными стихийными комбинациями. Лес, поле, река, воздух, горы, небо — природа никогда не повторяет в точности раз возникшего сочетания своих условий. Живая связь с ней — это естественный источник творческих возбуждений, источник наиболее драгоценный и даровой.

Но город, нынешний центр культуры, где люди живут и работают в разгороженных каменных ящиках, оторван от жизни природы, чужд ее могучих стимулов творчества и вынужден заменять их иными, искусственными. Таковы театры, музеи, книги, собрания, игра личных чувств и смена личных связей, а также временная перемена обстановки путешествиями и проч. Эти замены обходятся большей частью дорого; а иные из них, как употребление алкоголя, наркотиков, азартные игры, разврат, дорого стоят к самой рабочей силе как разрушители организма. Но для творческой работы нужны такие или иные возбудители, и часто простая случайность определяет их выбор: для большинства

даже образованных людей чужда мысль регулировать свою жизнь психофизиологическими знаниями. А поскольку большинство подобных стимулов дорого стоят в смысле их трудовой ценности, они требуют высокой оплаты творческой рабочей силы»¹⁸².

Уникальным творческим стимулом является разрушение. А.А. Богданов утверждает, что когда организм под ударами судьбы теряет свое равновесие, то разрушение стимулирует творческую работу. Конечно, эти стимулы нестабильны, почему и результат творческой деятельности будет непостоянным, нестабильным.

Для Богданова важен вывод об ошибочности идеи равного распределения материальных ресурсов и равного вознаграждения за труд. Люди творческого труда нуждаются в особом обеспечении: «В мировой борьбе и конкуренции нашей эпохи прямо безнадежно было бы дело той страны, где проводилась бы мелочная экономия подобного рода на заработках инициативных руководителей производства, изобретателей, научных исследователей, писателей, организаторов мыслей и чувства масс, вообще квалифицированных строителей жизни. Общество же грядущее позаботится о том, чтобы всем своим работникам дать естественные стимулы творчества — живую связь с матерью Природой»¹⁸³.

Тектологию, или «всеобщую организационную науку» А.А. Богданов разрабатывал в 1920–х гг. А в 1953 г. выходит в свет сочинение «Кризис индустриальной культуры. Марксизм, неосоциализм, неолиберализм» другого выдающегося русского философа

¹⁸² *Богданов А.А.* Указ. соч. С. 139.

¹⁸³ Там же.

Бориса Петровича Вышеславцева (1877–1954), в котором вопрос о труде и творчестве стоит не менее остро.

Вышеславцев в 1922 г. эмигрировал в Германию, где преподавал в основанной Н.А. Бердяевым Религиозно–философской академии, затем вместе с академией переехал в Париж. С 1925 г. один из редакторов религиозно–философского журнала «Путь», также издававшегося Бердяевым.

Вышеславцев солидарен с рассуждениями соотечественников: различие между трудом и творчеством представляет им как диалектически противоположное: «Существует особая диалектика труда и творчества, без которой нельзя проникнуть в социальную философию и в философию культуры. Древнейшие мифы и символы выражали это противопоставление: труд "в поте лица" есть изгнание из рая; творчество есть потерянный и порою возвращенный рай. Труд копается в земле; творчество похищает огонь с неба. Миф о Прометее содержит в себе философское прозрение той истины, что ценности культуры создаются индивидуальным творчеством, открытием и изобретением, без которого массовый труд осужден на жалкое прозябание.

Труд есть трудность, он совершается "в поте лица"; и есть иго своего рода, "работа" от слова раб, рабство перед природной необходимостью; напротив, *творчество* есть свобода, победа над природной необходимостью, "прыжок из царства необходимости в царство свободы" (Цитата из «Анти–Дюринга» Ф. Энгельса. — *Т.С.*), разрешение задачи и преодоление трудности.

Творчество есть личная, индивидуальная, свободная инициатива; оно непосредственно связано

с данной личностью и составляет ее незаменимый индивидуальный дар. Оно начинает новый ряд причин и свободно созидает новую, раньше не бывшую комбинацию природных сил. Иное дело — *труд*: он безличен, неиндивидуален, всецело заменим и поэтому может стать рыночным товаром. Маркс указывает на этот отрыв работы от личности, на это "самоотчуждение", в силу которого рабочий чувствует, что его труд совсем не выражает внутренней сущности его личности, что он есть безличное действие, предписанное извне, по чужой инициативе. Личность как бы тяготеет безличностью своего труда и тоскует по творчеству.

Необходимо, однако, помнить, что творчество никогда не может быть массовым явлением; труд, напротив, бывает массовым явлением, и мы видим "трудящиеся массы".

Творчество есть, по существу, "редкость", исключение, функция меньшинства. Творчество есть инициатива, изобретение, открытие новых путей, оно ведет и указывает одинаково в науке, в искусстве, в религии, в политике и в экономике; труд есть подражание, следование, исполнение и повторение заданного и предписанного, повиновение»¹⁸⁴.

Но, может быть, то, что мы называем творчеством, не имеет экономического значения, спрашивает Вышеславцев. Может быть, оно не дает ничего для богатства народов? Тогда пришлось бы признать, что «вожди, организаторы производства, изобретатели, социальные реформаторы и революционеры не

¹⁸⁴ *Вышеславцев Б.П.* Кризис индустриальной культуры. Марксизм, неосоциализм, неолиберализм // *Вышеславцев Б.П.* Сочинения. М.: Раритет, 1995. С. 206.

имеют экономического значения»¹⁸⁵. Вышеславцев замечает, что ни Маркс, ни Рикардо не противопоставляли труд и творчество, хотя и подошли к нему вплотную, «они сами всю жизнь занимались не трудом, а творчеством и никогда не получали "зарплаты" по числу часов затраченного труда»¹⁸⁶.

Два «труженика»

Что же делает работу творческой? Обратимся к двум известным историям, которые непосредственно связаны с этим вопросом. Одна из них принадлежит перу уральского сказочника, вторая — французскому философу-экзистенциалисту.

Персонаж сказа П.П. Бажова «Живинка в деле» переменял в жизни много профессий, и никакая из них не полюбилась ему так, чтобы остаться при этом ремесле на всю жизнь. В конце концов решил он пойти в углежоги. И первым делом «озаботился, чтобы было, у кого поучиться. Выбирал, значит, мастера. По угольному делу считался тогда в большой славе дедушка Нефед»¹⁸⁷. Вот этот мастер ему и растолковал, что во всяком деле есть живинка (т.е. некий секрет, магическая пружинка, открывающая смысл выбранного дела), которая помогает довести работу до совершенства. Герой сказа нашел свою живинку и полюбил колоть дрова: прищурится, увидит живинку (или особые ловкие точки, как называл их дедушка Нефед) и знает, куда топором ударить, где лучше полено расколется. «Теперь, брат, никуда

¹⁸⁵ *Вышеславцев Б.П.* Указ. соч. С. 206.

¹⁸⁶ Там же.

¹⁸⁷ *Бажов П.П.* Уральские сказы. М.: Дет. лит., 1980. С. 251.

не уйдешь: — посмеивался старик, — поймала тебя живинка, до смерти не отпустит... Она, понимаешь, во всяком деле есть, впереди мастера бежит и чело- века за собой тянет»¹⁸⁸.

Работа это или нет, труд или не труд? Суще- ствует ли живинка на самом деле или это продукт воображения? Это особый вопрос.

Напомним, что, прежде чем увлечься ремеслом углежого, герой повествования переменял множество профессий. Ему было интересно узнавать новое, изу- чать разные ремесла. Земляки посмеивались над этой причудой. Что за прихоть такая — сегодня он плот- ник, а завтра конюх? Не берусь гадать, какую идею преследовал автор. Может быть, он просто описывал известный ему эпизод из жизни уральских масте- ров. Но о перемене видов деятельности писали еще Т. Мор и К.А. Сен-Симон.

Дабы не утратить остроту творческого восприя- тия деятельности, индивиду нужна свобода выбора сферы приложения собственных усилий. В под- тверждение сказанному приведем тезис К. Ясперса: «...в дни, когда ученый не способен к творчеству, он вполне может писать рецензии и консультировать»¹⁸⁹.

Какова же вторая история и второй герой? «Боги приговорили Сизифа поднимать огромный камень на вершину горы, откуда эта глыба неизменно ска- тывалась вниз. У них были основания полагать, что нет кары ужасней, чем бесполезный и безнадежный труд» — так начинается свое известное эссе «Миф о Сизифе» А. Камю, выбирая труд из всех возмож-

¹⁸⁸ Там же. С. 253.

¹⁸⁹ См.: *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории: М.: Политиздат, 1991. С. 123.

ных иллюстраций абсурдного действия: «Сизиф — абсурдный герой. Такой он и в своих страстях, и в страданиях. Его презрение к богам, ненависть к смерти и желание жить стоили ему несказанных мучений — он вынужден бесцельно напрягать силы»¹⁹⁰.

Миф о Сизифе — характерный пример современного восприятия труда: «Мы можем представить только напряженное тело, силящееся поднять огромный камень, покатить его, взобраться с ним по склону; видим сведенное судорогой лицо, прижатую к камню щеку, плечо, удерживающее покрытую глиной тяжесть, оступающуюся ногу, вновь и вновь поднимающие камень руки с измазанными землей ладонями. В результате долгих и размеренных усилий, в пространстве без неба, во времени без начала и до конца, цель достигнута. Сизиф смотрит, как в считанные мгновения камень скатывается к подножию горы, откуда его опять придется поднимать к вершине. Он спускается вниз»¹⁹¹.

Такова по Камю жизнь современного рабочего, и его судьба не менее трагична. Но сам он трагичен лишь в те редкие мгновения, когда к нему возвращаются сознание, способность мыслить. Однако эта способность приходит к нему не всегда, и лишь на короткие минуты, мгновения. Человек утрачивает способность мыслить, рассуждать; он тупо выполняет работу, получая средства для существования и удовлетворения потребительских наклонностей. А по сути он (современный рабочий) Сизиф, выполняющий раз за разом тяжелую бессмысленную работу.

¹⁹⁰ Камю А. Избранное: Сб. М.: Радуга, 1988. С. 352.

¹⁹¹ Там же. С. 352–353.

На этом сходство Сизифа и современного рабочего заканчивается. Для Камю Сизиф победитель! «Его изможденное лицо едва отличимо от камня! Я вижу этого человека, спускающегося тяжелым, но ровным шагом к страданиям, которым нет конца. В это время вместе с дыханием к нему возвращается сознание, неотвратимое, как его бедствия. И в каждое мгновение, спускаясь с вершины в логово богов, он выше своей судьбы. Он тверже своего камня. ... Сизиф ... знает о бесконечности своего печального удела; о нем он думает вовремя спуска. Ясность видения, которая должна быть его мукой, обращается в его победу. Нет судьбы, которую не превозмогло бы презрение»¹⁹².

Сизиф вынужден смириться со страшной карой, уготованной ему богами. Но он выше этих страданий. Он преодолевает их абсурдность, находит выход. Камю сравнивает страдания Сизифа с муками в Гефсиманском саду: «Иногда спуск исполнен страданий, но он может проходить и в радости. Это слово уместно. Я вновь представляю себе Сизифа, спускающегося к своему камню. В начале были страдания. Когда память наполняется земными образами, когда непереносимым становится желание счастья, бывает, что к сердцу человека подступает печаль: это победа камня, это сам камень. Слишком тяжело нести безмерную ношу скорби. Таковы наши ночи в Гефсиманском саду. Но сокрушающие нас истины отступают, как только мы распознаем их»¹⁹³.

В этом радость Сизифа. «Я оставляю Сизифа у подножия его горы! — пишет Камю. — Ноша

¹⁹² Там же. С. 353.

¹⁹³ Там же.

всегда найдется. Но Сизиф учит высшей верности, которая отвергает богов и двигает камни. Он тоже считает, что все хорошо. Эта вселенная, отныне лишенная властелина, не кажется ему ни бесплодной, ни ничтожной. Каждая крупца камня, каждый отблеск руды на полночной горе составляет для него целый мир. Одной борьбы за вершину достаточно, чтобы заполнить сердце человека. Сизифа следует представлять себе счастливым»¹⁹⁴.

Вряд ли стоит считать, что современный рабочий обретает счастье и радость в монотонном ежедневном многочасовом труде. И вряд ли в этом стоит уподоблять его Сизифу. Современный рабочий уже не ищет живинку в своем деле, не ищет, подобно Сизифу, смысла в своем восхождении, поскольку работа на конвейере не предполагает свободы выбора. Здесь все задано, запрограммировано, продумано кем-то другим. Это работа от звонка и до звонка, где инициатива и индивидуальные способности не востребованы. И человек может реализовать себя лишь в качестве механизма, технического приспособления.

Чем занять человека в условиях социальной неопределенности

Безусловный доход

При наличии разных вариантов жизни и труда в условиях неопределенности значительная часть человечества находится перед перспективой потерять рабочее место, остаться без средств к существованию.

¹⁹⁴ Камю А. Указ. соч. С. 354.

В недавнем прошлом исследователей волновал вопрос, что будет делать человечество, если не нужно будет работать. Сокращение в потребности в рабочих руках представители философии техники связывали с успехами технического развития. Об этом в середине XX столетия писал французский персоналист Э. Мунье¹⁹⁵, к сокращению рабочего времени призывал антитехницист–революционер Ж. Эллюль¹⁹⁶. Подобные перспективы рисовали писатели фантасты.

Однако в современных условиях этот вопрос, не утратив своей актуальности, обретает более тревожных характер. Что будет с той частью человечества, чей труд не будет востребован?

Мы уже писали о предложенном французским социологом и экономистом А. Горцем введении пособия на существование, дискуссии о котором ведутся с 1995 г. Оно должно не только помочь справиться с прерывностью, ненадежностью, разнообразными паузами в трудовой занятости, но также дать людям формы самостоятельности, социальное и культурное значение которых не измеряется в экономических категориях¹⁹⁷.

¹⁹⁵ «До сих пор человечество жило в эпоху труда. Труд, даже если он вынужденный, является для большинства людей исключительно крепкой опорой, так что во время досуга они окажутся выбитыми из колеи, опустошенными. Вероятно, и мы уже это ощущаем, машина сможет положить конец эпохе труда: рано или поздно — какая разница — нам придется платить долги. Каждый, пусть даже в безотчетной тревоге, спрашивает себя: "Что мы будем делать, когда нам нечего будет делать?"» (Мунье Э. Обвинение машины // Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999. С. 433).

¹⁹⁶ Эллюль Ж. Другая революция // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986. С. 147–148.

¹⁹⁷ Горц А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: НИУ ВШЭ, 2010. С. 38.

Возможным решением растущего уровня безработицы или одним из подходов к решению проблемы незанятости, угрожающей распространению бедности во всем мире, может стать введение безусловного дохода, гарантирующего необходимую для выживания сумму денег каждому гражданину, вне зависимости от его занятости.

Причины, по которым введение безусловного дохода активно обсуждается в политических кругах последние 20 лет, крайне различны.

Считается, что такие меры помогут решить проблему бедности, технологической безработицы и экономического неравенства. Гарантированный безусловный доход приведет к снижению затрат на администрирование социальных программ ввиду отсутствия необходимости в проверках пригодности и позволит людям заниматься любимым делом, игнорируя требования рынка.

В то же время отмечается, что введение безусловного дохода труднореализуемо из-за политической ситуации и требует огромных расходов. Кроме того, желание обладать безусловным доходом может открыть новую волну миграции (о чем предупреждают представители консервативной Швейцарской народной партии).

4 октября 2013 г. группа швейцарских активистов из «Поколение базового дохода» Generation Grundeinkommen устроила перформанс в поддержку введения безусловного базового дохода. На главной площади Берна грузовик высыпал на плитку восемь миллионов монет.

Несмотря на то что мотивация активистов до конца не ясна (некоторые источники утверждают,

что это не более чем погоня за политическим пиаром¹⁹⁸) такая практика вполне может быть использована для ликвидации последствий возрастающего уровня безработицы вследствие продолжающейся модернизации производства.

По инициативе группы художников, писателей и представителей интеллигенции было собрано необходимое количество подписей (125 тысяч) и инициатива была вынесена на референдум¹⁹⁹. Тем не менее, только 23 % швейцарцев проголосовали «за», в результате чего предложение было отклонено.

Правительство Финляндии несколькими годами ранее планировало ввести такие же выплаты, но в более скромной сумме — 800 евро в месяц против 2500 евро в Швейцарии. Хотя 69 % финнов инициативу поддержали, плану не суждено было воплотиться из-за ухудшения экономической ситуации²⁰⁰.

Тем не менее правительство Финляндии не оставило попыток ввести всеобщий доход. С 1 января 2017 г. государство гарантировало 2000 безработных безусловный минимальный доход. Участникам эксперимента выплачивается 560 евро ежемесячно, что приблизительно равно пособию по безработице, но при этом оно не аннулируется, если участник эксперимента все же устроится на работу, и не влияет на другие социальные пособия. Эксперимент проходит под руководством профессора Олли Кангаса, начальника отдела общественных связей Государственного

¹⁹⁸ Интернет-ресурс: <http://business-swiss.ch/2016/05/bezuslovnyj-dohod-2500-frankov-v-shvejtsarii-referendum/>

¹⁹⁹ Интернет-ресурс: <http://www.rbc.ru/society/01/02/2016/56aebd7f9a794702d9cb8064>

²⁰⁰ Интернет-ресурс: <https://lenta.ru/articles/2016/02/03/ubi/>

учреждения социального страхования Финляндии (Kela). Цель эксперимента определить, как безусловный доход влияет на эффективность поиска работы. Если эксперимент будет успешным, то безусловный доход в размере 800 евро будет введен вместо системы социальных пособий²⁰¹.

Это всего лишь ряд мер и возможных сценариев преодоления неопределенности и нестабильности в сфере занятости. Даже если учесть плюсы такой помощи в профессиональной переориентации, приобретении знаний и навыков, необходимых для трудоустройства в новых условиях, все-таки чаще всего это, скорее, меры пассивного участия. И, как показывает опыт истории, следствием подобных практик становится социальное иждивенчество (случай Спинхемленда (1795), Welfare State во второй половине XX в.)²⁰².

Общественный оплаченный труд

Что же делать, когда мир стал неудержимо меняться, и прежние стереотипы не работают? Продолжать следовать сложившимся стереотипам или попытаться перестроить свою жизнь, формируя новый образ жизни? Ведутся переговоры о перемещении промышленных производств на места их исходного пребывания. В тоже время идут процессы самоорганизации, распространяются практики солидаризма и коммуналлизма. В условиях, когда имидж политики заметно падает из-за неспособности государства влиять на

²⁰¹ Интернет-ресурс: <http://www.rosbalt.ru/main/2015/11/03/1457528.html>

²⁰² Сидорина Т.Ю. Два века социальной политики. М.: РГГУ, 2005; Сидорина Т.Ю. Государство всеобщего благосостояния: от утопии к кризису. М.: РГГУ, 2013.

экономические проблемы, ослабевает роль политических партий; все шире распространяется движение политически активных граждан.

В европейских странах развиваются новые общественные объединения, основывающиеся на совместном ведении домашнего хозяйства и других видах кооперации. Фактически возрождаются ценности небольших сообществ на фоне развивающегося интернационализма и глобализации. В таких сообществах человек чувствует себя более нужным и значимым, нежели в государстве. Так тенденции к анти-неолиберализму могут стать ключевым фактором в решении проблемы бедности и других социальных пороков. Подобные сообщества в идеале стремятся к воссозданию древнегреческого полиса²⁰³.

Практики гражданского общества как возможности преодоления последствий перехода к постиндустриальному труду в конце XX в. рассматривает и У. Бек²⁰⁴. Социальный теоретик обращает внимание на перспективы общественного оплачиваемого труда как проявление гражданской инициативы.

В этом ключе Бек пишет о необходимости создания системы новых гарантий, укреплении социальных сетей самоснабжения и самоорганизации. Он рассматривает общественно оплачиваемый труд как основание нового общественного договора: «Новый общественный договор должен был бы исходить из следующего: наш труд стал таким производительным, что его требуется все меньше, чтобы произво-

²⁰³ *Montanari A. New forms of solidarity and communalism // Third ISA Forum of Sociology. 2016.*

²⁰⁴ *Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс–Традиция, 2001. С. 266.*

дить все больше товаров и услуг. Материально–социальная интеграция людей через наемный труд, конечно, как и прежде, имеет значение, но это уже не единственная форма. Я предлагаю задуматься над тем, нельзя ли повысить престиж того, что проявляется повсюду как ангажированность гражданского общества в социобиотопах общества — как способность к самоорганизации, как интерес к политическим проектам, выпадающим из поля зрения институтов, — чтобы помимо наемного труда возник второй центр активности и интеграции: *общественная работа, гражданский труд*. Что это такое?

Работа по уходу за престарелыми, инвалидами, бездомными, больными СПИДом, работа с неграмотными, с изгоями общества, участие в природоохранных акциях и многое другое — все это осуществлялось до сих пор на общественных началах; надо сделать эту работу "видимой" экономически, т.е. оплачивать (например, в форме гражданского *пособия*, размеры которого примерно соответствуют социальному пособию). Общественная работа могла бы сделать города обитаемыми, прилагасмую энергию — эффективнее используемой, демократию — живее»²⁰⁵.

Бек отмечает, что такая работа могла бы стать привлекательной и для молодежи: «Общественную работу нужно организовать в такой форме, чтобы она не оказывалась простым отстойником для безработных: она должна быть привлекательной для всех. <...> Речь идет не о том, чтобы заменить этим наемный труд, но о том, чтобы дополнить его. Гражданская работа стала бы, в конце концов, возможно,

²⁰⁵ Бек У. Указ. соч. С. 243–246.

одной из трех опор — наряду с трудом по найму, служащим основной экономической гарантией, и частной работой, — на которых стоит воспитание и/или самореализация»²⁰⁶.

В основе этой работы Бек видит два принципа: «добровольность, или самоорганизация, а также общественное финансирование, — которые могли бы сделать из гражданской работы привлекательную альтернативу»²⁰⁷.

Новый труд и новый образ жизни

Итак, с одной стороны изменения в сфере трудовой деятельности усиливают социальную неопределенность, социальное неравенство, экономическую нестабильность жизни миллионов людей²⁰⁸. Массы людей оказываются на обочине жизни, потеряв рабочее место и возможность обеспечивать себя и своих близких.

С другой стороны, в условиях ухода от традиционной ситуации в сфере труда, когда долгосрочная занятость становится атрибутом прошлого, с появлением гибкой занятости, неполной занятости, заня-

²⁰⁶ Бек У. Указ. соч. С. 244–245.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Становление новых форм социального расслоения в России // В кн.: Социально-экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России / отв. ред. О.И. Шкаратан. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. С. 141–191; Шкаратан О.И., Гасюкова Е.Н. Прекариат: новая зона риска в российском обществе // Новая ли Новая Россия / Под общ. ред.: О.И. Шкаратан, Г.А. Ястребов. М.: Университетская книга, 2016. С. 304–326. Там же. С. 244–245.

тости по контракту, человек обретает иные ресурсы времени. При этом появляются и растут новые группы работников, способные адаптироваться к новым условиям занятости и успешно применять свои профессиональные и творческие способности.

Плывущие по течению. Сегодня востребована способность встраиваться в изменяющуюся ситуацию, адаптировать имеющиеся знания к разным видам деятельности, отвечать предложением на запросы работодателя, менять сферы занятости.

В ответ на этот спрос формируется обширная группа способных плыть по течению, отвечать на требования постоянно меняющегося мира. Это своеобразные амфибии, владеющие набором востребованных профессиональных практик, способные существовать в безвоздушном пространстве отсутствия заработка, в условиях постоянной перемены рабочего места, работы по случаю, когда период оплаченного заработка чередуется с периодом простоя и пр.

Высококвалифицированные профессионалы. На новом глобальном рынке труда также востребован новый тип работника — представители так называемого «креативного класса», к которым можно отнести высококвалифицированных профессионалов.

Американский экономист Ричард Флорида обращается к понятию «креативный класс»²⁰⁹. Флорида пишет о том, что «в современной экономике знания все большее значение приобретает творчество, все большая ценность возникает путем создания радикально новых или преобразования уже существ-

²⁰⁹ Florida R. The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life. Basic Books, 2002.

вующих форм. Творчество, в отличие от других факторов производства, неотделимо от своих носителей — креативных менеджеров и профессионалов, составляющих новый “креативный класс”»²¹⁰. Флорида выделяет в нем ядро, к которому он относит тех, «чья работа заключается в разработке и создании новшеств: ученых, инженеров, университетских профессоров, поэтов, писателей, художников, актеров, дизайнеров, публицистов, обозревателей, аналитиков, формирующих общественное мнение, и периферию — специалистов, работающих в целом ряде отраслей, основанных на знаниях: в высоких технологиях, финансах, праве, здравоохранении, управлении бизнесом. Эти люди участвуют в творческом решении проблем, условия занятости творческих специалистов становятся гибкими, получает распространение горизонтальная карьера»²¹¹.

Речь идет о группе специалистов, востребованных развитием науки и новых сфер производства, развитием общества, современной экономической ситуацией в целом. Поле, на котором работают эти специалисты — это поле нематериального труда, когнитивная экономика.

Ключевым источником экономического роста являются талантливые люди. Новый тип специалиста востребован повсеместно, это работник информационной постиндустриальной эпохи, человек эпохи глобализации, легко перемещающийся в пространстве, работа-

²¹⁰ Коротяев С.А. «Креативные» группы в российском обществе: труд, культура и мировоззрение // Нова ли Новая Россия / Под общ. ред.: О.И. Шкаратан, Г.А. Ястребов. М.: Университетская книга, 2016. С. 326.

²¹¹ Там же.

ющий on-line, работающий на себя и для себя, отвечая за себя, свое существование и свое будущее. Это точка роста, но по своим масштабам этот социальный слой далек от масштабов структурообразующего социального элемента. В определенном смысле — это перспектива трудового участия современного человека.

Появление этой группы в системе трудовых отношений, обусловлено кардинальными переменами в области науки, средств коммуникаций, как следствие развития технологий — в целом всего того, что символизирует приход информационной эпохи.

О труде и смысле жизни

Вопрос о смысле человеческого существования — один из вечных философских вопросов, и вряд ли он вообще имеет однозначное решение. Также, как и вопрос «зачем я живу?», вопрос «зачем я работаю?» приходит не в лучшие минуты нашей жизни. Почему я должен/должна добывать хлеб в поте лица своего? Почему мой труд столь тяжел и мучителен? Почему я не могу жить, не страдая от тягот труда?

Необходимость деятельной жизни (и в том числе труда) не вызывает сомнения, и не она в центре нашего внимания. Мы говорим не о необходимости труда, а о его статусе. Оправдано ли видеть в труде смысл жизни?

Н. Григорьева отмечает характерное для философской мысли амбивалентное отношение к труду: «Думается, в истории философии существовали две тенденции в истолковании категории труда: наряду с апологией труда в философии всегда имела место

и его критика. Иногда полемизирующие друг с другом концепции, принадлежа к одной и той же философской традиции, были разнесены во времени (апология труда у Гегеля / критика труда–отчуждения у Маркса), иногда сталкивались между собой в открытой дискуссии»²¹².

Х. Арендт ссылается на исследование, результаты которого приводятся в книге Г. Шельски: «До сих пор еще огромное большинство работающих на вопрос анкеты: "Почему вообще человек работает", ответили просто: "чтобы можно было прожить" или "чтобы заработать деньги"»²¹³.

Неужели человек работает только для этого и только для этого появляется на свет, чтобы большую часть своей жизни провести на работе?

Размышления человека о счастье, будущем и смысле жизни всегда были противоречивыми. В логике есть понятие контрадикторности. Это логическое отношение между понятиями, одно из которых является отрицанием другого и между которыми не может быть третьего, среднего. Вопрос о смысле жизни как раз предполагает возможность таких диаметрально противоположных ответов (причем даже в рамках одного научного направления).

От Фрейда к Фромму: жить плодотворно

Широко известно суждение Зигмунда Фрейда: «Когда человек задает вопрос о смысле и ценности

²¹² Григорьева Н. *Anima laborans: писатель и труд в России 1920–1930–х гг.* СПб.: Алетея, 2005. С. 11, 18.

²¹³ См.: *Schelsky H. Arbeiterjugend, Gestern und Heute*, 1955. Цит. по: Арендт Х. Указ. соч. С. 164.

жизни, он нездоров, поскольку ни того, ни другого объективно не существует; ручаться можно лишь за то, что у человека есть запас неудовлетворенного либидо»²¹⁴. Не менее известно и другое его высказывание: «В своих исследованиях огромного здания человеческой психики я остановился в подвале». Попытки его последователей подняться на «верхние этажи» неизбежно приводили к критической переоценке наследия основоположника психоанализа.

Виктор Франкл, увлекшись психоанализом еще в юности, не удовольствовался блужданиями по «подвалу» и создал в итоге собственную теорию, собственную школу, диаметрально противостоящие фрейдистским. Именно поиск смысла жизни Франкл назвал путем к душевному здоровью, а утрату смысла главной причиной не только нездоровья, но и множества иных человеческих бед. Самая известная книга Франкла так и называется «Человек в поисках смысла». Наверное, так можно было бы охарактеризовать и ее автора: «Я видел смысл своей жизни в том, чтобы помогать другим увидеть смысл в своей жизни»²¹⁵. Такова позиция В. Франкла.

Согласно Франклу жизнь без смысла это пустая жизнь, и мы чувствуем эту пустоту внутри себя. Стремление к поиску и реализации человеком смысла своей жизни он рассматривает как врожденную мотивационную тенденцию, присущую всем людям и являющуюся основным двигателем поведения и развития личности. Для того чтобы жить и активно действовать, человек должен верить в смысл, которым обладают

²¹⁴ См.: Франкл В. Человек в поисках смысла: Сб. М.: Прогресс, 1990. С. 36.

²¹⁵ Там же.

его поступки. Отсутствие смысла порождает у человека состояние, которое Франкл называет экзистенциальным вакуумом. Задаваться вопросами о смысле жизни — это еще не болезнь, как об этом писал З. Фрейд. Согласно Франклу болезнь начинается тогда, когда человек не находит ответов на эти вопросы²¹⁶.

В конце 1950-х — начале 1960-х гг., Франкл заметил интересную закономерность: чем более развито государство и чем выше его техническая оснащенность, тем большее число людей испытывают экзистенциальный вакуум. Эти выводы Франкл подчерпнул из своей клинической практики и специально с этой целью проводившихся опросов. Экзистенциальный вакуум чаще всего выражается в таких состояниях человека, как скука, апатия и склонность к самоубийству (при ярко выраженном чувстве бессмысленности существования).

Возвращаясь к рассуждениям о кризисе культуры, социальнокультурном кризисе рубежа XIX–XX вв. и сопровождавшем его кризисном мировосприятии, можно сопоставить эти явления и возрастающую тенденцию к утрате смысла жизни, состоянию экзистенциального вакуума, как квалифицирует это состояние Франкл. Вопрос о конце труда в его классическом понимании органично вписывается в эту систему кризисного социума и кризисного мировосприятия. Труд как деятельность утрачивает свои стабилизирующие функции. Труд перестает быть организующим фактором жизни.

В течение нескольких столетий труд определял смысл жизни миллионов людей. В индустриальную

²¹⁶ См.: Франкл В. Указ. соч. С. 11.

эпоху жизнь и труд стали неразделимы. Человек должен был трудиться, чтобы жить. Но для чего он жил? Труд почти полностью захватил время человеческой жизни. Люди разучились жить за пределами труда. Заполнив жизненное пространство, труд для огромных масс людей стал единственным способом времяпрепровождения. Постепенно люди стали жить, чтобы трудиться. Они разучились творить, отдыхать, появились проблемы свободного времени, досуга, трудоголизма.

Развитие техники, технологическая экспансия формируют образ жизни современного человека. Создавая жизненные блага, техника несет в себе опасность для человеческого существования. Об этом писали и пишут выдающиеся мыслители XX–XXI столетий — М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ф. Юнгер, Ю. Хабермас и другие. В обществе технократии и машинокрации в условиях жесточайших социальных, политических и экономических трансформаций, наряду с утратой традиционных ценностных ориентиров, человек утрачивает ощущение перспективы и понимание своей роли и значения в жизненном процессе.

Франкл писал об экзистенциальном вакууме. Этот вакуум, как известно, также следствие индустриального развития: разрушаются родственные связи, темп и напряженность жизни разобщают людей, общество становится все более фрагментированным. Но и труд, занимавший большую часть времени и организовывавший жизнь человека, перестал выполнять смыслоформирующие функции.

Однако человек должен искать и находить смысл жизни, без этого жизнь пуста. Но как в условиях сильнейшей жизненной фрустрации обрести верные

жизненные ориентиры, когда, казалось бы, самые фундаментальные основы (и труд в том числе) подвергаются испытаниям и не выдерживают их?

Для продолжения разговора о перипетиях поиска решения вопроса о смысле жизни в психоанализе обратимся к труду еще одного видного представителя этого направления в философии и психологии — «Человек для себя» Эриха Фромма.

Согласно Фромму «человек может реагировать на исторические противоречия, устраняя их своей собственной деятельностью, но он не может устранить экзистенциальные противоречия, притом, что он может реагировать на них по-разному. Он может умиротворять свой ум утешительными и примирительными идеологиями. Он может пытаться бежать от своего внутреннего беспокойства, погружаясь без остатка в удовольствия или дела. Он может пытаться отменить свою свободу и превратить себя в инструмент внешних сил, топя в них свое Я. Но он остается неудовлетворенным, тревожным и беспокойным. Есть только одно решение проблемы: посмотреть в лицо истине, осознать свое полное одиночество и предоставленность самому себе во Вселенной, безразличной к судьбе человека, признать, что вне человека нет силы, способной за него разрешить его проблемы. Человек должен принять на себя ответственность за самого себя и признать, что только собственными силами он может придать смысл своей жизни. Но смысл не означает успокоенности: более того, тяга к успокоенности препятствует поиску смысла. Неуспокоенность является тем самым условием, которое побуждает человека раскрывать свои силы. Если он посмотрит в лицо истине без паники,

то поймет, что *в жизни нет иного смысла, кроме того, какой человек сам придает ей, раскрывая свои силы, живя плодотворно*; и только постоянная включенность, активность и настойчивость могут уберечь нас от неудачи в единственной стоящей перед нами задаче — задаче полного развития наших сил в пределах, заданных законами нашего существования. Человек никогда не перестанет озадачиваться, хотеть знать и ставить новые вопросы. Только если он осознает человеческую ситуацию, дихотомии, присущие его существованию, и свою способность раскрыть свои силы, он будет в состоянии успешно решить эту свою задачу: быть самим собой и для себя, и достичь счастья путем полной реализации дара, составляющего его особенность, — дара разума, любви и плодотворного труда»²¹⁷.

Итак, человек должен жить, раскрывая свои возможности, реализуя себя, т.е. жить плодотворно. Это придает жизни осмысленность. Человек приходит в мир, чтобы раскрыть себя, творить и обогатить мир.

В современном мире повседневный труд потерял, утратил свои творческие стороны. Техника стала эталоном культуры и жизни. Жизнь подчинилась технике, сокращая творческую составляющую. Жизнь и труд уподобились механизму, который действует, но не творит. Человек больше не любит свою работу. Он действует по необходимости, которая закабальяет его, лишает свободы. Фромм видит разрешение этого противоречия в любви. Он приводит притчу, в которой Бог объясняет Ионе, что «сущность любви — "трудиться" ради чего-нибудь и

²¹⁷ Фромм Э. Человек для себя. Мн.: Коллегиум, 1992. С. 27.

"взрастить" что-нибудь, что любовь и труд — нераздельны. Человек любит то, ради чего он трудится, и человек трудится ради того, что он любит»²¹⁸.

Х. Арендт: жить, производя себя и новую жизнь

Следуя за К. Марксом, Ханна Арендт высказывает суждение, что смысл жизни заключается в производстве жизни своей и новой. Её вывод основан на двух фундаментальных модусах, сформулированных Марксом: «человеческий жизненный процесс протекает, развертывая свойственную ему плодovitость, а именно к труду и воспроизводству себе подобных»²¹⁹. Предпосылка, из которой исходит Маркс и которую он никогда не упускает из поля зрения, заключается в том, что «люди, каждодневно заново создающие свою собственную жизнь, начинают создавать других людей», и что, таким образом, обеспечивают «производство жизни как собственной в труде, так чужой в порождении»²²⁰.

В этом проявляется характер человеческого бытия, где производство себя, своей жизни в труде совмещается с производством себе подобных. Труд выступает как естественный регулятив жизни. В труде человек производит себя; здесь, как и в производстве новой жизни, осуществляются его предназначение и его плодovitость. Арендт вслед за Марксом использует понятие плодovitости, которое имеет общий корень со словом «плодотворный». Понимание смысла чело-

²¹⁸ Там же. С. 54.

²¹⁹ Арендт Х. Указ. соч. С. 136.

²²⁰ Там же.

веческой жизни как самовыражении, самореализации, плодотворной деятельности у Арендт не входит в противоречение необходимостью воспроизводства как предназначения, как призвания. Производя себя и новую жизнь, человек сливается с единым процессом воспроизводства в природе. И в этом слиянии, с позиции Х. Арендт, человек обретает счастье²²¹.

3. Бауман: жить, реализуя себя

Зигмунт Бауман полагает, «что жизнь обязана своим значением смерти. <...> Только потому, что мы смертны, мы считаем дни, и каждый из них нам дорог. Точнее, жизнь имеет ценность, а дни — значение, потому что мы, люди, сознаем свою смертность. Мы знаем, что должны умереть, и наша жизнь, говоря словами Мартина Хайдеггера, означает жизнь в направлении смерти.

<...> Осознание мимолетности жизни... утверждает ценность нашей жизни косвенно, порождая понимание того, что сколь бы коротка ни была наша жизнь, промежутки времени между рождением и смертью — наш единственный шанс постичь трансцендентное, обрести опору в вечности... Ни одному мгновению, способному оставить свой след в вечности, нельзя позволить пройти незаметно. Мгновения можно либо

²²¹ Арендт добавляет, что счастье, посылаемое фортуной, редко, всегда летуче и неуловимо; оно зависит от случая, от того, что Гете называл «удачей»; судьба его дает и берет и «погоня за этим счастьем» всегда кончается несчастьем даже при благоприятном повороте фортуны, потому что люди гонятся по существу за наслаждением, а не за счастьем, и хотят соответственно удержать его и купаться в нем так, словно это неистощаемый природный рог изобилия. См.: *Арендт Х.* Указ. соч.

использовать рационально, либо растратить попусту. Мы считаем дни, и каждый из них нам дорог»²²².

Постичь трансцендентное можно с помощью знаний, позволяющих превратить мимолетность в длительность, перекинуть мост для соединения ограниченности и бесконечности. Осознание смертности приходит к человеку само собой, но знание трансцендентного возникает непросто. Ни здравый смысл, ни даже разум не предоставят его автоматически: «Культура предприняла попытку возведения таких мостов скорее в противовес разуму и логике, чем следуя их советам. Мы называем "культурой" как раз тот тип человеческой деятельности, который, в конечном счете, состоит в превращении неуловимого в осязаемое, связывании конечного с бесконечным или, иначе, в строительстве мостов, соединяющих смертную жизнь с ценностями, неподвластными разрушающему влиянию времени»²²³.

Культуре удалось построить много типов мостов. Одним из наиболее распространенных стало представление о жизни после смерти. Вопреки мнению его критиков, оно не противоречит общепринятому опыту. Все мы знаем, что мысли обладают странной возможностью существовать независимо от их творцов: мысли могут приходить из времен, когда тех, кто сегодня обращается к ним, еще не было, к ним будут снова возвращаться в те неизвестные времена, когда нынешних мыслителей уже не будет на свете. И остается сделать только маленький шаг от этого опыта к идее, согласно которой душа, этот бестелесный

²²² Бауман З. Индивидуализированное сообщество. М.: Логос, 2002. С. 301.

²²³ Там же.

субстрат мыслей, обладает существованием, отличным от бытия его телесной и временной оболочки.

Поверить в бессмертие тела весьма сложно; «но так же трудно сомневаться в более продолжительном, нежели определенном границами жизни, существовании души. По крайней мере, ее смертность не может быть доказана "окончательно", не может быть подтверждена судом человеческого воображения, где свидетелем выступает практический опыт. Но если душа живет вечно, то ее короткое сосуществование с телом есть всего лишь прелюдия к жизни, невозобразимо более длительной, ценной и важной. Эта прелюдия обретает огромное значение: все мотивы и созвучия, вся полифония следующей за ней длинной оперы должны быть заключены и сконцентрированы в коротком временном промежутке. Сосуществование с телом может быть до смешного коротким по сравнению с продолжительностью последующего самостоятельного бытия души, но именно на протяжении этого совместного существования определяется качество вечной жизни: оставшись одна, душа не сможет ничего изменить в своей судьбе. *Смертное обладает властью над бессмертным: земная жизнь есть единственное время формировать активы для вечности — (курсив мой — Т.С.). "Позже" означает слишком поздно. И поэтому смертные носители бессмертных душ считают дни, и каждый день им дорог*»²²⁴.

Представление о будущей жизни после смерти — это лишь одна версия объяснения феномена жизни. Бауман развивает эту тему с учетом трансформаций современного мировосприятия. Однако пози-

²²⁴ Бауман З. Указ. соч. С. 302.

ция, согласно которой человек должен осознавать, что каждый день его скоротечной жизни, возможно, определяет его будущее и его судьбу, никем и ничем до конца не опровергнута. Если исходить из рассмотренных оснований (что каждый наш день отразится на будущей жизни), человеческая жизнь должна быть не просто прожита, а наполнена смыслом. И если каждый наш день отразится в будущей жизни, хотим ли мы, чтобы она была безрадостна и монотонна, как работа у конвейера?

*Вл. Соловьев: человек в процессе
сотворчества*

Философия Владимира Соловьева — это стремление «оправдать» и в какой-то мере возвысить мир, космос, человека. Бог-творец, создавая мир, переходит сам в свое творение, делает его однокачественным себе. В конечном счете, мир — это определенная ступень бытия Бога, и в этом плане существует единство Творца и творения²²⁵.

Одна из важнейших идей Вл. Соловьева — идея Богочеловечества. «Согласно концепции всеединства, — пишет исследователь русской философии О.Д. Волкогонова, — между Богом и миром нет непроходимой пропасти, они связаны и однородны по своей сущности в пантеистической философии Соловьева. Природный мир "отпал" от Бога, распался на множество враждующих элементов, но в его развитии постепенно преодолеваются обособленность и

²²⁵ См.: Волкогонова О.Д. Русская религиозно-идеалистическая философия XIX — начала XX веков. М.: ГА ВС, 1992. С. 55.

рознь. Особый этап этого процесса связан с появлением человечества»²²⁶.

Для Соловьева характерна тенденция сближения Бога и человека: «Гуманистический пафос Соловьева достигает высшей точки, когда он убеждает своих читателей, что Бог нуждается в человеке для реализации своих планов, без человека не может завершиться творение мира. "Человек дорог Богу не как страдательное орудие Его воли — таких орудий довольно и в мире физическом, — а как добровольный союзник и соучастник Его всемирного дела. Это соучастие человеческое непременно входит в самую цель Божьего действия в мире, ибо если бы эта цель мыслима была без деятельности человека, то она бы уже от века была бы достигнута.

Но раз существует союз ("завет") между Богом и человеком в деле творения мира, то отсюда логически вытекает требование жизненной активности личности»²²⁷.

Человек получает удовлетворение от реализации своих способностей, осуществления возможностей, достижения целей; когда он сознает, что его деятельность бесполезна, что его жизнь не прошла даром, что он оставил свой след на земле. Он также удовлетворен, если плоды его деятельности нужны и полезны не только ему, но и другим.

Человек не только реализует себя в делах, не только несет в течение жизни свет разума, но и передает его следующим поколениям. Человек поддерживает жизнь, производя себя и новую жизнь (как говорит

²²⁶ Волкогонова О.Д. Указ. соч. С. 58.

²²⁷ Там же. С. 59.

Х. Арендт), при этом производя себя как физически, так и духовно. При этом здесь уместно понятие «произведение», а не воспроизведение, поскольку произведение в отличие от воспроизведения это не вращение по кругу, не возвращение к исходным позициям, а движение вперед.

В диалоге Платона «Пир» его участники, рассуждая о ступенях восхождения к царству идей, говорят о продвижении любви от восхищения прекрасными телами к уважению и преклонению перед прекрасными душами, науками и т.д.

«Диотима: Кто, наставляемый на путь любви, будет в правильном порядке созерцать прекрасное, тот, достигнув конца этого пути, вдруг увидит нечто удивительно прекрасное по природе... Прекрасное это предстанет ему не в виде какого-то лица... а само по себе, всегда в самом себе единообразное...

Вот каким путем нужно идти в любви... начав с отдельных проявлений прекрасного, надо все время, словно бы по ступенькам, подниматься ради самого прекрасного вверх... от прекрасных тел к прекрасным нравам, а от прекрасных нравов к прекрасным учениям, пока не поднимешься от этих учений к тому, которое есть учение о самом прекрасном, и не познаешь, наконец, что же это — прекрасное. И в созерцании прекрасного самого по себе... только и может жить человек, его увидевший... лишь созерцая прекрасное тем, чем его и надлежит созерцать, он сумеет родить... добродетель истинную, потому что постигает он истину, а не призрак. А кто родил и вскормил истинную добродетель, тому достается в удел любовь богов, и если кто-либо из людей бывает бессмертен, то именно он» (Пир, 211, b,c, d, e; 212).

«Диотима: ... у животных, так же как и у людей, смертная природа стремиться стать по возможности бессмертной и вечной. А достичь этого она может только одним путем — порождением, оставляя всякий раз новое вместо старого ... (207, d)

Те, у кого разрешиться от бремени стремиться тело ... служат Эроту ... надеясь деторождением приобрести бессмертие и счастье и оставить о себе память на вечные времена. Беременные же духовно — ведь есть и такие, — пояснила она, — которые беременны духовно, и притом в большей даже мере, чем телесно, — беременны тем, что как раз их душе и подобает вынашивать. А что ей подобает вынашивать? Разумение и прочие добродетели (2008, е)»²²⁸.

Так, человек, воспроизводя и производя себя в своих духовных порождениях, способствует развитию и воспроизведению духа, а воспроизводя себя в детях, он способствует продолжению и произведению жизни.

Еще несколько слов о счастье в человеческой жизни²²⁹. Этот вопрос неразрывно связан с вопросами о смысле и предназначении, поскольку в отсутствие счастья обретенный смысл человеческого существования способен утратить свою

²²⁸ Платон. Собрание сочинений: В 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 117, 119.

²²⁹ Отмечу, что обратившись к вопросу о смысле труда и деятельной жизни (как называет ее Х. Арендт), я не собиралась затрагивать такие стороны жизни, как любовь, счастье, вера, аскеза и другие, которые справедливо могут рассматриваться многими как пути обретения смысла существования, без которых жизнь может утратить свой смысл. Но в ходе рассуждения я увидела необходимость хотя бы вкратце коснуться и этих сторон вопроса о смысле жизни.

значимость. Насколько счастлив и счастлив ли человек, избравший путь самореализации и плодотворной жизни?

Вспомним рассуждение Б. Спинозы о том, что путь преодоления аффектов, препятствующих обретению человеком свободы, лежит через аффект любви и прежде всего любви к познанию²³⁰. Вызвав в себе аффект любви к познанию, человек может обрести любовь к плодотворной деятельной жизни (поскольку последняя неотделима от познания); а обретая любовь, человек может обрести и счастье²³¹.

Напомню приведенные Фроммом слова из притчи: «сущность любви — "трудиться" ради чего-нибудь и "взрастить" что-нибудь, <что> любовь и труд — нераздельны. Человек любит то, ради чего он трудится, и человек трудится ради того, что он любит»²³². Естественно, что это метафора, допускающая широкие толкования. В данном случае, когда мы говорим о плодотворной жизни, мы предполагаем, что человек творит и любит плоды своего творения, но также он любит и тех, для кого он создает эти плоды. Любовь помогает ему творить, помогает жить и выполнять свое предназначение. Человек любит и дорожит тем, в кого и во что он вкладывает душу.

Направляя деятельность на благо других людей, человек может противостоять отчуждению. Но если, «в условиях современного мира с его режимом труда

²³⁰ Напомню также, что логика «Этики» Спинозы ведет к обоснованию любви познания Бога, причем не только как высшего познавательного акта, но и как высшего воплощения любви.

²³¹ См.: *Спиноза Б. Этика*. СПб.: Азбука-классика, 2007. С. 27, 327, 313–345.

²³² *Фромм Э. Человек для себя*. Мн.: Коллегиум, 1992. С. 54.

и духовным вырождением»²³³ плодотворная деятельность человека не находит признания и сам человек не находит ответной любви в своем окружении, то это говорит об абсурдности человеческого существования и тем большей необходимости в преодолении данного этапа развития общества.

*М. Вебер vs. Л. Толстой: жить
в соответствии с требованием времени*

В 1889 г. в работе «Что такое искусство?» Лев Толстой писал, что «человечество, не переставая, движется от низшего, более частного и менее ясного к высшему, более общему и более ясному пониманию жизни. <...> Как и во всяком движении, и в этом есть люди, яснее других понимающие смысл жизни, и из всех этих передовых людей <проявляется> всегда один, более ярко, доступно, сильно — словом и жизнью — выразивший этот смысл жизни. Выражение этим человеком этого смысла жизни вместе с теми преданиями и обрядами, которые складываются обыкновенно вокруг памяти этого человека, и называется религией. Религии суть указатели того высшего, доступного в данное время и в данном обществе лучшим передовым людям, понимания жизни, к которому неизбежно и неизменно приближаются все остальные люди этого общества»²³⁴.

Спустя два десятилетия в 1918 г. в докладе, прочитанном в Мюнхенском университете, М. Вебер ска-

²³³ См.: Мунье Э. Заметки о труде // Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999. С. 148.

²³⁴ Толстой Л.Н. Что такое искусство? // Толстой Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 15. С. 81.

жет: «Судьба нашей эпохи с характерной для нее рационализацией и интеллектуализацией и прежде всего расколдовыванием мира заключается в том, что высшие благороднейшие ценности ушли из общественной сферы или в потустороннее царство мистической жизни, или в братскую близость непосредственных отношений отдельных индивидов друг к другу»²³⁵.

Итак, высшие благородные ценности ушли из общественной жизни и, вряд ли, религии сегодня (в контексте рассуждения Л. Толстого) суть указатели того высшего, доступного в данное время и в данном обществе лучшим передовым людям, понимания жизни.

Согласно Веберу ни искусство, ни пророчества с кафедры сегодня не определяют понимание жизни. Бесплезно насильственно прививать вкус к монументальному искусству так же, как бесплезно попытаться ввести религиозные новообразования без нового, истинного пророчества. Кто не может мужественно вынести этой судьбы эпохи, пусть лучше тихо просто вернется в широко и милостиво открытые объятия древних церквей. Последнее сделать нетрудно. Он должен также так или иначе принести в «жертву» интеллект — это неизбежно²³⁶.

Мы должны констатировать, продолжает Вебер, что сегодня положение тех, кто ждет новых пророков и спасителей, подобно тому положению, о котором повествуется в одном из пророчеств Исая; речь идет здесь о прекрасной песне эдемского сторожа времен изгнания евреев: «Кричат мне с Сеира: сто-

²³⁵ Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избр. Произвед. М.: Прогресс, 1990. С. 733–734.

²³⁶ Там же. С. 734.

рож! сколько ночи? сторож! сколько ночи? Сторож отвечает: приближается утро, но еще ночь. Если вы действительно спрашиваете, то обратитесь, и придите. <...> Народ, которому это было сказано, спрашивал и ждал в течение двух тысячелетий, и мы знаем его потрясающую судьбу. Отсюда надо извлечь урок: одной только тоской и ожиданием ничего не сделаешь, и нужно действовать по-иному — нужно обратиться к своей работе и соответствовать «требованию дня» — как человечески, так и профессионально. А данное требование будет простым и ясным, если каждый найдет своего демона и будет послушен этому демону, ткущему нить его жизни»²³⁷.

Какой вывод можно сделать из этого «пророчества» М. Вебера? Высшие благородные ценности обесценены; ни искусство, ни наука, ни религия больше не помогают идти по жизни, утрачены главные ориентиры. Но жить, проводя дни и годы в тоске, в ожидании новой культуры, которая преподнесет нам новые ценности, нового мессии, который откроет понимание жизни, бессмысленно.

Нужно жить, обратиться к своей работе, осознавая, что «наша жизнь и каждый ее день — это прелюдия к жизни, невообразимо более длительной, ценной и важной». Каждый прожитый нами день определяет нашу судьбу в дальнейшем. «Оставшись одна, душа не сможет ничего изменить в своей судьбе». Поэтому нужно ценить каждый день и дорожить им, и пользоваться возможностью жить плодотворно, реализуя свои возможности, «участвуя в производстве жизни своей и новой». Нужно найти своего «демона, ткущего

²³⁷ Вебер М. Указ. соч. С. 734–735.

нить нашей жизни», своего Демиурга, живинку, которые помогут открыть наши творческие возможности и горизонты нашего бытия в любви к работе и жизни.

Заключение. Труд во спасение

Вернемся к вопросу: что выбирает современный человек — отказ от труда или обращение к нему как к спасению?

Столкнувшись с индустриальным трудом, человечество ощутило его тяготы и предприняло попытки преодолеть их. Действительно благодаря развитию техники тяготы индустриального труда уходят в прошлое, и концепция конца труда в его классическом понимании касается именно этого процесса. В условиях современной организации труда человек может выбирать профессии, виды и формы занятости.

Человечество все более прибегает к новым вариативным трудовым практикам, ограничивается сокращенным рабочим днем, работой по договору, краткосрочному найму и пр.

Это вселяет надежду на позитивные изменения организации трудовой деятельности, на то, что человек сможет больше времени уделять творческой, индивидуальной стороне труда, сможет уйти от труда как совокупности однообразных тягостных действий.

Однако наряду с освобождением труда, облегчением выполнения трудовых обязанностей научно-техническое развитие ведет к сокращению рабочих мест. Индустриальный труд уходит в прошлое, но вместе с ним в прошлое уходит и массовая занятость. При этом востребованные экономикой производства пере-

водятся в более привлекательные для работодателя регионы, и это также ведет к сокращению рабочих мест во многих экономически развитых странах.

Таким образом, в освобождении труда наряду с научно-техническим развитием участвуют кардинальные изменения в системе «капитал — труд». Человек все меньше востребован в ставшем для него привычном качестве работника. Перспектива этого процесса — утрата рабочего места с сомнительной перспективой восстановления.

В условиях противостояния капитала труду человек не может бежать от труда. В этих условиях труд как никогда (или как всегда) становится спасением.

Опасность утраты труда с еще большей отчетливостью показала, как важен человеку труд, — и как источник существовавшего, и как занятие, и как оформление жизни.

Что государство может противопоставить утрате человеком рабочего места? Пособие по безработице, пособие по бедности, подаяние Welfare State? Вряд ли это решает проблему, скорее, как показывает опыт истории, ведет к моральному разложению, деградации (хотя сегодня на повестке дня также вопрос об универсальных выплатах гражданам экономически развитых государств вне зависимости от доли экономического участия). Чтобы оставаться человеком, необходимо работать. И уже ведутся переговоры о перемещении промышленных производств на места их исходного пребывания.

Однако недостаточно просто держаться за труд, как за спасительную соломинку. Современный человек должен измениться, найти возможность перестроиться с учетом современных требований на

рынке труда. И не случайно человек становится трудоголиком. Преодолевая тяготы труда, он обретает любовь к труду, и эта любовь освещает его жизнь, делая ее осмысленной.

Безусловно, людей, напуганных перспективами и последствиями экономических кризисов, сложно утешить рассуждениями о ценностях человеческого существования, рассуждениями о «преодолении аффектов любовью к познанию, Богу». Но очевидно, что и в самые сложные времена люди должны сохранять самих себя и свои души: никто, кроме самого человека, об этом не подумает. Размышляет ли человек в условиях кризиса о своем предназначении, перспективах существования?

Эти вопросы поднимали многие философы на протяжении истории человечества. Трезвое понимание всегда представляло человека во всем спектре его слабых и сильных сторон, достоинств и недостатков.

Выдающийся французский мыслитель Блез Паскаль представлял человека в образе «мыслящего тростника», слабого создания природы. Что значит он по сравнению с бесконечностью? Чтобы его уничтожить, вовсе не нужно, чтобы на него ополчилась вся Вселенная. Довольно дуновения ветра, капли воды.

Однако, наше достоинство, утверждает Паскаль, не в овладении пространством, а в умении здраво мыслить. Я ничего не приобретаю, сколько бы ни приобретал земель: с помощью пространства Вселенная охватывает и поглощает меня как некую точку; с помощью мысли я охватываю всю Вселенную²³⁸.

²³⁸ Паскаль Б. Мысли. СПб.: Азбука–классика, 2005. С. 265.

Но одной способности мыслить недостаточно, как недостаточно и осознавать свою слабость: человек должен расти в своем сознании. И уж, конечно, не следует убегать от трудностей жизни. Убегая, мы не решаем проблем. Человек не должен жить одним днем. Это извечная ошибка человечества.

Для Паскаля, существуют две основные истины христианского вероучения и сводятся они к следующим положениям: «первое гласит о развращенности человеческого естества, второе — об искуплении, дарованном человечеству Иисусом Христом».

Принимая эти истины, мы можем выбрать верный путь. Человек появился на свет не для того, чтобы сломаться в этой кризисной эпохее. У человека были и есть совсем иные задачи его появления на земле, и никакой кризис не может стать препятствием существованию человека и его развитию.

Библиографический список

- Автономов В.С.* Человек в зеркале экономической теории (Очерк истории западной экономической мысли). М.: Наука, 1993.
- Алексеев–Попов В.С.* О социальных и политических идеях Руссо // Руссо Ж.–Ж. Трактаты. М.: Наука, 1969.
- Ален.* Суждения. М.: Республика, 2000.
- Амусин М.* Макс Фриш. Аналитик мечты // Новый Мир. 2011. № 5.
- Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000.
- Аристотель.* Политика // Сочинения: В 4–х т. М., 1984. Т. 4.
- Ашкеров А.* Начала труда и конец производства // Отеч. зап. 2003. № 3.
- Бажов П.П.* Уральские сказы. М.: Дет. лит., 1980.
- Бауман З.* Глобализация. М.: Весь Мир, 2004.
- Бауман З.* Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2002.
- Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. М.: Прогресс–Традиция, 2001.
- Беккет С.* Мечты о женщинах, красивых и так себе. Фрагмент романа // Иностр. лит. 2005. №10.
- Бердяев Н.А.* Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989.
- Беркли Дж.* Сочинения. М.: Мысль, 1978.
- Берништейн А.* Профессия — дилетант // Отеч. зап. 2012. № 4(49).
- Богданов А.А.* Труд и потребности работника // Богданов А.А. Тектология (всеобщая организационная наука). М.: Экономика, 1989.

- Вебер М.* Наука как призвание и профессия. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
- Волкогонова О.Д.* Русская религиозно–идеалистическая философия XIX — начала XX веков. М.: ГА ВС, 1992.
- Вышеславцев Б.П.* Кризис индустриальной культуры. Марксизм, неосоциализм, неолиберализм // Вышеславцев Б.П. Соч. М.: Раритет, 1995.
- Гегель Г.В.Ф.* Философия права. М.: Мысль, 1990.
- Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 2001.
- Горц А.* Нематериальное. Знание, стоимость и капитал. М.: Изд. дом Гос. ун–та Высш. шк. Экономики, 2010.
- Горький М.* На дне // Горький М. Избранное. М.: Эксмо, 2004.
- Григорьева Н.* Anima laborans: писатель и труд в России 1920–1930–х гг. СПб.: Алетейя, 2005.
- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Рус. яз., 1989. Т. 2.
- Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Русский язык, 1990. Т. 3.
- Данте Алигьери.* Божественная комедия. М.: Наука, 1968.
- Джохадзе И.* Номо faber и будущее труда // Логос. 2004. № 6.
- Достоевский Ф.М.* Записки из мертвого дома // Достоевский Ф.М. Повести и рассказы: В 2 т. М.: Гос. изд–во худож. лит., 1956.
- Ефремова Т.Ф.* Новый толково–словообразовательный словарь русского языка. М.: Русский язык, 2000.
- Занятость и социальная прекарнизация в России: введение в анализ / В.Н. Бобков, О.В. Вередюк, Р.П. Колосова, Т.О. Разумова. М.: ТЕИС, 2014.
- Зеленин А.В.* Русская лень // Рус. яз. в шк. 2005. № 5.

- Зубец О.П.* Праздность и лень // Этическая мысль / Отв. ред. А.А. Гусейнов. М.: ИФ РАН, 2002. Вып. 3.
- Иноземцев В.Л.* За пределами экономического общества. М.: Akademia–Наука, 1998.
- История философии: Запад–Россия–Восток / Под ред. Н.В. Мотрошиловой. М.: Греко–латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 1996. Кн. 2.
- Камю А.* Избранное: Сб. М.: Радуга, 1988.
- Капелюшников Р.* Идея «вековой стагнации»: три версии // Вопросы экономики. 2015. № 5.
- Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ
- Кожевников В.А.* Бесцельный труд, «не–делание» или дело? Разбор взглядов Эмиля Золя, Александра Дюма и графа Л.Н. Толстого на труд. М.: Типография Е.К. Гербек, 1893.
- Коротяев С.А.* «Креативные» группы в российском обществе: труд, культура и мировоззрение // Нова ли Новая Россия / Под общ. ред.: О.И. Шкаратан, Г.А. Ястребов. М.: Университетская книга, 2016. С. 326–357.
- Корсани А.* Тотальное проникновение. Капитализм, биотехнология и неолиберализм // Политич. ж–ль. 2008. № 2.
- Ле Гофф Ж.* Другое Средневековье. Время, труд и культура Запада. Екатеринбург: Изд–во Урал. ун–та, 2000.
- Локк Дж.* Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3.
- Лондон Дж.* Мартин Иден. М.: АСТ, 2013.
- Лукач Г.* Экономические взгляды Гегеля в Йенский период // Вопр. филос. 1956. № 5.
- Малиновский Б.* Избранное: Динамика культуры. М.: РОССПЭН, 2004.
- Мамфорд Л.* Миф машины. М.: Логос, 2001.

- Маркс К. Энгельс Ф.* Соч.: 2-е изд. М.: Госполитиздат, 1961. Т. 20.
- Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М.: Политиздат, 1974. Т. 42.
- Маханьков Р.* Кто не работает, тот не есть // Фома. 2005. № 2 (25).
- Маяцкий М.* Курорт Европа: эссе. М.: Ад Маргинем Пресс, 2009.
- Мунье Э.* Манифест персонализма. М.: Республика, 1999.
- Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое, Книга для свободных умов // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1990. Т. 1.
- Нотомб А.* Серная кислота. Дневник ласточки. М.: Иностранка, 2005.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1995.
- Паскаль Б.* Мысли. СПб.: Азбука-классика, 2005.
- Платон.* Собрание сочинений: В 4-х т. М.: Мысль, 1994.
- Поланьи К.* Великая трансформация: Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002.
- Польре Б.* Когнитивный капитализм на марше // Политический журнал. 2008. № 2.
- Райх Р.* Труд наций. Готовясь к капитализму XXI века // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М.: Academia, 1999.
- Руссо Ж.-Ж.* Трактаты. М.: Наука, 1969.
- Салинз М.* Экономика каменного века. М.: ОГИ, 2000.
- Сидорина Т.Ю.* Два века социальной политики. М.: РГГУ, 2005.
- Сидорина Т.Ю.* Государство всеобщего благосостояния: от утопии к кризису. М.: РГГУ, 2013.

- Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007.
- Современный толковый словарь. Изд.–во «Большая советская энциклопедия», он–лайн версия. <http://www.classes.ru/all-russian/russian-dictionary-encycl-term-40017.htm>
- Солженицын А.И.* Один день Ивана Денисовича. Рассказы 60–х годов. СПб.: Азбука–классика, 2001.
- Солженицын А.И.* Собрание сочинений: В 30 т. М.: Время, 2006. Т. 1.
- Соловьев В.С.* Соч.: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 1.
- Спиноза Б.* Этика. СПб.: Азбука–классика, 2007.
- Толстой Л.Н.* Неделание // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: Гос. изд.–во «Художественная литература, 1954. Т. 29.
- Толстой Л.Н.* Что такое искусство? // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. М.: Худож. лит., 1983. Т. 15.
- Уайльд О.* Душа человека при социализме // Уайльд О. Собр. соч.: В 3 т. М.: ТЕРРА, 2000.
- Федоров Н.Ф.* По поводу брошюры В.А. Кожевникова «Бесцельный труд, "Неделание" или дело?» // Федоров Н.Ф. Собр. соч.: В 4 т. М.: Evidentis, 2005. Т. 4.
- Федотова В.Г., Федотова Н.Н.* Вторая великая трансформация: политические и экономические основания нашего времени // Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно–политическая экономия. М.: Прогресс–Традиция, 2007.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла: Сб. М.: Прогресс, 1990.
- Фриш М.* homo Фабер. Назову тебя Гантенбайн. Солдатская книжка. М.: Канон Пресс, 1998.
- Фромм Э.* Человек для себя. Мн.: Коллегиум, 1992.

Фукуяма Ф. Конец истории или последний человек. М.: АСТ, 2010.

Ханна П. Демократия или эффективность: вызов XXI века // Свободн. мысль. 2010. № 8.

Шелер М. Человек и история // THESIS. 1993. Вып. 3.
Шкаратан О.И., Ястребов Г.А. Становление новых форм социального расслоения в России // Социально–экономическое неравенство и его воспроизводство в современной России / отв. ред. О.И. Шкаратан. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2009. С. 141–191.

Шкаратан О.И., Гасюкова Е.Н. Прекариат: новая зона риска в российском обществе // Новая ли Новая Россия / Под общ. ред.: О.И. Шкаратан, Г.А. Ястребов. М.: Университетская книга, 2016. С.304–326.

Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993.

Элюль Ж. Другая революция // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.

Юнгер Ф. Машина и собственность // Юнгер Ф. Совершенство техники. Машина и собственность. СПб.: Владимир Даль, 2002.

Ясперс К. Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.

Bunting M. (2004) *Willing Slaves*. L.: Harper Collins Publishers.

Ellul J. (1964) *The Technological Society*. N.Y.: Random House.

Florida R. (2002) *The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life*, Basic Books.

Gordon R.J. (2014a). *The Demise of U.S. Economic Growth: Restatement, Rebuttal, and Reflections*. NBER Working Paper, No. 19895.

Gordon R.J. (2014b). The Turtle's Progress: Secular Stagnation Meets the Headwinds // C. Teulings, R. Baldwin (eds.). *Secular stagnation: Facts, causes, and Cures*. Centre for Economic Policy Research (CEPR), VoxEO.org eBook.

Gordon R.J. (2012). Is U.S. economic growth over? Faltering innovation confronts the six headwinds. NBER Working Paper, No. 18315.

Heilbroner R.L. (1988) *Behind the Veil of Economics. Essays in Worldly Philosophy*. N.Y.; L.: W. W. Norton.

Kalleberg Arne L. (2009) *Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition* // *American Sociological Review*. Vol. 74. No. 1. P. 1–22.

McKay S., Jefferys S., Paraksevopoulou A., Keles J. (2012) *Study on Precarious Work and Social Rights*. L.: Working Lives Research Institute, London Metropolitan University.

Misra J., Moller S., Karides M. (2003) *Envisioning Dependency: Changing Media Depictions of Welfare in the Twentieth Century* // *Social Problems*. Vol. 50. No. 4. P. 482–504.

Montanari A. (2016) *New forms of solidarity and communalism* // *Third ISA Forum of Sociology*.

Schelsky H. (1955) *Arbeiterjugend, Gestern und Heute*.

Standing G. (2011). *The Precariat: The New Dangerous Class*. L.; N.Y.: Bloomsbury Academic.

The Complete Danteworlds: A Reader's Guide to the Divine Comedy / by Guy P. Raffa. University Of Chicago Press (May 15, 2009). Интернет–источник: (<http://www.amazon.com/Complete-Danteworlds-Readers-Divine-Comedy/dp/0226702707>); <http://danteworlds.laits.utexas.edu/>.

Оглавление

Введение	5
Труд в индустриальную эпоху	8
Принуждение к труду	15
Формы и методы принуждения к труду	16
Возвышение и упадок труда	36
Феномен конца труда в его классическом понимании	41
Капитал против труда и государства	43
Какой труд у нас в почете	50
Трудоцентризм как образ жизни	62
Трудоголизм: достоинство или недостаток	66
Амбивалентное отношение к труду в литературе ...	70
В защиту праздных	106
Существование без труда таит в себе опасность	118
Проблема свободного времени	126
Творчество как призвание	131
Чем занять человека в условиях социальной неопределенности	146
Новый труд и новый образ жизни	153
О труде и смысле жизни	156
Заключение. Труд во спасение	175
Библиографический список	179